

Анатолий Михайлович Давыдов
(1923-2004)

А.М. Давыдов. Избранное

В книге представлены стихотворения и очерки Анатолия Михайловича Давыдова из личного архива Екатерины Егоровны Соболевой, переданные ею для публикации, а также стихотворения из архивов устьилимцев.

Анатолий Михайлович Давыдов - фронтовик. Он прошёл всю войну, оставив на стене Рейхстага свою роспись. Его стихи о войне, честные и мужественные, высокие и сильные, открывают книгу.

Надеемся, что она будет подарком городу и ветеранам Великой Отечественной войны к 65-летию Победы от всех, кто принимал заинтересованное участие в подготовке сборника А.М. Давыдова к печати.

Издание книги не преследует коммерческих целей.

А.М. Давыдов

Книга была напечатана при финансовой помощи мэра г. Усть-Илимска Владимира Сергеевича Ташкинова, ИП Дмитрия Юрьевича Верещагина, типографии «Пятый цвет», депутатов Городской Думы Михаила Михайловича Рябикова, Эдуарда Викторовича Перекопного.

Книга вышла в свет благодаря инициативе и неравнодушию директора МОУ «Усть-Илимский экспериментальный лицей» Муссы Мазановича Батербиева и учителя русского языка и литературы Татьяны Владимировны Коршуновой.

Будучи корреспондентом, Анатолий Михайлович проехал всю страну: от Ленинграда до Дальнего Востока. Побывал в Карелии, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Монголии, Бурятии. Писал зарисовки, фельетоны, очерки, стихи. Выпустил четыре сборника для взрослых, четыре - для детей.

Война до конца дней не отпускала поэта. Он много писал о ней и в стихах, и в прозе.

При жизни Анатолий Михайлович Давыдов мечтал о том, что все его стихотворения когда-то будут собраны в одну книгу, и любители поэзии, друзья поэта, поклонники его таланта смогут их прочитать. Он надеялся передать свои мысли, чувства, свою любовь к родине и боль за неё идущим следом поколениям. И, возможно, им, благодарным потомкам, удастся сделать нашу Родину счастливой.

И вот такая книга издана. Сборник стихотворений А. М. Давыдова «Не нарушая совести присягу» создавался при бескорыстном участии многих заинтересованных людей, понимавших, что это - не только дань памяти человеку, трудная судьба которого связана с Усть-Илимском, но и событие для культурной жизни. В его стихах пульс истории, портреты современников, сибирские пейзажи - всё то, что составляет неповторимый колорит молодого сибирского города.

Благодаря горожанам, людям разных профессий, и увидела свет эта книга. В подготовке к выпуску сборника стихов приняли участие:

- сотрудники МОУ «Усть-Илимский экспериментальный лицей» - Евгения Анатольевна Пикша, Анна Николаевна Колгина;
- главный редактор газеты «Вечерний Усть-Илим» - Елена Николаевна Труфанова;
- сотрудники МУК «Централизованная библиотечная система» - директор Нина Васильевна Лобова, главный методист Лидия Викторовна Калабина;
- руководитель поэтического клуба «СтихИЯ» - Валентина Ивановна Саблина;
- усть-илимские поэты - Екатерина Борисовна Мокроусова, Владлена Александровна Зобова.

Подготовка сборника к печати осуществлялась сотрудниками издательского отдела рекламного агентства «МаркетСтудия»: Сергеем Александровичем Сухиным, Любовью Арсентьевной Бабуевой, Светланой Анатольевной Прокопенко.

Снова с памяти экрана глядит суровая война

Старый солдат

Когда уткнутся в берег лодки,
Взойдёт луна над бугорком,
Ему не надо стопки водки -
Разговорится за чайком.
И выплывут из дальней дали,
Из давности горячих дней
Бомбёжки гул, и скрежет стали,
И над траншеей свинцевей.
И выплывут слова такие:
Атака, мины, медсанбат,
Друзья, давно уж не живые,
Которых не забыл солдат.
Ты слушай, не перебывая,
В словах его не встретишь ложь -
Солдат седой такое знает,
Что в сотнях книжек не найдёшь.

Наверное

Наверное, я не был молодым,
Вернулся с той войны с душой седою.
Не ради моды шрамы с бородою,
В глазах не проходил сражений дым.
Теперь уж больше некуда сесть -
Осталось всем назло помолодеть!

* * * * *

Мне приснилось: сбросив ношу лет,
Я иду доверчивый и юный,
Не в одежды, а в мечты одет.
И поют невидимые струны.
Мне приснилось, будто я люблю
Девушку - прекрасней нет на свете!
Я себя в дорогу тороплю,
А она мне так призывно светит!
Я её себе нарисовал:
И глаза, и локоны, и руки.
Только вдруг сигнал: «Кончай привал!»,
И войны расхлёстанные звуки.
Только вдруг вползает смрадный чад
От ещё дымящихся развалин,
И летит над головой снаряд,
И волна от взрыва наземь валит.
Понимаю: это только сон -
Вот открой глаза и убедисься.
Где ты, тот отдельный батальон?
И зачем ты, сон, так долго длишься?!
И глаза открыть я не могу:
Как же бросишь тех, что там остались?!
Только верьте: я не побегу,
Пересилю боли и усталость.

После фильма

На экране опять пальба,
Оседает в дыму стена
Непридуманная судьба -
Сочинённая кем-то война.
Кровожадный, но глупый враг -
Как такого побить не сумеет!
А ведь было совсем не так -
Не бывает красивой смерть.
Коль не пережил, лучше не трошь,
Ураган не уместится в луже.
Полуправда - такая же ложь,
А бывает и много хуже.

У реки

Возле речки, у лесной закрайки,
Где застыла под кустом вода,
Ветер, словно струны балалайки,
Треплет потихоньку провода.
Он играет явно без охоты,
И ползёт на лес от речки мгла.
Где-то здесь гвардейская пехота
В том году бесщётно полегла.

Берёзка

Мы очень долго отступали.
Был жарок бой. Мы залегли.
И с той минуты твёрдо знали:
За нами дальше нет земли.
Я помню дождь, косой и хлёсткий,
По дну окопа тёк ручей,
Стояла тонкая берёзка,
Качалась на земле ничьей.
Не жаловалась, не стонала,
Когда вершину снёс снаряд,
Исхлёстанная злым металлом,
Она стояла, как солдат.
А поутру горела ало
У всей округи на виду.
И предложил солдат бывалый
Ей Золотую дать Звезду.

* * * * *

По старой Байкальской дороге
Я ехал усталый, колючий.
Всё было: и боль, и тревоги,
В ближайшем не виделось лучшего,
Не виделось близкой победы.
Сквозь сосен настойчивый запах,
Сквозь тихие мирные беды
Я рвался обратно на запад.
Стоянки на полустанках
Казались какой-то ошибкой.
Но девочка где-то в Слюдянке
Дала мне кедровую шишку.
Она ничего не сказала,
Она ничего не спросила,
Но там, в суете привокзальной,
Усталость сменилась на силу.

Теплушек задвинулись двери,
И стало мне стыдно за слабость
Девчонка-то верит мне, верит!
И должен я вырвать ей радость!

Прорвёмся

Когда вдруг смерч тоски закружит,
Сомнений наслонится лёд,
Скажи себе: «Бывает хуже!
Случалось хуже!» - и пройдёт.
Припомни, как из переделок
Ты выходил, помят, но здрав.
Скажи себе: «Сей омут мелок!»
Шагай вперёд, беду поправ.
Скажи себе: «Солдат, прорвёмся!» -
Иначе станет свет не мил.
Мы часто року поддаёмся,
Не испытав своих же сил.

* * * * *

Кто не пожил в землянке,
Не погнулся в окопе,
Не мотал, как портянки,
Километры Европы,
Не делился махоркой
И обрывком газеты,
Кто с судьбиною горькой
Не мотался по свету,
Не изведаль, как жжёт
Память снова и снова, -
Тот навряд ли поймёт
Ветерана седого.

Ленинградка

День у станка, а по ночам на крыше -
Всё не стихает зажигалок град.
Усталый, но до боли ясный взгляд.
Откуда силы? Кажется, чуть дышит.
Голодная, от холода дрожит,
И только что похоронила сына.
А ведь ему бы только жить да жить.
Ох, и тяжка ты, матери судьбина!
И снова слышен самолетов гул...
Но ленинградку не сломить врагу!

* * * * *

Приходят в сны, прорвавшись сквозь года,
Дни злой войны, блокадная страда.
Мин слышу вой, осколков слышу град,
А за спиной горящий Ленинград.
Мой милый город, мой родимый дом -
Мороз и голод поселились в нём.
И оживают павшие друзья.
Они не знают, где сегодня я.
И знали бы - ко мне заказан путь,
А может быть, им хочется взглянуть
На то, как я веду потерям счёт.
Ну, что ж, друзья, мы свидимся ещё.
Я вас найду, в раю или аду -
Короче, там, куда я попаду.

И наяву не забываю вас,
К себе зову на помощь в трудный час.
Одна из вех - блокадная страда.
И помню всех, кто рядом был тогда.

О страхе

Меня спросили: ведом ли мне страх?
Я растерялся, не найдя ответа,
Потом не спал до самого рассвета
С табачною горчинкой на губах.
Смолил и думал, вспоминал года,
Когда особо приходилось лихо,
Блуждал в прошедшем, путался в следах,
А ночь за мной подсматривала тихо.
Была война - не тещины блины,
Ну, а в разведке всякое случалось.
Перелистал я дни войны сначала,
Но не сыскал позорной слабины.
Вдруг хлопнула проснувшаяся дверь в подъезде -
И как будто ошарашило!
Я вздрогнул, чертыхнулся. Вот и верь
В своё непобедимое бесстрашие.

Сны

Хоть бы ночьку без снов,
Без кровавых и дымных снов,
Без разрушенных городов,
Без пожаров, разрывов, бинтов.
Почему не покинут сны -
Отголоски большой войны?
Значит, мы забыть не вольны
Боль и горе родной страны.

Война

Для нас война была работой,
Ей обучались на ходу,
Когда в бою глушили доты,
Ползли под взрывами по льду.
Нас не ждала головоломка -
За промах нерасчёт какой:
Ошибся - госпиталя койка,
А чаще - вечный упокой.
За вредность льготы не давали,
Не посылали на курорт,
Хотя и в пекле побывали
В каком едва ли сдюжит чёрт!
В окопах слякотных пехота,
А «тигры» на неё ползут.
Война - солдатская работа,
Во имя мира тяжкий труд.

* * * * *

Кто не пережил жизни солдата,
Тот не знает, как дорог и мил
Лист бумаги, потёртый, измятый,
Что любимой слова сохранил.
Тот не знает, как хочется снова
Ласки милой, хотя бы в строках
Телеграммы, письма или записки,
Что до сердца прошли путь неблизкий.

Доброволец

Ему едва семнадцать стукнуло,
А он уже залез в окоп
И горюшка хватил взахлёб:
Бои, и отступленья сутолоку,
И смерть родных, и смерть друзей,
Житьё-бытьё полуголодное.
Но слабости сказал: «Не смей!
Враг лют, но будет Русь свободною!»
Не будет хныканья и слёз -
Он добровольно крест понёс.

Сирень

Сирень разлилась, как река.
Конечно, есть цветы поярче.
Сирень прекрасна, но горька -
Пьянит и валит с ног, как чача.
Я помню: шёл нелёгкий бой,
Устали и душа, и тело,
А вот сирень над головой,
Совсем как в юности, кипела.
Мы отразили пять атак -
Пожалуй, так впервые было,
Но выжить захотелось так,
Что вновь вернулась злая сила.
Мы выстояли - и пошли,
Хотя и полегло немало.
Нас красота родной земли
На новый бой благословляла.

Солдатские песни

Звучат фронтовые песни,
И я возрождаюсь вновь, -
Взрывает упругая кровь
Преграды из старческой плесени.
И гордость, и боль встают
Солдатские песни поют.

Была война

Фашисты с каждым днём сильнее зверели.
Несли снаряды, воздух накаляя.
Снесли больницу имени Фореля,
А нас хранила матушка - земля.
Земляночною теплотой объята,
На час, забыв осколков нудный вой,
Шутили под накатами солдаты,
Вернувшиеся с злой передовой.
Наркомовскую выпивали махом,
Очистив без помехи котелки,
Махру тянули не спеша, со вкусом, -
Мигали самокруток огоньки.
Земля хранила, да не всех спасала,
Глядишь - и пусто место в блиндаже.
Друзей своих теряли мы немало
На нашем том блокадном рубеже.
Их поминали, напрягая скулы.
Казалось, гибель их - твоя вина.
И даже старшина стоял сутоло,
Подтянутый обычно старшина.

Счастливые люди, которым не снятся
Разрывы, обрывы и тления смрад;
Что в снах не стремятся куда-то добраться,
Добраться, чтоб снова вернуться назад;
Что в сумрачных снах не горят и не тонут,
Друзей не теряют, не стонут в бреду.
А я-то уж знаю: от этой погони
Теперь до конца своих дней не уйду.
От памяти скрыться нет силы. Находит -
И вновь полыхают пожары войны.
Да чёрт бы со мной! Пусть другим не приходят
Ни в снах и ни в яви кровавые дни.

Письма

На фронте писем я не получал -
Случилось так, что не от кого стало.
А вот чужие довелось читать,
И отвечать на них пришлось немало.

Какие разные! И всё же чаще боль
Пронизывала скромненькие строчки:
Мол, твой брательник без руки пришёл,
А вот сестрёнку разбомбило с дочкой.

Или такое: «Спуталась жена твоя
с тыловиком везучим,
И я теперь уж больше не нужна.
Хоть разбегись - и головою с кручи».

Такие были: дескать, ждём и ждём,
А от тебя полгода как - ни строчки.
Чужие письма только жгли огнём,
И били в сердце самой малой точкой.

И я писал той, что не дождалась,
Ядрёное солдатское слал слово!..
А матери? Где взять такую власть,
Чтоб павших возвращать для жизни снова?!

Но я, если просили, то писал.
Да только писем сам не получал.

Главное

Что ты скажешь, сердце - мудрый вестник?
Знаю - трудно, ну, а ты скажи.
Мы уже не смотрим на ровесниц -
Вот она, как повернулась жизнь.
А своих годков не замечаем,
Если не совсем сдаёт «мотор».
Что же о себе мы, други, знаем,
Коли спрашивать в упор?
Перед артогнём не гнули спины,
Не валили на других грехи.
Вынесли тяжёлую годину.
Ну, а хороши мы иль плохи -
Кто на это и когда ответит?
Только похвалы нам не нужны!
Главное, чтоб наших внуков дети
Не познали тяжких бед войны.

И нет мне покоя

Как будто открылась военная рана,
Заныла - и я допоздна не усну,
Когда, как набат, с голубого экрана
В квартире услышу опять про войну.
Услышу - и дрожь пробежится по сердцу,
До гроба, как видно, не жить с ней в ладу.
Хоть снайпер в меня и не целил усердно,
Родился на свет я в победном году.
Но в снах, где не крикнуть и помощи нету,
Фашисты к оврагу толкали меня.
Быть может, и папку вот так же к кювету
Вели на излёте кровавого дня.
И - смерть миллионов. Разруха да голод.
То горе народов, а значит, моё.
И чьё-то сиротство - в жару или холод -
Скребётся в моё и поныне житьё.
И нет мне покоя, хоть в разум я верю:
Планету безумцам вовек не поджечь!
Дай бог, чтобы снова в разбитые двери
Дома не студила захватчиков речь.

* * * * *

Война приходит в ночь без стука,
Своя - и в яви, и во сне.
Приносит запахи и звуки,
И снова боль горит во мне.
Я снова по войны законам
Живу, сужу себя, других,
И, будто в поиске рисковом,
Надеюсь только на своих.
Но где они, что были рядом
Там, за нейтральной полосой?
Вот с кем бы повидаться надо!
Но машет смерть своей косой.

Моя душа

Моя душа рождалась дважды:
У речки в дебрях тишины,
В глуши туманности овражной
И в судорогах большой войны.
То птичье, то снарядов пенье
Пронзили гулкие года,
Слились в одно те два рожденья,
Смешались радость и беда.
Идут дожди и снегопады.
Ветра меж листьями шуршат.
Не потому ли в час отрады
Всегда тревожится душа?

Случался час

И на войне случался час,
Когда печаль сменяла радость.
Кто это испытал хоть раз,
Не позабудет. И не надо.
Не замести годам тот след,
Не затуманить суесловьем.
Не надо забывать побед,
Которые добыты кровью.

Немножко о войне

1

Писать о войне -
Писать о себе,
Писать о судьбе,
Писать о беде
Это страшно втройне.

2

Сны о войне -
Сны обо мне.
Страшные сны
Кровью полны.
Сны о боях,
Сны о друзьях
Болью полны
Ратные сны.
Страшную болью -
К жизни любовью.

3

Над нами небо голубое,
Не шелестит пока снаряд.
Но мы идём в разведку боем,
И мало кто придёт назад.
Тогда - счастливчик - я вернулся,
Вернулся с боя - не с войны.
На ней останусь до могилы,
Не пули доконают - сны
И яви, что отнюдь не милы.

4

Любил луну до дней войны -
Потом она постылой стала.
Влюбился в ночи, что темны,
И это до сих пор осталось.
Так приучила нас война -
Чтоб темнота и тишина.

5

Разведка - тяжкая работа,
Но и жестокая игра,
Где смерть играет с человеком,
Не поддаваясь на «ура».

6

Мне не снятся радостные сны,
Но порою - дружеские лица
Тех, кто не вернулся с той войны,
Тех, мне за кого не расплатиться.

7

Снег скользок и твёрд, как рис,
Но вышел, пошёл на риск.
Когда же пожалует вьюга?
В ней часто я видел друга,
Особенно в дни войны,
Когда мой след заметала,
А это часто бывало.
И это счастьем бывало.

* * * * *

Не говорите мне: увы!
Мол, прошлое давно в осадке.
Я помню всё: в огне ковыль,
И запах боя горько-сладкий.
Я связи с прошлым не порву,
Не рассчитуюсь подчитую.
Я в прошлом до сих пор живу,
А в настоящем - существую.

* * * * *

Мне никогда так не хотелось жить,
Как в час, когда накрыла нас «Катюша».
И рушились над нами этажи,
И горький чад выматывал всю душу.
Я знал: никто ни в чём не виноват,
В порыве мы приказ опередили.
Но лица посеревшие солдат -
Пусть пронесёт! -
Неистово молили.
Ещё лишь залп. И нам спасенья нет!
И кто-то это инстинктивно понял -
Он руку командирскую не поднял,
И мирно угасал грозы отсвет.
Но утро нам не дало передышки, -
Берлин коварен был, безумно зол.
Но знали мы, вчерашние мальчишки,
Что праздник к нам на улицу пришёл.

* * * * *

Отцы наши не гнались за хвалой,
За славою не шли в чужие дали.
Не заедали жирный плов халвой, -
Они и вкуса-то её не знали.
А если приходилось вдруг бывать
В краях чужих, и сытных, и спокойных,
Не забывали Родину и Мать,
Что ждут домой прошедших через войны.
И мы, пройдя огонь и песни труб,
Не загордились и не ослабели.
Нам дороги улыбки милых губ
И серые российские шинели.

* * * * *

Всё отдала она войне:
И сыновей и мужа.
Остались фотки на стене,
Да ходики натруженные.
Они давно уж не стучат,
Но в чистоте и холе
Висят и на неё глядят,
Печально, но без боли.
Разъела ржавчина, как соль,
Нутро их. Так бывает.
А у неё из сердца боль
Никак не избывает.

Припомнилось

Порой приходят мысли скопом,
Порой сочатся по одной.
И вдруг припомнились окопы -

Свои, чужие за спиной.
А впереди лежит без края
Земля - своя и не своя.
Что будет через миг - не знаю,
Не на прогулку послан я.
Во тьме, сквозь заросли густые,
Стремлюсь навстречу злой судьбе.
Несу в себе мою Россию,
Всю необъятную - в себе.

Встреча

(фрагменты из поэмы)

1

Вроде нет и проблем,
Так - от скуки скулёж.
Ждёшь. Кого и зачем?
Непонятно, но ждёшь.
Всё давно отцвело -
День лежит на снегу,
Долго ждать тяжело.
И не ждать не могу.

2

А в ожидании приходят
Воспоминанья чередой:
То чувства давние забродят,
То болью вспыхнет давний бой.
Их не рассортируешь:
Мол, ты - добро,
А ты - отстань.
Они сплелись в тугие струи,
Где всякая исчезла грань.
Они твой сон нелёгкий метят,
Их не загонишь под кровать,
Их не убьёшь ничем на свете.
А, впрочем, надо ль убивать?

3

Ночные блики мне рисуют
На потолке и на стене
Картины точные, не все,
Известные до боли мне.
Я вижу радостное утро
И слышу петухов распев,
Я вижу клён зеленокудрый,
Что вдруг погиб, не постарев,
Когда чадающие громады
Ворвались в спящее село.
Такое б вспоминать не надо,
Но вспомнилось - и понесло
По дням тяжёлым, как по кочкам.
Звонок. Воспоминаньям точка.

4

Я звонки понимаю с ползвона,
Даже если звонит телефон.
То ли я уж такой умудрённый,
То ль такой существует закон
По природе. Но чувствую чётко,
С кем придётся сейчас говорить:
Или с милой, но глупой трещоткой,
Или с тем, кто не будет «травить»,
Кто не друг, но надёжный товарищ,
Кто тебе не несёт пустяка,

Если скажет, то словно приварит
И спешит к телефону рука.

5

- Вы слышите?
- Отлично слышу!
И почему-то дрожь в руке.
И словно ветер зло колышет
Тот голос в тонком проводке.
- Олег я!
Рук повисли плети.
От дружбы годы не излечат,
Она пройдёт сквозь шквал огня.
Я понял: сквозь десятилетия
Прорвался голос до меня.
А я считал, что где-то в Польше
Его прервали следы.
Я думал - не увижу больше.
- Лети, давай!
- Лечу! Лады!

6

- Ох, поседел ты, друг!
- А ты заматерел!
И по плечам тяжелыми ладонями.
Я помню, как под ним снежок краснел.
«Нет! Не жилец!» - в ту пору мы так поняли.
А вот он - жив! И смотрит озорно,
Хотя пригнула плечи злая старость.
Над нами неба серое рядно...
Да, маловато нас в живых осталось.
Ну, как не чудо: встретились, спаслись!
Бывает щедрой наша жизнь
на жизнь.

7

Мы сидим и молчим:
Всё не вспомнишь, не выскажешь.
Вьёт задумчивый дым
Петли сизые, рыжие.
Каждый видит своё,
Но своё наше - общее.
Будто снова вдвоём
Пробираемся ощупью
Сквозь чужие леса,
Через топи незнакомые.
Верим мы в чудеса -
Только в самые-самые!
Мы ползём сквозь февраль,
Мы вернёмся едва ль.

8

Приходят в минуты тяжёлые
Не только тревога и боль -
Вдруг память заполнится школою.
Картошка вдруг выплывет, соль.
Молоденькая учительница,
Которой умел высаживать,
Считал ведь себя исключительным,
Мол, дело любое подстать.
От детства войной отдалённому
В чужой, неудобной стране
Костёр и картошка печёная
Пригрелись мне в тишине.
Рассыпчатая, заманчивая,
Что в рот самолично летит.

Но тишина обманчива,
И надо ведь дальше ползти.

9

Точное место? В памяти прочерк!
Где-то за Вислой это случилось.
На карте разве отыщешь точку,
Где злая сила тебя сломила?
Очнулся. Хлопочут женские руки,
И разговор знакомый, а непонятный
Полячки.
И вовсе мирные звуки.
На стенах тёплые пятна.
Мирный дымок над белёной трубой,
Бимбера стопка к обеду.
А после госпитали:
один, другой.
Там и встретил Победу.

10

Было небо, как за ставнями, -
Ни искринки над опушкой.
Мы его тогда оставили
Средь болот в лесной избушке.
Не надеялись, что выживет,
Верили, что похоронят.
Тучки тихий дождик выжали.
Вот и ладно.
От погони
Мы брели в воде по пояс.
Не забудется тот поиск!

11

Жизнь корёжила нас и мотала.
Только мы ведь не из металла.
Те нагрузки, что сталь не выдержит,
Человек наш советский выдюжит!
Разведчики - люди ночные.
Уйдут, а придут ли назад?
Колючие передовые,
Как шрамы на сердце лежат.

12

Уехал друг, а мне оставил
И радость, и крутую боль.
Он нехотя меня заставил
На раны сыпать злую соль.
Я вновь прошёл путём суровым,
Воспоминая строя в ряд,
Переживать былое снова,
Не ставя памяти преград.
Я вспомнил, что забыть хотелось,
Что было стыдно вспоминать:
В бою была не только смелость,
Но жил и страх: ведь не хотелось
Ни в плен попасть, ни погибать.

13

Мы начинали с ополченья,
С бомбёжек и ночей без снов,
Мы начинали с отступленья
От Луги низких берегов.
Враг лез отчаянно, оголтело,
Всё разрасталась беда,
И появлялись малoverы,
И даже трусы иногда.

Ну, с теми просто - был и нету,
Суров, но прав войны закон.
Бои с рассвета до рассвета
Вёл каждый взвод и батальон.
И мы не просто отступали -
За каждую сражались пядь,
Мы сердцем, каждой жилкой знали:
Час грянет - будем наступать!

14

Что такое маршевая рота?
На пути случайный гарнизон,
И охота или неохота,
С нею ты проследуешь на фронт.
В ней юнец, уж трижды пролежавший
В госпитале за солдатский путь.
Здесь хитрец, пока что избежавший
Фронта, да не в этом суть.
В роте той для всех устав единый,
В ней пока всем равная цена.
Но пути ведь неисповедимы -
Всех оценит по делам война.
Трус на фронте долго жить не будет,
И хитрец (уж если повезёт!).
Ведь солдаты - праведные люди.
Сволочей не любит наш народ.

15

И бегут теплушки по «зелёному»
Через горы, степи и леса.
Вслед глядят девчата истомлённые,
Бабы слышно с плачем голоса.
Каждая надеется, что выгладит
Мужа, брата, может быть, отца.
И солдат - он тоже хочет выглянуть,
Посмотреть на дали без конца.
Может быть, в последний раз он видит их,
Может быть. Да что не может быть!
Кой кого скупые слёзы выдали,
Но ведь надо воевать, чтоб жить!

16

Солдатский разговор непредсказуем,
Но в 45-ом больше об одном
Все говорили: «Вот, мол, довоюем,
И всё, что нам положено, возьмём!
Что фрицы разорили - восстановим.
И приласкаем тех, кто верил в нас.
Ведь бабы наши тоже, как герои
Из тыла всё давали в самый раз.
Ведь им досталось тоже не сметана».
Ну, а «зелёным» затыкали рот.
«Мол, вам за жизнь балакать слишком рано.
Вернитесь - будет дел невпроворот!
Смелей вставляйте ноги в стремя!»
Но продолжалась всё ещё война.

17

На войне был каждый день нелёгким,
Ну, а дни последние - тройне!
Всем казалось - проторилась тропка
К матери, невесте иль жене.
Вот она - последняя страница!..
Но такое может только сниться.
Захотел быстрее закончить строчку.
А тебе поставит пуля точку!

18

С Олегом встретились в разведке.
Он парень обаянья редкого.
На шутки разные мастак,
Меня представил взводу так:
«Мой главный враг и лучший друг!»
Тут засмеялись все вокруг.
Смех добрый под цыгарный дым.
Я понял: становлюсь своим.

19

На войне это было нередко:
Ждёшь и ждёшь, не дождёшься никак.
И не вышли друзья из разведки,
Может, сделали что-то не так?
И кусаешь пальцы с досады,
На товарищей смотришь зло.
Веришь: сделали всё, как надо.
Только, значит, не повезло!
А разведчик быть должен везучим.
Вот сегодня и твой черёд.
Багровеют от зарева тучи.
Раз приказано, значит - вперёд!

20

Я из поиска всё же вернулся
В час, когда перестали ждать.
И тогда Олег улыбнулся:
«Я же знал!»
Ну, и - в бога-мать.
А когда меня увозили в медсанбат,
Чтоб чуть-чуть подлатать,
Он шутил: «Чтоб на месте все были!
Нам, героям, нельзя умирать!»
Ну, и я его не однажды
Провожал на лечение «дыр».
Фронтовик это знает каждый -
Не спасает от пуль мундир.

21

Ох, медсёстры - голубые птицы!
(Пусть не обижаются врачи).
Мне одна и до сего дня снится.
Сердце ей своё «люблю» кричит.
Руки и усталая улыбка
Усмиряли зреющую боль.
Голос, как задумчивая скрипка,
Говорил: «Ну, потерпи! Изволь!»
Говорю, годами умудрённый:
«Ох, медсёстры, до земли
поклон вам!»

22

Поиск за поиском, за поиском поиск.
Мы то на льду, то в болоте по пояс.
Всё мы узнали и всё мы извели:
Из луж пивали, туманом обедали.
Смрады пожарищ вдыхали -
не кашляли,
Ели конину с овсяною кашею.
Знали одно: если в пекло
мы посланы,
Значит, так надо
народу и Родине.

В блиндаже в свободную минутку,
Оттеснив военные дела,
Разговор вели не только в шутку -
Грусть порой хозяйкою была.
«Старый» молча погрузит по дому.
Кто поможет? Лучше не толкуй!
Паренёк, совсем ещё зелёный,
Вспомнит самый первый поцелуй.
У кого-то скурвилась жена
(Так в письме соседи сообщили!)
Да, такими вот бывали были.
Будь ты трижды проклята, война!

А что Олег?
Нас жизнь судьбою
нелёгкой одарила.
По нашим душам
смерч войны прошёл.
Война сводила нас
и разводила,
А вот и мир теперь
на время свёл.

* * * * *

Небо звёздной очередью прошито,
Мысли от бессонницы вразлёт.
След войны - не тропка по пороше,
Никакой буран не заметёт.
Пусть остались позади окопы,
Визг осколков, мессершмиттов вой -
Тянутся из дальней дали тропы,
Всполохи проходят синевой.
В мышцах застарелая усталость -
Отголосок ратного труда.
Нелегко победа нам досталась,
Многим не вернуться никогда.
Ну, а тем, кому стал мир наградой,
Что пришли с войны под отчий кров,
Очень долго, очень долго надо
Ждать неторопливых мирных снов.

* * * * *

Вы знаете, чем пахнет город,
В бою оставленный врагом?
Вы видели, как землю гробит
Под взрывом непрерывный гром?
Вы перевязывали рану
Однополчанину в бою,
Когда над вами непрестанно
Осколки жаркие поют?
Через «нейтралку» проползали,
Тараня грудью грязь и снег?
В госпиталях вы оживали,
Вновь ощущая суток бег?
Коль нет, о том не говорите,
Чему не знаете цены.
И ради Бога, не пишите
Стихов про тяготы войны!

Бессонница

Я с памятью порою не в ладу -
Подсовывает многое некстати.
Всё хорошо, дела легко идут,
И вдруг такое на тебя накатит!
Не спрячешься - зудит, хоть волком вой,
Не ускользнёшь от хватки злой и цепкой.
И будь ты хоть четырежды святой,
Найдёт для обвинения зацепку.
Лежу без сна. Холодный свет в окне.
Часы скрежещут, в тишину вгрызаясь.
И вдруг ты возникаешь на стене,
Весенняя такая, молодая.
И смотришь мне насмешливо в лицо:
Мол, видишь сам, права я оказалась!
Любовь твоя была, в конце концов,
Пусть искренней, но только до вокзала.
До первого прощального гудка,
Но не сужу. Такие вы - мужчины.
У вас на ласки память коротка.
Молчи! И не выискивай причины!..
И так сказав, тускнеешь на стене,
Становишься расплывчатым узором,
Не дав для оправданья слова мне,
Оставив в одиночестве суровом.
А я бы мог сказать про круговерть
Земли и раскалённого металла,
Про то, что в сердце заползала смерть,
Что медицина не часы считала -
Минуты, мне оставшиеся жить.
А после снова лихолетья мельница,
Передовых колючих рубежи,
Как шрамы, до сих пор лежат на сердце.
Уйдёшь, а вот вернёшься ли назад?
До писем ли бывало... Только помнил
И ласковый, чуть-чуть лукавый взгляд,
И родинку, на ощупь мне знакомую.
Потом писал, но «Выбыл адресат!» -
Рука чужая начертала скупю.
Так в чём же, чёрт возьми, я виноват?!..
Молчит стена, и сердце бьётся глухо.
А память, видно, тоже устает -
Уносит и видения, и звуки.
Но долго ещё вздрагивают руки,
И сигаретный дым в ночи плывёт.

Исповедь

Я тот, кто в начале двадцатых
Явился на свет сир и гол, -
Нас, тою войной измятых,
Осталось всего - ничего.
И сказано где-то в печати:
«Загубленные года».
И сказано так, без печали;
Такое, мол, было всегда.
Что первыми погибали
Вступившие первыми в бой.
Не всех, мол, и посылали,
Иные рвались вперевбой.
Всё так. Не всегда посылали.
Мы шли добровольно в тот бой
За Родину. Ибо мы знали -

Её защищаем собой.
За Родину! Только за Родину!
За волю российской души!
А кто-то совсем уродливо
Представить нас миру спешит.
«Совки», мол, и лжепатриоты,
Мол, «винтики», так сказать.
Поймите же вы, идиоты, -
Вела нас Родина-Мать!
Её мы не посрамили.
И не посрадим никогда!
И мы ничего не забыли -
Такая уж наша судьба.

Однополчанам

Его латали-зашивали
Врачи, наверно, сотню раз,
Над ним гадали-колдовали,
Чтоб пульс неровный не угас.
А он опять пылил - пехота!
Лез, где покруче, горячей.
Шутил: «Ведь надо отработать
За все старания врачей!»
Прошёл с боями три столицы -
Была дорога нелегка.
Он на войне, как говорится,
Был от звонка и до звонка.
Он полз с гранатою на доты,
Рокады разрывая нить.
«Война - нелёгкая работа!» -
Любил порою говорить.
Вокруг другая жизнь настала.
Шумит совсем иная жизнь.
Где ты сейчас, солдат бывалый?
На голос друга отзовись.

Перекур

Из роты их осталось двое,
И вдруг увидели они,
Что небо нежно-голубое,
Что солнце золотит гранит,
Что за воронкой -
просто чудо! -
Трава, как прежде, зелена.
И удивились: мол, откуда
Взялась такая тишина?
Один сказал: «Кури, пехота!»
Другой ответил: «В самый раз!
У них порядок, как по нотам.
Пойдут в атаку через час».
А закурили - замолчали,
И каждый думал о своём,
И сосны синие качались,
Смола сверкала янтарём.
За Волгой, в тихой деревушке,
Заботы отложив свои,
Читала медленно старушка:
«На фронте местные бои».
Потом задумчиво вздыхала,
Поправив клетчатый платок:
«Пока на фронте постиhalo,

Быть может, отдохнёт сынок».
Над Мойкой облака-заплатки,
Трамвай пронзительно звенит.
Склоняясь над детскою кроваткой,
Мать дочке тихо говорит:
«Вот подожди, отец вернётся,
И снова будет всё у нас».
И свет такой лучистый льётся
Из материнских тёплых глаз.
Из роты их осталось двое -
Курили не спеша они.
А тишина была такую,
Как будто не было войны.

О присяге

Я мужал в развалинах Европы
Под метелью стали и свинца,
Я присягу принимал в окопе -
Верен ей останусь до конца.
Воевал под знаменем России,
Знал её уют и неуют.
Верен ей - и никакие силы
От неё меня не оторвут.

Давят сны

Мне б хотелось по ночам встречаться
С теми, кто когда-то был любим мной.
Но войны далёкий дым
Всё висит, не хочет удалиться.
Давят сны неканувшей бедой -
Всё ещё не кончен долгий бой.

На гауптвахте

Читал стихи на гауптвахте
Артиллерийский старшина.
Забылось о прискорбном факте,
Что вокруг казённая стена.
Забылся непонятный город,
Девчонки милые глаза.
Тогда я был бесстыдно молод,
Хоть кое-что врагу сказал,
Хотя поползал я немало
По передку, за передок.
Хотя и всякое бывало,
Но сам я был ещё щенок.
Есенина читал служивый.
И как читал! Не передать.
В волнение напрягались жилы,
Рябилась лбов солдатских гладь.
А он читал про Русь, про поле,
Про мать, что долго ждёт сына.
И разливалась тихой болью
По сердцу светлая тоска.
И мне казалось - стены тают.
Теперь так больше не читают.

Собор

Мне приснился Троицкий собор,
Серая чугунная ограда.
В окна он мои глядел в упор
В дни незабываемой блокады.
Он мою квартиру защитил,
Купол свой подставив под снаряды.
Правда, я тогда в окопах был
За чертой родного Ленинграда.
Смерть витала и вокруг меня,
Но собор обидою не троньте:
Может быть, он защищал меня,
Позабыв, что я давно на фронте.

Запомнилось

Запомнилось: в степи, как череп голой,
Стоял, зашед на глинистый бугор.
Из туч многоэтажных и тяжёлых
Прицельно били молнии в упор.
Я ждал дождя, чтоб смыл потоки пота,
Но только гром и всполохи огня.
Не страшно было - матушка пехота
Повыжимала страхи из меня.

* * * * *

Так было предназначено судьбой,
Чтоб смерть меня всё время обходила.
Висели «люстры» над передовой -
Совсем для нас ненужные светила.
Мы ждали третий день своих друзей,
Ушедших ненадолго в ближний поиск,
Мы становились с каждым часом злей,
Но не могли к друзьям прийти на помощь.
Мы точно знали: не придут назад.
Но где-то в глубине хранилась вера
В то чудо. А потом пришёл комбат,
В которого мы верили безмерно.
Довёл до нас незыблемый приказ,
И мы ушли. Другие ждали нас.

Это было начало

1

Год сорок первый.
Эту дату из сердца вытравить нельзя.
Ещё живущие солдаты меня поймут.
Пусть дни скользят, отодвигая эту дату
Всё дальше в прошлое от нас.
Её мы сохраняем свято
И помним каждый день и час.
Не надо забывать победы -
В них много нашего труда,
Но мудрости нас учат беды,
А сорок первый год - беда.
Она внезапно навалилась,
Рассвет нарушив голубой,
Но сила повстречала силу -
Так начался смертельный бой.

2

Мне та страда поныне снится -
Война была моей судьбой.
Но славлю тех, кто на границе
Вступил с врагом в неравный бой,
Когда в Кремле ещё решали:
Война ли это иль пустяк?
Ребята жизни отдавали
Среди бесчисленных атак.
И твёрже каждая рука.
Нам было трудно - им труднее.
Так пусть им слава на века!

3

Досужих завелась семейка -
Перетрясают дни войны.
Таких бы в бой, да с трехлинейкой
На встречу танковой брони!
Всё чаще по журналам сшибка,
Полемик яростных накал.
Подсчётами былых ошибок
Не воскресим мы тех, кто пал.
Перелопачивают даты,
Витийствуя до синевы.
Не лучше ли помочь солдатам,
Которые ещё живы?

* * * * *

И радость, и печали - всё проходит,
Как ночь проходит под напором дня.
А у меня по снам пожары бродят -
Война всё не уходит от меня.
А я крадусь по слякотной траншее
И вглядываюсь в беспросветный мрак.
И дождь скользит за воротник по шее,
И где-то здесь таится хитрый враг.
А я лежу в прокуренной землянке
И слушаю печальную гармонию,
А рядом на опушке дремлют танки,
Прошедшие и воду, и огонь.
А я не знаю, быть то или небыль,
Но крыши черепичные звенят.
И готикой простреленное небо
Сползает торопливо на меня.
Проходит всё: и радости, и боли.
Вот луч на стёклах вспыхнул и угас.
Но минами исчерченное поле
Стоит передо мною и сейчас.
Нет, я ещё не выходил из боя,
И поле это снова будет жить,
И должен я прикрыть его собою,
От яростной напасти защитить.

* * * * *

Небосвод чугунный оседал, пылая.
Проходила юность, юность фронтовая.
Соловьёв не слушал у реки с подругой,
Заползали в душу не черёмух вьюги -
Заползали танки с чёрными крестами,
Деревень останки с дымными хвостами.
Вздрыбленное поле, ночь в гнилом болоте,
Доставалось вволю матушке-пехоте.

Вместо сеновала с ароматом стойким,
Военврач усталый хмурил лоб у койки.
Холодно сияя, наползает лунность.
Юность фронтовая. Или то не юность?

* * * * *

Души работа беспрестанна,
Порой и нелегка она.
Вот снова с памяти экрана
Глядит суровая война.
Переосмысливаешь снова
Далёкий день, далёкий час,
Оброненное другом слово,
Скользкий взгляд усталых глаз.
И каждый малый свой поступок
Оцениваешь вновь и вновь -
Вдруг неожиданно проступит
Нежданный смысл, как раны кровь.
Непонятое понимаешь,
Как будто мудрость нанесёт,
Завесу словно поднимаешь,
Над тем, что былью поросло.
И вновь пружиной сжато тело,
И длится вновь нелёгкий бой.
Но ничего не переделать,
И тем сильнее гложет боль.

Годы

Проходят годы - рад ты им, не рад.
Сужает память круг имён и дат.
И трёшь порой виски до боли,
Чтоб вспомнить: было это, что ли?
А может, это давний сон
В явь вклинился, как гулкий звон
Колоколов, что нет давно?
Растёт беспамятства пятно,
Одно не гаснет никогда -
Войны калёные года.

* * * * *

Я вспомнил земляничную поляну,
А за окном куражится зима.
Но это мне не показалось странным -
У памяти бездонны закрома.
Какая земляничная поляна!
Не видел столько ягод никогда!
Как будто бы с туманного экрана
Сошли полузабытые года.
Глотать бы сок и мякоть беспрестанно,
Но слово есть тяжёлое - «Не сметь!»
На этой ало-розовой поляне
В то утро друг мой лучший принял смерть.
Трудились долго мудрые сапёры,
Разгадывая минные поля.
Земля ждала освобожденья скорого -
Металлом начинённая земля.

* * * * *

Удался май чудесным, но тревожным,
Цвела сирень в разбуженном саду.

Но радость, словно конь,
была стреноженной,
Мы чуяли грядущую беду.
Мы чувствовали -
подступает лихо,
Но утешались:
разве не сильны?!
А ночи плыли - ласковые, тихие,
Прозрачные от летней белизны.
Где ночь, где день?
Попробуй разбери!
Не зажигались вовсе фонари.
Жизнь молодой радостью полна.
Но тут сурово Левитан:
«Война!»

Весенний гром

С утра шептались грустно тополи
Под закопчённую трубой,
А к полудню дождём заштопало
Просвет последний голубой.
Гром начал тихими раскатами,
Потом всё злей, впадая в раж,
И мне припомнился с накатами
Добротный фронтовой блиндаж.
Щетиной у дороги надолбы,
Разрывов чёрные грибы,
И разговор, что сеять надо бы,
А воевать не надо бы.
И злость солдата справедливая
На тех, кто их нарушил труд.
Всё ближе громы торопливые,
По лужам пузыри плывут.
Земля вокруг не стала зыбкою,
Волной не закачало дом,
А ты мне говоришь с улыбкою:
«Как хорошо! Весенний гром».

* * * * *

Жизнь с каждым днём теплей и глаже -
Мы к свету вывели страну.
Но я смотрю на мир всё так же -
Через минувшую войну.
Она была нам испытаньем,
Она была бедой из бед,
Но мы не ждали состраданья,
А множили число побед.
Война нас била и учила,
Испытывала на излом,
А в нас вошла такая сила,
Враги которой нипочём.

* * * * *

Рождает былое упрямая память
Промозглая слякоть,
Не видно ни зги,
Скольженье слепое беззвучного шага...
И слева, и справа, и сзади враги,
И там - впереди - за чертою оврага.
Оплошка,
И встретят металлом в упор,

И пуль не услышишь зловейшего пеня.
И кажется, -
Сердца приглушен мотор,
Чтоб враг не услышал
Его напряженья.
Но слабости нет,
Весь пружиною сжат.
Такая работа: раз надо, то надо,
И веришь -
К рассвету вернёшься назад
В блиндаж, прокопчённый
махорочным чадом.
Теперь это грезится только во сне:
Суровые ночи, военная замять.
Как лунные блики на тёмной стене
Рождает былое упрямая память.
Итог подбивая утраченных дней,
Я делаю вывод уверенно, круто:
Чем ближе опасность,
Тем вера сильнее,
И сил прибывает в такие минуты.

* * * * *

Что ж, с молодыми
Мне уже не спеться:
Задор пропал, мечты
огонь потух.
Но мне порой являются
из детства
Ветвистый клён и
радужный петух.
И на Петровке шумные гулянья,
И в августе над речкой
Звездопад.
Я жду с таким видением свиданья,
Я снам таким, воспоминаньям
рад.
Но чаще снится клён тот
обгорелый,
Не звездопад, а мин
коварный град,
Из-за спины «катюш» -
не молний стрелы,
Не белый снег, а белый
масхалат.
Не славлю я, а проклиною
лунность.
Ведь было так: пока темно -
живу.
Пылает растревоженная юность
Во снах,
как это было наяву.

* * * * *

Люблю тебя всегда, Победный май!
Ты мне твердишь: «Меня не забывай,
Ты, жуковец, всегда был впереди,
Награды не поблёкли на груди».

Мы услышали: «На Берлин!»
Нас подгонять было не надо,
Мы не мечтали о наградах,
Мы в гроб врага вгоняли клин.

* * * * *

Зачем стыдиться седины
И в зеркало смотреть
с досадой?
Она пришла к тебе
с войны,
Пришла с развалин
Сталинграда.
Ты скажешь:
«Кто теперь поймёт?!»
Дочь говорит:
«Покрасься, мама!..»
А ты припомни
свой санвзвод!
И седину носи
упрямо!
А ты скажи:
«Была война.
И забывать её
не надо...»
Твоя святая седина
Тебе за мужество
Награда!

* * * * *

Всё тягостнее жизни холод:
В июле - будто
в феврале.
Кто слишком стар,
Кто слишком молод,
Ровесники давно в земле.
Судьба с бедой их
повенчала
Без всякой сверстников
вины.
Им на пути легло начало
Нежданной, лютой той
войны.
Начало...
Тяжкое начало!
Мы оставляли Витебск,
Псков...
Вот почему сейчас
так мало
Моих друзей, моих
годков.
Они легли под
Ленинградом,
Под Старой Руссой,
под Москвой...
Но стали для врага
преградой.
Мне повезло -
И я живой.
Клеймён осколками
стальными,
А продолжаю суткам
счёт.
Пусть нет за то вины
пред ними,
Но одиночество гнетёт.

Приангарье родное моё

* * * * *

Утонули дали в сумраке,
Отступили тихо прочь.
Зачеркнули звёзды сумерки,
На тайгу упала ночь.
Месяц высунул над соснами
Рог янтарный и кривой,
Лось прошёл травой росною
Не спеша на водопой.
Ухнул филин за повалищем,
Попытался напугать.
А для нас с костром-товарищем
Наступила благодать.

Лунная ночь

Луна раздвинула облако
И выплыла сочной, как яблоко,
Дорожку продёрнула волоком
По речке, скупую, но яркую.
А облако скрылось сконфуженно
За сопку, за ельника кружево.
Наверное, занедужило,
Вечерней зарею простуженное.

Пока ещё

Пока ещё день побеждает в споре
С упругою и влажной темнотой.
И журавли не подались за море
По синему угластою чертой.
Пока ещё не раздают берёзы
Ветрам дары со своего плеча,
И тучек водовозные обозы
Над сопками далёкими торчат.
Ещё скала не обнажила кладку,
Люта в тайге летающая гнусь,
Но, как туман вползает по распадку,
Вползает в душу потихоньку грусть.

Первый лист

Первый лист, упавший на тропинку,
Одинок, как круглый сирота.
Ветер не тревожит сиротинку -
На него не поднялась рука.

Сентябрь

Ветер рыж и лохмат,
И немножко усталый.
Надвигается тьма,
Но ещё не настала.
И рябины огонь
Затуманился только.
Гроздьи шепчут: «Не тронь
Нашей ягоды горькой!»

Повторяют ветра,
Налетев из засады:
«Не пора! Не пора!
Торопиться не надо!»

* * * * *

Всё ясно до тоски:
Что будет, что не будет.
Азарт уже не будит
Дрожание руки.
Как скучно наперёд
Угадывать измены -
Тот, кто сегодня льнёт,
Изменит непременно.
Я их не сторожусь,
А на презренье нижу.
Хотя и ясно вижу,
Углы не обхожу.

Байкал

Байкал сегодня ласков, как котёнок,
Что вдоволь наакался молока.
Над ним рассвет пронзителен и звонок
И свежестью своей пьянит у скал.
Молчим. В такое утро не до трёпа,
Прервать бы на часок-другой транзит,
Да машинист попался недотёпа -
Не хочет здесь состав остановить.

* * * * *

Байкал с погодой доброю открылся,
Радушен, как истосковавший брат,
Но за спиною недруг затаился:
Зловонный и зловредный комбинат.
Ему бы провалиться в одночасье,
Да что-то дремлет терпеливый бог.
Стоит, дымит народное несчастье,
На озеро пуская едкий смог.

* * * * *

По сини угрюмыми реками
Ползут облака над рекой.
Хранит костерок мой покой.
Дым пишет свои каракули.
Наверное, в них есть смысл,
Вопросы или ответы,
Причудливые приметы,
Намёки, упрёки, но мы
Забыли природы язык -
Молчанье её и крик.

При дороге

Торжественно серьезные,
Как будто именитые,
Берёзки придорожные,
Косым дождём омытые,
Сегодня тихо светятся,
Лучатся нежной кожею.
Их раздвигая, мечутся

Ключиче остожия.
И даже пряди жёлтые
Пока с тоской не вяжутся.
И тучи не тяжёлыми
Над горизонтом кажутся.

* * * * *

И ненастье не к обиде -
Пусть не вывезли приметы.
Я в глазах твоих увидел
Заревое бабье лето.
Дождь не гость, не засидится -
Утро вёдром обернется.
Главное, не прячь в ресницах
Теплоту, что щедро льётся.
Позабудь про день тревожный,
Про лукавые приметы -
Вешней сумяти надёжней
Молодое бабье лето.

Обида

Подальше спрячу календарь, -
Пусть не твердит, что завтра осень.
Уйду на перекрёсток просек,
Где на стволах смолы янтарь.
Навстречу выйдет бурундук -
Он любопытней всякой бабы!
Конечно, собеседник слабый,
Но я к нему давно привык.
Пожалуюсь на календарь.
Зачем он жизнь мою торопит?
Зачем мои надежды топит?
На землю призывает хмарь?
Так, потихоньку, поворчу.
Остаться в лете я хочу.

Дожди

С долгожданного лета прихода
Сникло солнца лучистого пламя.
Обложила меня непогода
Разговорчивыми дождями.
То медлительно тянут речи,
То бормочут скороговоркой -
Сожалеют по-человечьи
О моей задаче горькой.
Дескать, сами-то мы устали,
Но такая команда свыше!
И полощем с рассвета дали,
Промываем дороги и крыши.
Нас самих неуют сей дождя -
Мы, ей богу, не виноваты!
Перестаньте! Давно вас понял!
Вы - небесные бюрократы.

Бабье лето

Туман до обеда клубится
По тропкам сентябрьского дня.
Берёз постаревшие лица
Печально глядят на меня.

И даже рябины в подвесках
Печаль разогнать не вольны:
Теперь и они не невесты -
Усталые бабы они.

* * * * *

Чуть колышет волна у причала
На рассвете лодчонку мою.
Бабье лето не подкачало, -
На воде и на сопках уют.
Не спеша осыпают осины
Красноватую, хрупкую медь.
Без усилий на сопки вершину
Можно махом единым взлететь.
И оттуда смотреть до заката
Сквозь часов и мгновений пролёт
На красой необычной богатое
Приангарье родное моё.

* * * * *

Остался август доброплодный
В нестужевавшей дали.
Дожди, почувствовав свободу,
С утра шарманку завели.
Играют вечную разлуку,
Скользя по листьям, по стерне.
И тянет вымокшую руку
Осина сжавшаяся мне.
Мол, уведи из непогоды
Куда-нибудь, куда-нибудь.
А на реке исчезли броды.
Вода, бурля, вздымает муть.
И за реку не перебраться -
Могу лишь сердцем отозваться.

* * * * *

Пахнет дождь гниением и скукой -
Не чета весеннему дождю.
Ведь под тот
спешишь подставить руки, -
Весел он, по - молодому дню.
Дождь сентябрьский, как усталый странник, -
Сам не рад, а надобно идти.
И бредёт сквозь сосняки и стланик
Без охоты, да и без пути.

* * * * *

В зареве отроги,
Старых сосен медь.
Я хочу дорогу
Слушать и смотреть.
Изредка поспорить,
Кое-что понять,
Может быть, опору
Для души сыскать.
Не нужны мне двери
В ласковый уют -
Пусть грома, как звери,
Надо мной ревут.
Дождь хочу потрогать,
А потом воспеть.

Я хочу дорогу
Слушать и смотреть.

Лебединый плач

Отполыхали летние зарницы,
Осенний дух над далями разлит.
Жить тяжело одной -
и женщине, и птице, -
Послушай, как лебедушка кричит!
У сволочи не дрогнула рука -
и лебедь пал,
и лебедь стал добычей.
И вот звенит над озером тоска,
Плач, для ушей мещанских непривычный.
Деревья содрогаются, скорбя.
Примерьте горе это на себя!

* * * * *

Ельники бегут
Навстречу долами,
Ёлки по снегу
Метут подолами.
Заячьи следы
По снегу прописью -
Дальше от беды
Косой торопится.
Путь наш устремлён
Под зимней радугой,
Тихий день ядрён
И душу радует.

Декабрь

Идёт зима колючая,
Метёт метель летучая.
Вся в инее, блестящая
Красуется сосна.
Зимой звезды яркие,
Девичьи щёки жаркие,
Со звоном тишина.

Морозная фантазия

1

Мороз нарисовал,
а я гляжу,
Хочу проникнуть
в замыслы творца.
Пойму,
тогда в стихи
переложу,
Не торопясь,
от первого лица.
Мороз за то меня
не упреknёт,
А может быть,
обрадуется он
Тому,
как ожил бессловесный лёд,
Запел душой тревожной
в унисон.

2

Застыла на стекле тайга,
погруженная в думы,
Реки крутые берега
Лобасты и угрюмы.
Ну, а зима дела вершит
Размеренно и споро -
Не спит тревожная душа
Таёжного простора.
Она сурова, но щедра
Пока живёшь с ней
ладно...
Да не несёт тайге добра
Людская злая жадность.

3

Рисунок смазан,
тороплив,
Тревожен,
полон боли.
Рисунок льдистый,
Словно взрыв,
Взметнувшийся
над полем.
И вспомнился тяжёлый час,
Давно запавший в душу,
Когда рассвет взорвал фугас,
Короткий сон наруша.
И первый бой,
и рядом смерть.
И враг,
тобой убитый...
Не скажешь памяти;
«Не смей!» Ничто не позабыто...

4

Мороз нарисовал глаза
Той,
что когда-то снилась,
От солнышка из них слеза
Прорвалась,
покатилась.
А может, солнце
ни при чём, -
Причина слёз иная?
Вдруг в сердце стало
горячо,
Привычный ритм меняет,
И отбивает зло слова:
«Сам виноват!
Ты виноват!»

5

Слепит морозная
фантазия,
Перемешались даль и
близь,
Европа, Африка и Азия
Вдруг на стекле
переплелись.
Дубы могучие и кедры,
И пальм резная красота...
Сюрприз на каждом
сантиметре,
Но...
мне милее простота,
Родные, скромные места...

Пусть станет гладь
стекла пуста!

6

Нагрянула волна тепла.
«Сам захотел?!
Так вот тебе!»
Исчез рисунок со стекла -
Его слизнула оттепель.

Не трусь!

На Руси сместились оси,
Люди бросились вразброд.
Неизменна только осень,
Радужный её приход.
Дарит краски нам природа,
Претерпев людское зло.
Дождик - это не невзгода,
Нанесло и унесло.
И опять играют краски,
А морозец поутру -
Это добрая подсказка:
Мол, идёт зима, - не трусь!

Зимняя ночь

Запуталась луна в кустах,
Чуть вырвалась,
висит под тучкой.
Морозно. Улица пуста,
Как кошелек перед получкой.
Не слышно шорохов тайги,
Ветра уснули до рассвета.
И, кажется, мои шаги
Слышны и на других планетах.

* * * * *

Снег постарел.
Зря тихая пороша
Старается его омолодить.
Снег устарел, своё он
славно прожил,
Пора уже со сцены уходить.
Пришла пора
разбуженной воды,
Что смывает
усталости следы.

* * * * *

Зима пока крепка -
Позиций не сдаёт,
Но вот уже строка
поёт.
И просится на лист
Весенняя строка.
И пусть пока он чист,
пока!..
Я вижу этот день,
Струятся ручейки,
И нарастает звень
строки.
И вот уж по листу

Она, звеня, бежит,
Зовёт догнать мечту,
Зовёт счастливым быть.

* * * * *

В опушке молоденький ельник,
Повислые стрелок усы,
Волшебное слово - Сочельник,
Предчувствия счастья часы.
В груди наплывает истома,
Взволнованно сердце стучит.
Быстрее бы добраться до дома.
Негоже ведь - праздник в пути.
И к чёрту усталость и дрёму,
Все хлопоты дальних дорог:
В Сочельник ты должен быть дома,
Чтоб счастье пустить на порог.

Вечер

Ну и что ж, что вечер,
Ну и что ж, что ветер
Занавес задернул,
Затуманил даль?
Может быть и вечер
Беззаботно весел.
Может, день ушедший
Вовсе и не жаль.
Может, свет вечерний
Радостней дневного
И вечерний воздух
Терпок, как вино.
Может быть, дороже
В послезорье слово,
Может быть, мощнее
И сильнее оно.
Ну и что ж, что вечер,
Ну и что ж, что ветер,
Если в сердце радость,
Если дух твой светел.

Зимнее настроение

Н.

Лежат снега, в жгуты свитые,
Туман над речкой, словно дым.
Вот и настали дни крутые.
Кто скажет, сколько длиться им?
Кто скажет, что за ними будет -
Добро иль новая беда?
Поэтому вздыхают люди,
Угрюмые как никогда.
В приметы больше нету веры,
К прогнозам тоже - муть одна.
Что до пророков-лицемеров,
То всем им ровно грош цена.
Словесный чад всем души выел.
Всё говорим, всё говорим.
Так и проходят дни крутые, -
Кто скажет, сколько длиться им?

Ясный день

День пришёл в распахнутой рубашке.
Вот и я, все хворости поправ,
Не спеша брожу, как первоклашка,
В любопытстве голову задрав.
Весел день от солнца и мороза,
От прилёта первых снегирей.
Вот и я, прогнав тоску-стервозу,
Стал смотреть на многое добрей.
Захотелось с ветром породниться,
Что скользит меж ветками звеня.
И в упор глядящая синица
Одобрят, видимо, меня.

* * * * *

Сегодня капель добротна -
Не в шутку подался снег.
Но нет, не бесповоротно!
Ещё не один набег
Предвидится снеговерти,
Уколы морозных жал.
Зима не готова к смерти,
Хоть снижен её накал.

Весеннее настроение

1

Снега на прочность пробуя,
Контрастами полна,
Идёт-грядёт особая
Ангарская весна.
С календарём не вяжутся
Совсем её дела.
Неласково кажется,
Но счастье всем дала.
Рассветами лучистыми
Над снежной белизной,
Ручьями неречистыми
В распадке под сосной.
Идёт неторопливая,
Да облачка пасёт,
И вдруг взрывною силою
Переиначит всё.
У тропки неприметной,
У ёлок возле рва,
На склонах в час рассветный
Проснётся сон-трава.
Полна лукавой нежности,
Доверия полна.
И захлестнёт окрестности
Зелёная волна!

2

Таилась за увалами,
Морозом ночь покоила
И днём ручьями малыми
Не очень беспокоила.
И вдруг весь лёд
на трещины!

* * * * *

Скользит весна, как вода с весла,
На секунду не остановишь.
Отчего ты, весна, весела и светла,
И куда ты коней своих гонишь?
Молчит весна, как в затишье сосна,
Снисходить до ответа не хочет.
Убегает она вдаль, где леса стена
Прорезается в белые ночи.

Ох, уж эта весна!

Коротка ангарская весна.
А подумать - так весна ли это?
Только травы отошли от сна -
Мы в календаре читаем: лето.
Правда, зелень сразу, будто взрыв,
И цветы - осколки вмиг рассеяны.
Так идёт природа на прорыв
Сопками, полями и расщелинами.
И уж ночь почти не угадать.
За полночь читай петит на улице.
Нет, я подожду весну ругать, -
На меня она прицельно щурится.

* * * * *

Дождь идёт, а у тебя в глазах
Словно зорька ясная застряла,
Словно не печалишься нимало,
Что весенний день в дожде зачах.
Будто по желанью твоему
Наступило зыбкое ненастье.
Или для тебя оно как счастье?
Ничего я что-то не пойму.
Ты смеёшься: «Пусть ещё польёт!
Не уйдёшь в тайгу свою до ночи».
Ну, теперь понятно, кто пророчит,
Тучам намечает новый ход.

* * * * *

Идёт апрель, а льдины рифами
Ещё торчат вдоль мостовой.
Бугор торчит, как после тифа,
С остриженной головой.
Ни травки, ни листа с копейку
Не могут уловить глаза.
Неужто к нам зима-злодейка
Решила повернуть назад?
И только хвостик трясогузки
Мне подтвердил: «Весна идёт!
Пока застряла в щели узкой,
Но непременно путь пробьёт!»

* * * * *

Ветер тихо меж кустов ворочается,
Зарождая в росных листьях дрожь.
Не разговоришься белой ночью,
Но и молча многое поймёшь.
Поразишься узанною новью,
И чужая обожжёт тоска.
В этот час не любят многословья
Ни костёр, ни стылая река.

* * * * *

Есть цветок во мшарах - одноцветка.
На зелёном - белая звезда.
Встреча с ним бывает очень редко,
Радость - остаётся навсегда.
Не забудешь, в памяти ворочая,
Чудо породившие места.
Только под покровом белой ночи
Расцветает эта красота.

* * * * *

Ручьи спадают, обсыхают кочки,
Глаза прикрыла старых листьев медь,
А на берёзах юные листочки
Ещё не в силах даже шелестеть.
Ещё в оврагах пахнет снегом талым,
А на заре, когда горит роса,
Соловушки в чащобе краснотала
Лишь пробуют смущённо голоса.
Весна, бывает, на день и изменит,
Но всё равно - теперь уж точно жди
И гроздя опьяняющей сирени,
И тёплые июньские дожди.
А девушкам не спится по ночам.
Не их вина - весна за всё в ответе.
И матери вздыхают и ворчат,
Что больно скоро вырастают дети.

* * * * *

Над Невой ли, над Ангарою,
На карельских озёр берегах
Беспокойною этой порою
Неуместен страстей размах.
И колдует она, и пророчит,
И лукаво ведёт игру.
Не влюбляйтесь в белые ночи,
Им сопутствует долгая грусть.

Гроза

Из-за сопок подкралась в сумерках,
Из пасти распадка дохнула шквалом,
Ливень дали завесил сумрака
Непроницаемым покрывалом.
Гром подождал, да как накатит -
И гулом, и звонами мелкими,
Будто сдёрнул со стола скатерть
С бутылками и тарелками.
И снова молния сумрак высветила,
Лужи засверкали осколками.
Страхом стволы деревьев выбелила
Над лощинами и пригорками.
Ох, и гроза! Разгул купеческий!
Бей! Круши! За всё заплачено!
Не сдержат мелкоте человеческой
Разгула стихий, судьбой назначенного!
Ох, и гроза! Искры в глаза!

* * * * *

В низине, на грани урмана,
Где ночь по оврагам густа,
На зорьке кудели тумана
Плывут и плывут по кустам.
Потом превращаются в пряди,
Которые тают в тиши.
И дятел в крикливом наряде
Нарушить покой не спешит.
И день потихоньку, не круто
Встаёт из предутренней зги.
Уловишь такую минуту -
Познаешь и прелесть тайги.

* * * * *

Светило, доброе, как бабушка,
Обогревает каждый дом.
День по минутам, как по камушкам,
Бежит неслышным ручейком.
А вдоль его спокойно тропится
Моя неспешная тропа.
Жить можно, если не торопишься -
Есть шанс досрочно не упасть.

* * * * *

Закат отяжелил листву.
Он сделал тени обреченней.
Теперь до непрогляди чёрной
Остался шаг. На синеву
Вползают из-за сопок тучи.
Положе звуки, мысли - круче.

* * * * *

День. Июль - макушка года.
Ветерок затих к обеду.
Небо в перьях - к непогоде.
Так учили наши деды.
Значит, рядом бродят грозы.
Значит, близко ливень зреет.
Что мне сводки и прогнозы -
Деды были нас умнее.

Роса

Ох, и роса! Не идёшь, а плывёшь,
Кусты раздвигая, как волны.
И снизу вода, и с листьев дождь
За шиворот льёт упорно.
И дрожь по плечам, по спине полосой.
Колени окоченели.
И как это ёлка стоит босой
В такой ледяной купели?!

Дождевики

В траве у тропки
Белый шар проглянет,
И вот уж сердце
Радостно стучит.
В футбол играли

Зайцы на поляне,
Да, испугавшись,
Бросили мячи.
Приходится погнуть
Над ними спину, -
Находка неплохая
Под рукой.
И я их не спеша
Кладу в корзину.
Невзрачные грибки -
А вкус какой!

После грозы

Гроза откочевала, огрызаясь.
Последний гром утробно пробасил,
Грачей степенных поднялася стая
Над озером, что щедрый дождь долил.
Очнувшись, ветер стряс с деревьев капли,
На лужи рябь густую напустил,
А по болоту зашагала цапля,
За отдых поднабравшись новых сил.
Всё ожило, стал воздух ароматным,
Каким бывает в ведро поутру,
И радужные солнечные пятна
Затеяли весёлую игру.

* * * * *

Над Илимом дождик сеет,
В тундру подалась жара.
(Знай: Илим - внук Енисея,
Если дочка Ангара.)
Плавится жара по речке
И над речкою плывет,
А на сопках сосны-свечки
Подпирают небосвод.
И плыви!
А здесь под дождик
Клёв отменный окушка.
Хоть, как говорится, дрожжи
Продаёт моя рука.
Порыбачу - и на берег!
У костра уймётся дрожь.
Рыбака, что в счастье верит,
Непогодой не проймёшь!

* * * * *

Всё вырубки да пепелище,
Да ленты гусеничных строк.
И хитрый леший здесь не сыщет
Себе укромный уголок.
В реке гнилые ёлки-палки
Да разной грязи этажи.
В скафандрах разве что русалки
Здесь смогут час-другой прожить.
А на столбе плакатик пляшет,
Ведя свою немую речь
О том, что лес - богатство наше,
И надобно его беречь.

* * * * *

Стал крепче травяной настой,
Что между сопками разлился,
И день, покончив с суетой,
В ночь целиком переселился.
Ведь так спокойней во сто крат.
Слились - их зори сторожат.

* * * * *

Дернина разорвалась, обнажила,
Крутую глину, алую, как кровь.
Здесь трактора, наверное, кружили,
Терзали землю люто вновь и вновь.
Зачем они кружили? Непонятно.
Здесь не осталось доброго следа.
Ни дома нет, ни цеха.
Глины пятна
Да тухлая в колдобинах вода.
Бездумья и жестокости следы -
Знак человеком созданной беды.

* * * * *

Наморщилась, как перед чихом,
Вода под буйным ветерком.
Берёзка ходит в пляске лихо,
Вот-вот ударит каблуком.
А сойке, видно, не по нраву
Такая выходка её:
Не то, чтобы одобрить - bravo!
Скрежещет, словно тряпки рвёт.

* * * * *

Воюем с природой, и страх нам неведом,
А жаль, утрашиться было бы кстати.
Храбрясь, натворили такие беды,
Что чуть ещё - и к чёртовой матери!
Пора утрашиться своей же силы,
Ненасытных своих желаний.
Сгорим же, братцы, сгорим, как мыльные,
В нами самими зажжённом пламени!

* * * * *

Рассвет, как костёр, языкаст.
Слизнул голубые Стожары,
И тянется с дрожью рука
Погреться к багряному шару.
А ветер язвит:
Припекло!
Ещё надрожисься вдосталь!
Рукой человеческой тепло
Достать с горизонта не просто!
Пропел - и вприпрыжку пошёл
Лихим хвастунишкой-kozyрем,
И намелко расколол
Холодное зеркало озера.
И кружится - зол и колюч
Чудак он! Такого жалко.
Мне нужен единственный луч,
Чтоб вспыхнуло сердце жарко.

Закат

Закат был не по-северному быстр,
Ночь не брала тягучего разбега,
Упала, как негаданная мысль,
Как падают в тайге заряды снега.
Да, Север наш ещё и тем хорош,
Что дарит незабвенные минуты,
Когда в огне заката рдеет рожь,
И тени удлинятся не круто.
Когда мерцает первая звезда
На розовом закатном небосклоне,
А солнце не спешит, а тихо тонет
За далью, где грохочут поезда.

Кора

На коре берёзы письма, письма,
Нет, к ним люди вовсе не причастны.
Руки приложили времена -
В этот век ненастья были частыми.
Неказистый у берёзы вид,
На коре отнюдь не каллиграфия.
Горькие слова она хранит -
Трудную, как видно, биографию.
Засухи, морозы, ветровал...
Я не всё ещё расшифровал.

Вечер

Вечер мокр и пустынен,
Дом покинуть сумей-ка!
Одинокими станут
У домишек скамейки.
Плачут медленно крыши
И сирень в палисаде.
Ну, а я взял и вышел
Не со зла, так, с досады.
И какая-то птаха
По соседству запела,
И сирень терпкий запах
Отдавала мне смело.
Дождь ушёл, словно цапля,
За туманные клубы,
А последняя капля
Угодила мне в губы.

Бурундук

Бурундук перебежал дорогу,
Подняв пышный хвост, как будто флаг.
Он меня немножечко растрогал,
Порассеял мой душевный мрак.
Я подумал: вот, мол, бедолага,
А ведь как задорно держит хвост!
Разрешился мучавший вопрос:
Только так держать - назад ни шага!

Город новые песни поёт

Был здесь редок путник и прохожий,
Где лесов необозрим размах.
Город, на другие не похожий,
Вырос на ангарских берегах.
Здесь дома взбираются на сопки,
А туманы спят на берегу.
Здесь проспекты переходят в тропки
И уводят в чуткую тайгу.
Здесь у рек упругие стремнины
И заливов потаённых гладь.
Зори над красавицей-плотиной
Хороши, пером не описать!
Здесь ребята сметкою богаты,
Делают работу от души.
Ну, а усть-илимские девчата
Просто несказанно хороши.
Над тайгой притихшей каждый вечер
Город песни новые поёт,
Расправляя молодые плечи...
Впереди - забот невпроворот!

* * * * *

Была весной и летом
Неприметна
За разнотравьем,
Ярким и хмельным,
Но час настал,
Отяжелели ветки,
Развеялся пыльца
цветочный дым.
И вспыхнула костром
Лучистым, жарким
Рябиனுшка у леса
на виду,
На зависть
раззолоченным
товаркам,
Молодцеватым клёнам
на беду.
Её и ветер озорной
не тронет -
Он тоже ведь
Ценитель красоты.
Сирень вздыхает:
«А была тихоней,
Такие только
кажутся просты».

Не пожалей душевных слов для женщины, тобой любимой

Молодость

Торопливо прошла по поезду, -
Неожиданная и удивительная.
Плещет кончик косы у пояса,
Дробно бьют каблучки стремительные.
Не красавица и не модница,
Льнут к пирожному губы трубочкой.
Просто девушка беззаботная,
Просто молодость в синей юбочке.
А глаза у мужчин сощелились,
Заискрились небом полночным,
А глаза у мужчин нацелились
На тугое тело девчоночье.
На минуту забылись близкие,
На минуту забылись милые.
В этом я не увидел низкого, -
Так весна покоряет силою.
Дверь за нею давно захлопнулась,
Рельсы вздрагивать перестали,
А мужчины глазами хлопали,
Не курили и не читали.

О наших самых дорогих

Я видел девушку,
Она плыла, как птица,
Как гордая орлица в вышине.
Потом мне снились длинные ресницы
И взгляд, что предназначен был не мне.
Я не орёл -
Земной, обыкновенный,
Затурканный морокой
человек.
Но я запомнил «чудное мгновенье»
На весь свой неуютный бледный век.

Снегурочка

Кате

С утра метель на улицах буянит,
Проходим сыплет снег за воротник,
То закружит, то вдруг позёмкой тянет,
Метёт, метёт - и вмиг сугроб возник.
То мирно вяжет кружева на спицах
Сосновых посеребренных ветвей.
А ты несёшь снежинки на ресницах,
На рукавах, на шапочке своей,
На варежках, на маленьком портфеле.
И будто бы из сказкиходишь в дом
Снегурочкой, осыпанной метелью,
Овеянною зимним ветерком.

Немного о любви

Назвали парни недотрогой.
И подружки сторонились - гордая.
А она сжимала губы твёрдые,
Лишь в одни глаза смотря с тревогой.
Те глаза ни разу не обидели
Ни укором, ни пренебрежением,
Но они как будто и не видели,
Взгляд их был, как в пустоту скольжение.
Не обидели и не приветили,
Красоты неяркой не заметили.
Как струятся кос её льняных ручьи,
Как легка её походка плавная,
Как вздымают быстро груди девичьи
Ситцевую кофточку нарядную.
Называли гордой, недотрогой,
А она всегда ждала, томимая
Тихою, неясною тревогой,
Ласкового слова от любимого.

* * * * *

Он ждал любви, желал,
А не любил.
Она жалела: «Добрый, одинокий».
А май бурлил, а май их торопил,
Раздумья властно сокращая сроки.
И песня соловья была ясна:
«Любите же скорей, пока весна».
И это всё, нахлынувшее разом,
Вдруг смяло, заглушило
Строгий разум.
Когда готова почва под посев,
Зерно, упав, даёт ростки тугие,
И ты глядишь, на корточки присев,
На язычки зелёно-голубые.
Но ведь взойти -
не значит расцвести,
Не значит плод желанный принести.
За ласковой придёт волна другая -
Палящая, жестокая волна.
Ростки нетерпеливо обжигая,
Несёт за всё возмездие она:
За веру зыбкую, за слепоту сердец.
Она несёт иллюзиям конец.

* * * * *

Полюби, если можешь.
Только так полюби,
Чтоб до дрожи по коже,
Чтоб до боли в глуби.
Равнодушным не быть,
Чтоб душа взвилась круто...
Если можешь любить.

У окна

Женщина у зимнего окна
Смотрит на морозные узоры.
Может быть, ей видится весна,
Что, увы, придёт совсем не скоро.

Может быть, она её не ждёт
В суете и мелочных заботах,

Просто смотрит на узорный лёд
Без желанья в нём увидеть что-то.

Ну, а вдруг далёкого она
Видит в неотчётливом рисунке?
Сколько ждать? Идёт за годом год,
Но не оставляют думы-думки.

Женщина у зимнего окна
Болю ли, любовью ли полна?
Женщина одна.

Полоса отчуждения

Не вина, не сомнения, не зависти мгла -
Полоса отчуждения между нами легла.
Поезд мимо промчался, листья перелистав...
Ты - тенистая чаща, я - летящий состав.
Вьётся насыпи бровка, и грусти не грусти -
Мне всё нет остановки, а тебе нет пути.

* * * * *

Приходит в гости женщина ко мне.
Скорей не в гости - просто за советом.
И светится она печальным светом,
И оттого сегодня больно мне.
Она мне верит, словно я мудрец,
Она надеется: скажу - и горе мимо.
А мне и самому необходимы
И мудрый тот совет, и вера, наконец!
Но я её ничем не оттолкну.
Я испытал, поверьте мне, немало,
Я как-никак покруче прожил жизнь.
Но что скажу?
Устало
Ей говорю:
держишь!

* * * * *

Не пожалей душевных слов
Пусть был сегодня мир суров,
И радости проплыли мимо,
Не пожалей душевных слов
Для женщины, тобой любимой.
Она улыбкою тебе
На слово тёплое ответит,
И убежит досады бес,
И станет мир и добр и светел.
Входя под свой семейный кров,
Верь в счастье непоколебимо,
И не жалея душевных слов
Для женщины, тобой любимой.

* * * * *

Дом неуютен без порога,
Без юрких птиц пусты сады.
И в никуда ведёт дорога,
Коль путеводной нет звезды.
Тосклива родина без дома,
Без зова родственной крови -
Не может счастье быть весомым
Без женщины, её любви.

* * * * *

Март заскочил в окно ко мне с разбега,
Над крышею рассвет поголубел,
Сегодня светел день, но вовсе не от снега,
Но вовсе не от солнца - от тебя.
Иначе всё пойдет теперь, я верю -
Отступит боль и тягостные сны.
Для счастья будут не закрыты двери,
Коль стала ты предвестницей весны.

Гордая

Счастливою казаться всем старается,
Но я-то вижу, как там не играй,
Тоска из глаз уже переливается,
Как речка в половодье, - через край.
Я знаю: ты не крикнешь, не застонешь,
К сочувствию не позовёшь - горда.
Ах, воля бы цыганская да кони, -
Увёз тебя б от горя навсегда!

В аквариуме

С утра дождит, и вечером дождит,
И ночью за окном ненастья всхлипы.
И ночь от этой слякоти знобит,
Озноб трясёт заплаканные липы.
И я тону в каком-то страшном сне,
Где всё прикрыто слякотною сеткой...
Окно - аквариум, и ты плывёшь в окне,
Помахивая сломанною веткой.
И непонятно: ждать или не ждать,
Или пробиться сквозь стекло -
догнать.

Не бойся

Ты смотришь в окно, где колючая замать,
И прошлые беды приходят на память.
Ты зябко поводишь усталым плечом.
На улицу выйти? Ой, нет! Нипочём!

Не бойся метели! Пройдет, отметелит,
Снега закопчённые снова отбелит,
Замшелые щели в упор просквозит,
Тоску перемелет и вдаль улетит.

* * * * *

Зной стекал по лесистым откосам -
Терпкой мятой настоянный зной.
Отжимая тяжелые косы,
Ты стояла над тихой водой.
Бронзовели покатые плечи,
Грудь вздымалась ленивой волной,
Ветерок, как мальчишка беспечный,
Шевелил камыши за спиной.
Я смотрел безотрывно, не зная
(Все работы отринулись прочь!),
Кто ты, право, -
Царевна речная
Иль землёю рождённая дочь?

* * * * *

Мы собирали вместе голубику,
Потом кислицы вспыхнули кусты...
Ручей журчал о чём-то мирном тихо.
В его журчанье вслушивалась ты.
Потом смеялась долго и маняще,
А я тогда и молод был, и лих.
Была в те дни кислица много слаще...
А может это из-за губ твоих?

* * * * *

Ты не удерживай меня,
Когда в ночную муть
Я от тебя и от себя
Вдруг захочу шагнуть.
Когда советам вопреки
И правильным словам,
Уйду я берегом реки.
Куда, не зная сам.
Пусть ветры хриплые трубят.
Зачем упрёк судьбе?
Ведь, покидая в ночь тебя,
Я уйду к тебе.
Чтоб и бодрящая мечта,
И терпкая любовь,
И глаз усталых красота -
Всё было снова,
вновь.

* * * * *

До чего же июнь пригож
В отцветающем городке.
Грозовой, перелётный дождь
Пузырится, кипит в лотке.
Чистит пёрышки каждый куст,
Одурманивает сирень.
Я до нитки промок, и пусть -
Лишь бы только продлился день.
Как пленительна ты сейчас
В красной кофточке под зонтом -
Городка и природы часть,
Не разгаданная притом.

* * * * *

Густая ночь черна, как кофе,
И в напряжённой тишине
Мне видится любимый профиль,
Но только тенью на стене.
Я мог бы и лицо увидеть.
Я мог бы. Только не смогу.
И дело вовсе не в обиде,
Стерплю. Любовь поберегу.

Любимым

Любимых некрасивых
Не бывает.
За речкой тихой
В зарослях глухих
Усталый ветер

Бережно снимает
Пожухший лист
С застенчивой ольхи.
Она берёзе стройной
Не чета.
А вот гляди ж:
Внимание и ласка!
Неторопливым солнцем
Залита
Ольха трепещет
Радостными красками.

* * * * *

Затосковал и вспомнил о тебе, -
Давно мы по душам не говорили.
Всю радость дружбы будни заслонили -
Дни с суетой и косностью в борьбе.
У каждого сложилась жизнь своя,
Но это ведь для дружбы не помеха.
Конечно, кое-кто теперь без смеха
О дружбе ни словца. Не тот маяк!
Сейчас в цене другие отношенья,
Но я-то верен тем прошедшим дням.
А ты? Молчишь?
Тогда прошу прощенья.

* * * * *

Ты приди, как та тогда,
Без раздумий и лукавства,
И не обещаю царства.
Час с тобою - что года.
Мне цыганская родня
Нагадала, что к закату
Счастья вал такой накатит -
Даже камни зазвенят!

Глаза вдовы

В глазах усталых - тишина.
Без озаренья, без надежды.
И, кажется, чуть-чуть вина:
Мол, не такими были прежде.

В них бродят думы, не спеша,
Обычные, как тучи в осень -
В них усмирённая душа,
Что больше ничего не просит.

Настя

(поэма)
Бьёт метель - серебряная птица,
Бьёт в окно крылом в который раз.
Нет, и за метелью не укрыться
От любимых беспощадных глаз.
Нет! И за годами не укрыться.
Кто сказал, что всё прошло давно?
Бьёт в стекло серебряная птица,
И тоскливо дребезжит оно.
И пора припомнилась другая:
Лепестки черёмух на ветру,
Ты тропинкой, ветки раздвигая,
Пробиралась к дому поутру.

Шла по травам, пряным и росистым,
Вдоль студёной, розовой реки.
А на всю округу голосисто
Утро величали петухи.
И росинки с тоненькой берёзы
Видели счастливые глаза.
И казалось, что пьянящий воздух
Повторяет всё, что он сказал.
И несли твои девичьи губы
Поцелуев нежность и тепло.
Да, воды немало утекло
С той поры.
И где он, светлочубый?
Где он - песня юности твоей?
Бьёт метель.
Стучится всё сильнее.

На вокзале

Шёл сентябрь, навевая грусть.
Он спросил:
- Дождёшься?
Ты сказала:
- Милый, обязательно дождусь!
Это трудно - первая разлука.
Вечер, наступивший в тишине.
Что-то ищут - не находят руки.
Чья-то тень мерещится в окне.
Как-то по-иному, незнакомо,
Песни за околицей звучат.
Выходить не хочется из дома:
- Ну вас, - отмахнулась от девчат.

Ожиданье первого письма

Время словно вдруг остановилось.
Ты грустила, а потом сердилась.
Крылья дать - слетала бы сама.
Вот в руках он - синенький конвертик.
Тёплые, желанные слова.
Любит?
Любит!
Просит ждать и верить.
Радостно кружится голова.
Шёл октябрь.
А что тебе ненастье?
Что тебе унылые дожди?
Сердце шепчет: это счастье, Настя!
Шепчет сердце: это будет - жди!
За окном ветрам всё не уняться.
Где-то тихо скрипнула доска.
Что ты, Настя?
Что тебе бояться?
Почему в глазах твоих тоска?
Скоро муж придёт домой с работы,
Поцелует, спросит: как дела?
И в глазах его тепло заботы.
Разве ты не этого ждала?
Что же прячешь ты глаза упрямо?
Почему дрожит твоя рука?
Где-то снова скрипнула доска,
Ветер бьёт в заснеженные рамы
Штампик, так знакомый, треугольный,
На конверте синем в уголке.
Ты взглянула, вздрогнула невольно,

И письмо дрожит в твоей руке.
Вскроешь?
Нет! Опять не хватит силы.
Настя, вспомни ночи у реки.
Как над тихой заводью кружились
Ласковых черёмух лепестки.
Вскроешь?
Нет!
А помнишь, на вокзале
Что-то клён шептал над головой.
Настя, помнишь, что тогда сказала?
Было былью - поросло травой.
Верю, Настя, всей роднёй гудели:
Что, мол, ждать - и прокукуешь век,
Тот придёт в поношенной шинели,
Этот же - солидный человек.
И квартира, и оклад что надо.
Старше? Полно! Так заведено.
Присмотрелась: что ж, мужчина ладный.
Матери сказала:
- Всё равно!
Вот и год остался позади.
Больше почта писем не носила.
Только что-то тягостно в груди
Настя, что ж ты сердце не спросила?
Думала - с годами всё забудется?
Все следы позёмкой заметёт?
Нет, на сделку сердце не идёт -
По ночам далёкий голос чудится.
Нет! И за годами не укрыться
От любимых беспощадных глаз.
Бьёт метель - серебряная птица.
Бьёт в окно крылом в который раз.

* * * * *

Любовь - река.
Бывает половодье,
Бывает межень,
Боязно тогда,
Что вдруг прервётся
Пульс струи
свободной,
Исчезнет
животворная вода.
И потому
ловлю твой взгляд
скользящий
(Ему я верю,
а улыбке - нет).
Понять хочу:
Так что же
настоящее -
Закат тишайший
Или вновь рассвет?

Россия

Русь, Россия... Можно петь и плакать,
Окунувшись в прошлое, хмелея.
Только ведь Россия-то - не лапоть,
Что хранится в краеведческом музее.

Не лихая пляска, не припевки,
Не берёзка во поле любимая,
Нет!

Россия, Русь - совсем не сказка,
Это было, могучая и зримая.

В сосняке, где суетятся сойки,
Хоботом мелькает экскаватор,
А в соседстве с глыбой новостройки -
Домики, где между стёкол вата.

Это - вертолёт гул над пашней,
Это в небе звёздочкою - спутник,
Это степь, в безмолвье уходящая,
Где лукавый бродит ветер-путаник.

Это разинцев крутое слово,
Искры злые в темноте промозглой,
И гвардейцы армии Чуйкова,
Тысячами вставшие у Волги.

Это глаз твоих бездонье синее -
Что ни день, в них новая загадка.
Только тот поймёт мою Россию,
Кто ей сердцем предан без остатка.

Вдоль России

От рассвета до часа, когда тени косые
Отмечают конец быстротечного дня,
Я сижу у окна и люблюсь Россией,
Что струится стремительно мимо меня.
Среди ночи встаю и люблюсь огнями,
Узнаю голоса мне знакомых мостов.
Ну, а сплю я когда? Я дремлю вечерами, -
Много ль времени надо ветерану для снов?
Я гляжу и гляжу, и рождается радость,
И рождается гордость, и рождается грусть.
Грусть светла, и волненья стыдиться не надо:
Я когда-то отстаивал эту землю, всю Русь.

Станция Иринка

За окном на моментальном снимке
В зареве закатного огня
Маленькая станция Иринка
За душу затронула меня.
Тропка к долу убегает круто,
Там внизу, наверно, спит туман,
Дышат чистотою и уютом

Маленькие, хрупкие дома.
Не торчат над крышами антенны, -
Скромные скворечники висят...
Вот пожить бы тихо и степенно
Годик-два, а то и пять подряд!
Не пожить! На это есть причина.
Мне судьба такая не дана,
Потому что где-то есть Ирина
Бурная, как поздняя весна.

Над водой

Церковь белоснежная над водой струистой,
Солнце щедро дарит куполам лучи.
Ласточки над речкой носятся со свистом,
По полю шагают важные грачи.
Я в богов не верю, и в нечистых - тоже,
Церковь мне, как памятник предкам, дорога.
Здесь давно когда-то у её подножья
Русские разбили лютого врага.
Говорят, имела речка цвет кровавый,
Верно ли, неверно - у кого спросить?
Только стала церковь памятником славы
Воинам,
народу
и всея Руси.

Родные места

Живу и жду: крутнёт волна, поднимет,
И позади останется причал.
Я многие края считал родными,
Хотя и отчий дом не забывал.

Не удивлюсь, коль назовут бродягой,
И не обижусь. Разве в том беда,
Что шёл и шёл, не замедляя шага,
Что лёгок на подъём бывал всегда.

Бродяга? Пусть. Но прошлое листая,
Стараюсь ничего не позабыть.
По-прежнему родными я считаю
Все те места, где довелось мне быть.

Частица Отчизны моей

Бочком с автобусной подножки
На пятна тёмные шагну,
Фуфайку с воздухом морозным,
Кряхтя, повыше застегну.
А рядом говор, кашель, смех,
И ТЭЦ в туманном полушубке...
Как мастер, вышедший из будки.
Нас ожидая, мёрзнет цех...
В нём воздух выхлопом продут:
Грызёт «алтаец» кучи глины,
И беспорядок с дисциплиной,
Как девки, под руку идут.
Сердитый плотник кое-как
Скрепляет щит «восьмидесяткой».
Сметая тонкий иней с пяток,
Дверями бухает сквозняк.
Ручного тяжкого труда
В нём, словно дыма, многовато...
На трубах белых чудновато

Цветёт сосульками вода.
И вдоль дороги у колонн,
Покрытых инеем и краской,
Ютится ряд бытовок разных,
Блестя квадратами окон.
В них лишь до пояса тепло.
Внизу углов ледок белеет,
И ноги в валенках дубеют
Под длинным узеньким столом.
Вот за таким столом до слёз
Люблю товарищей послушать
И, как они, о жизни лучшей
Люблю задуматься всерьёз.
Поговорить о том, о сём:
О жизни в мире и о ценах,
О пьянке подлой и о лени,
И о строительстве большом.
Узнать о премии за пуск
Объектов нынешнего года,
И сколько градусов сегодня
Сказал по радио Иркутск,
И помечтать под тенев гуд
Среди вопросов и ответов:
Когда же здесь, как в кабинетах,
Заблещет радостный уют?..
...И вдруг почувствую сильней,
Таская тяжкие носилки,
Что это цех моей России,
Частица Родины моей.
И что без этого всего -
Пускай порой бывает
скверно -
Моя поэзия, наверное,
Не будет стоять ничего.

Русь

Изобильна Русь просторами -
И степными, и таёжными.
Родниками да озёрами,
Росстанями придорожными,
Взгорьями да перелесками,
Автострадами да тропками,
Землеходцами бывальыми,
Новосёлами неробкими.
Да ещё морями пенными,
Льдами звонкими, хрустальными.
А ещё богата песнями -
Озорными да печальными.

Ярославль

Город старый, город славный,
Весть о нём - во все концы.
Здесь девчата - Ярославны,
А ребята - мудрецы.
Здесь над Волгой полноводной
День и ночь мосты гудят,
Здесь мне дышится свободно,
Как и много лет назад.
Здесь народ упруге стали,
И былинный жив размах...
Жаль, медведицы остались
На значках, а не в лесах.

Цыганке

Погадай мне, родная,
Хоть и знаю - соврёшь.
Полуправда сплошная -
Это хуже, чем ложь.
Я тебе не поверю,
Но о том не скажу.
И с улыбкой доверья
В глаза погляжу.

* * * * *

Вновь зловещие тени
Заслоняют нам путь.
Хватит с нас потрясений,
Дайте нам отдохнуть.
Раскричались сороки
На заре в полутьме...
Не нужны нам пророки,
Что себе на уме.
Не садите нас в сани
Чужедальной страны.
Мы и сами с усами
И умом не бедны.

* * * * *

Ну, здравствуй, заповедная сторонка!
В репейнике щеглы
пощёлкивают звонко.
Красуются. И чуть не до стрехи
У дома разметались лопухи.
Уюта нет, но что-то дорогое
В замшелости бревенчатой стены.
И катит память волнами приборя
Из юности забытой полусны.
И дышится как будто бы полегче,
И, кажется, статнее стали плечи...
Но это всё приходит лишь на миг -
К другому бытию уже привык.

* * * * *

Поселиться бы в мансарде,
Чтобы слушать дождь и ветер.
Чтоб сверчки - лихие барды -
Распевали на рассвете,
Чтобы мышка-домовушка
Приходила за подачкой,
Чтобы рядом деревушка,
Где на лавочках судачат,
Чтоб в окно луна вползала
Доверительно и просто.
Чтоб в ночи свеча дрожала,
Убывая мерно в росте.
Чтоб экраном было небо,
А водичка - из колодца.
Чтобы снилась только небыль,
От которой сон не рвётся.
Поселиться бы в мансарде!
Но в мечте такой нет прока.
Жизнь - игра на миллиарде,
Шарик - ты, а кий - у рока.

О России

Россия - не Россия без снегов,
Без самодуров у кормила власти.
Без смуты и обилия гробов,
Без всякой разной нечисти-напастей.
Но без надежды тоже нет Руси,
Без веры в разум и в защиту Бога.
Судить Россию не пристало строго.
Казнить за что-то - боже упаси!

Боль

И тянет посмотреть места родные,
И страшно: захлестнёт, утопит боль.
Где там друзья?! Могилы дорогие
Не разыскать. Зачем на раны соль?...

А тянет так, что вырывает сердце,
Бессонница и сны полны тоской.
И страшно сердцу гневному довериться,
И тяжело жить по разуму, с тоской.

Когда минует межень

Над сопкой облака набрякли,
И вот уже листва шуршит,
Дождь скуп - отсчитывает капли,
Как скряга медные гроши.
Изломанные ветки-руки
На время потеряли тень
Ни то ни сё. Какая скука!
И это в долгожданный день!
Но я досаду пересилию,
Продолжу, не спеша, шагать.
К дождям не привыкать России -
К ненастьям мне не привыкать.

* * * * *

Не всё получается гладко
На нашем не близком пути.
Родная моя азиатка,
Пойми ты меня и прости.
Покой беспокоит, как рана.
Тишь давит до боли в ушах.
Наверно, от деда цыгана
Бродяжья, хмельная душа.
А может, причина не в деде -
Он к старости выстроил дом.
А мне, по всему непоседе,
До смерти ходить колесом.
Но где бы меня ни носили
И как ни трепали ветра,
Ты в сердце моём, как Россия,
Всегда - от утра до утра.

* * * * *

Не страшен на стёклах
мороза узор,
А страшен всю Русь
затопивший позор.

Рябина

В былые годы под струйную речь
Апела рябина, стараясь привлечь.
Иная година, другая вода.
Краснеет рябина... А вдруг от стыда?

* * * * *

Заря за тучей отцвела
Над перелеском медным.
Дождь шёл, но ладилась дела
Назло погоде вредной.
Не замечая мелких бед,
Что заполняют будни,
Простил я всех прогнозов бред
И гороскопов плутни.

Жива

Россию предавали,
Россию продавали,
Порой переживали:
«Как там она? Жива ли?»
Россия всё сносила, -
На то она Россия,
И снова оживала.
Она не предавала!

* * * * *

А Русь остаётся Русью
Со всей неуёмной грустью
Речушек, полей, лесов,
И радостью голосов
Пичуг, на заре поющих
И славящих светлые пуши,
Суровый разлив тайги
И радуги дуги-круги.

* * * * *

Россияне -
Мы такой народ,
Нет вины -
себе вменяем сами.
Выдумаем,
а она грызёт
Сутками порой,
порой часами.
А потом
приходит та пора,
Когда небыль
оседает былью.
И тогда с утра и до утра
Всё горчит,
как едкий
чернобыльник.
Даже неба
ласковая синь
Осыпает
на тебя полынь.

* * * * *

Петры и Лавры -
старый русский праздник.
День в мареве над широтой полей.
И пиво хмелем затаённым дразнит,
И пироги паруют на столе.
И дед Иван в косоворотке новой
С утра лучится добротою глаз.
В рубахе новой, сам ещё бедовый
И озорной порой не напоказ.
И баба Катя, сдобная, как пышка,
В атласном сарафане у стола,
Прощает всё вихрастому мальчишке,
Не праздник бы - затрещину дала!
Петры и Лавры.
Вечером гармошки
На целую округу голосят,
Огни не гаснут допоздна в окошках,
Неяркий свет на улицу неся.
Нас, малых, по домам не загоняют.
И сыты мы от пуза, и вольны.
А ночь идёт-бредёт, глаза слепляя,
И видятся нам радостные сны.
А утром снова дружное застолье,
И солнцем полон день, как на заказ,
И гостя молодая с чёрной бровью
Конфетами одаривает нас.
Петры и Лавры -
старый русский праздник.
Он далеко давно откочевал.
И пиво в кружке городской не дразнит.
И где он здесь - душистый сеновал?...

И вдыхать синеву

Я к смерти готов, но её не зову.
Ещё бы разочек упасть на траву,
Зарыться в её разноцветье лицом,
Земле доложить: не был я подлецом.
Жестоким - случилось, врагов убивал.
Но землю, народ свой я не предавал,
Потом, повернувшись спиной в траву,
Смотреть до конца и вдыхать синеву.

Мост

Всё было тускло и обыденно:
Кусты, болотины, туман,
Да виденные-перевиденные
Пристанционные дома.
Ничто не предвещало чуда,
Но из тумана вдруг возник
Мост, словно караван верблюдов,
Остановившийся на миг.
Горбы в белёсой мгле застыли,
Под ними чуть рябила гладь...
Так сказка повстречалась с былью,
Чтоб скуку липкую прогнать.

Примета

Есть примета: отправляясь в дождь
В дальнюю и трудную дорогу,
Если много счастья не найдёшь,
То и потеряешь ты немного.
Ну, а если встретишь, выходя
Из вагона, вёдренное утро,
То твои поступки будут мудрыми -
Так не зря в народе говорят.

У лесного отрога

У лесного отрога,
Где задумчивый бор,
Зацепилась дорога
За песчаный бугор.
Колеи, словно змеи,
Вползли не спеша.
Ниже речка синееет,
Как нарядный кушак.
Две берёзки-сестрицы
Над водою звенят.
Вот бы здесь поселиться
До последнего дня!

* * * * *

Что такое ностальгия?
Памяти валы тугие?
Боли пламенный оскал?
Я не знаю, как другие
Переводят ностальгию,
Для меня она - тоска,
По ветрам, что где-то рыщут,
По могилам, что не сыщешь,
По дорогам давнишним в пыли,
По друзьям, что позабыли,
По рассвету, что остыл,
По себе - тому, что был.

Сон

Приснилась церковь -
говорят, что к воле.
Но разве до сих пор
не волен я?
Качусь по дням,
как ветерок по полю.
Всё позади:
заботы и семья,
мечты, дерзанья,
дружбы беспокойство...
Какого ж надо мне ещё рожна?
Но, видно,
у души такое свойство -
Ничем не успокоится она.

В дороге

Чернотал да ирга,
Березняк тонконогий.
Отступала тайга

Далеко от дороги.
Виснет в мареве зной, -
Заленились и ветры,
Далеко за спиной
Дремлют мудрые кедры.
Не слышать комарья
Непрерывного гуда,
Набегают поля
К полотну отовсюду.
Ярче солнце игра,
Но не скрою печали:
Лучше пусть мошकारа
Да таёжные дали.

Дорога

И дорога не лечит,
Коль разлука не в тягость.
Не назначены встречи,
Нет походного флага.
Всколыхнула тревога,
Что приходит ночами,
И решил: пусть немного
Вагон покачает.
Помелькают разъезды,
Да мосты прогрохочут,
Ёлки в синих одеждах
Проплывут среди ночи.
Пусть тоска не пройдёт,
Лишь отступит немного, -
Оправдает своё
Назначенье дорога.

Вёрсты

Мне нравится слово «вёрсты» -
В нём истинной Руси душа,
Что злыми ветрами исхлѣстана,
Но даже в беде хороша.
И пусть километрами пѣстрыми
Промерено всё кругом,
А я намеряю вѣрстами
Свой путь:
и уклон, и подъѣм.

* * * * *

Возьму и вдруг года немножко сдвину,
Чтоб разобраться в сущности проблем.
И я уверен, - будут петь «Рябину»,
И позабудут все про «Бони-М».
Забудут про поэтов, что старались
Из груши сделать остроугольный ромб,
Но будут жить есенинские дали
И Луговского перекатный гром.
И Пастернак, лукавый и сердитый,
Кому-то даст для виденья толчок.
Но будут, несомненно, позабыты
Те, кто повсюду клялся горячо,
Кто прикрывался Родиной, как ширмой,
О ней слюнявя липкие слова.
Они живы, пока идёт молва
И расплзается всё шире, шире.
Они уже, увы, неисправимы,

Они модны и кое-кем любимы,
Пока мы публикуем эту чушь.
Я не ворчу,
я просто в даль лечу.

* * * * *

А горы останутся,
Не станут печалиться,
На склонах по-прежнему
Туман будет чалиться.
Лохматые сосны
Ветрам будут кланяться,
Ручьи будут биться,
А горы останутся.
И тропки останутся,
Струистые, гибкие,
Полянки, не щедрые
на улыбки.
И кто-то пройдёт
До конца от начала
И радости наши,
И наши печали.
Пройдёт торопливо,
Уйдёт - не оглянется.
А горы останутся,
Не станут печалиться.

Смотрю

Смотрю на иллюстрации в журналах.
Всё это видел. И везде я был.
Но гложет мозг досада, и немалая, -
Везде не досмотрел, не долюбил.
Всегда я торопился, суетился,
Пытался необъятное объять.
И вот уж этот вид совсем размылся,
А в этом смысла не могу понять.
Вот этот дом. Он был таким и прежде,
Быть может, чуть притронулась рука.
Но, вспоминаю: с трепетной надеждой
Тогда я шёл к нему издалека.
А вот и перелесок, мне знакомый,
Знакомый, но давно уже не тот.
Он приютил меня, когда ушёл из дома
Я в тот сейчас полузабытый год.
А вот арык и древняя чинара.
И здесь ведь было, что-то было ведь!
Скрежещет память, как пластинка старая,
А за окном усталых листьев медь.
Конечно, запоздали эти мысли,
Как к декабрю весенняя гроза.
Но хочется всё вспомнить, всё осмыслить, -
Утешить сердце или растерзать.

* * * * *

Не торопись туда, где был
Когда-то счастьем окрылён.
Рассвет прошёл, костёр остыл,
И не звучит гитары звон.
Спилили иву у реки,
Совсем зарос печальный пруд,
Во ржи пропали васильки.

Кувшинки больше не цветут.
И нет заветного окна
В цветном наличнике резном,
Взамен бетонная стена,
Тупой многоквартирный дом.
Заря по-прежнему мила,
Её не изменился цвет.
Но той, которая ждала,
Давно уже в помине нет.
Как нет ночного у костра,
Картошки дымчатой в золе.
Иная движется пора,
Хоть тот же век в календаре.
Хоть тот же век, да день другой,
Трава другая под ногой,
И новые ветра метут.
Не торопись - тебя не ждут!

Из прошлого

Рай - не меньше - избушка скромная
После тягот дорожных тревог.
А хозяйка такая сдобная -
С нею мёд и пустой кипяток.
Ребятишки - двойняшки-заюшки,
Кот на лавке - пушистый клубок...
Вот такую бы в дом хозяйку!
Только где же он, этот свой дом?

По-прежнему родными я считаю все те места, где довелось мне быть

* * * * *

Помню, в Закавказье, у Ликани,
Где ручьи спадают по скале,
Не цветок, не яблоко, не камень -
Облако лежало на столе.
Это, видно, пошутили ветры,
Чтобы разогнать мою тоску.
Мне сказал, чуть видимый в двух метрах,
Мой сосед: «Отрежем по куску!»
Испугавшись этакой угрозы,
Облако уплыло за окно,
На столе оставив капли-слёзы,
Слившиеся нехотя в пятно.
Высыхала торопливо скатерть,
Разгоралась утра голубень.
Пепельницы стеклянный катет
Заискрился, отражая новый день.
И тоска моя откочевала
С облаком
В ущелье за Курой
Вот ведь как: недолго побывало,
А вернуло праздничный
Настрой.

Светлана

В день погожий утром рано
По тропинке некрутой
Гагаузочка Светлана
Шла к колодцу за водой.
Шла по тропке спозаранку
Неземная красота -
Гагаузочка-смуглянка
Южным солнцем налита.
Ей хвалу зорянки пели,
Стлалась под ноги земля,
Вслед завистливо глядели
Молодые тополя.

Кулунда

Жарок день июльский в высшей степени,
Кажется, вскипает в жилах кровь...
Элеватор кораблём над степью,
А вокруг волнение хлебов.
Кулунда. Простёрлась степь без края,
Бдит земля, как верная раба.
Этот край не понаслышке знаю,
Было, что сводила нас судьба,
как сейчас.
Спеклось от зноя небо,
Пот ручьями лился при ходьбе.
До сих пор не знаю слаще хлеба,
Что вкусил когда-то в Кулунде.

Земля молдавская

Посвящается А. В. Фазлы

В огороде капуста и перец,
Кабачки, а над ними айва,
Лук топорщит могучие перья,
Баклажанов цветёт синева.
Абрикосам родные - жардели
С виноградом соседствуют тут...
Пусть немножко они не поспели,
Но зато так прекрасны во рту!..
Благодатно молдавское лето!
Запоздало штурмует жарой...
Но, коль рвался сюда, то не сетуй,
Не спасайся в тени и не ной.
Получай свою норму загара,
Пусть потаает излишний жирок,
Пей вино, но легко, без угара, -
Трезвый взгляд и умён, и широк.

Ночь на Украине

Сгустился над Диканькой вечер,
Бродяга ветер лёг уснуть.
У клёна опустились плечи,
Упала голова на грудь.
Настала ночь. Земля уснула.
Лишь сом всё бодрствует на дне,
Да озорной кузнец Викула
Летит на чёрте через Днепр.

Давайте говорить начистоту

Я никогда пути не знал заранее,
Срывался наобум и в никуда.
Наверное, за это в наказание
Мне не светила яркая звезда.
Но я не горевал и свято верил,
Что ножки не подставит злобный бес,
Что где-нибудь открыты будут двери,
Кому-нибудь я нужен позарез.
И двери отворились, и объятья,
И вера утверждалась в добро.
Да здравствует кочующая братия,
Что смело ставит
Жизнь
на ребро!

Корни

Они во тьме для нас рождают свет,
Не ожидая почестей и славы.
Порой они невзрачны и корявы,
Но вот надёжней их опоры нет.
Не будь корней - рассыпалась бы,
как дым,
Вся жизнь, которой мы во славу трубим.
Мы от корней и на корнях стоим,
Но часто их не замечаем - губим.

Замять

Зима, как седина, приходит в срок,
Но иногда бывает неурочной,
И в октябре вдруг оседает прочно,
Как в тридцать после бед блестит висок.

Но коль пришла, то не кляни её,
Хотя тебе не по душе морозы,
И на стекле серебряные розы,
И то, что за окном пурга поёт.

Прими её досрочно или в срок
По древнему обычаю - достойно.
Ведь в жизни всё уже без нас устроено,
И времени не остановишь ток.

О свободе

Ты хотел свободы? Вот она!
Пей взахлёб, вытягивай до дна!
Только жажда отошла - не мучает,
И совсем, пожалуй, не нужна.

Только ни к чему тебе простор.
Стоп, машина! Кончилось горючее!
Будет лишним всякий разговор.
Есть свобода - только нет желания.
Лучше это понимать заранее.

* * * * *

Вся жизнь моя - история потерь.
Но не всегда судьба в том виновата.
Какою мерой прошлое не мерь, -
На ласку к ближним не был я богатым.
Я никого нигде не предавал,
И честным был все прожитые годы,
Я помогал, случалось, и спасал,
Но как-то без раздумий, мимоходом.
Ценил добро других, как благодарность
За мною сотворенное добро.
Я к людям был спокойным и прохладным,
Как в непогоду речки серебро.
Война не в счёт. Тогда душа горела!
И отгорела, видимо, не в срок.
От той поры остался, хоть несмелый,
Неугасимый дружбы огонёк.
Устал? Быть может.
Равнодушен? Вряд ли.
Гнетут воспоминания. Гвоздят!
И опадают близкие, как капли
С листвы после летучего дождя.

* * * * *

День сломился, как хрупкий прут -
Значит, близко освобожденье
От дневных надоедливых пут,
От бесплотных забот наважденья.
Час вечерний покой принесёт;
Час ночной - то ли сон, то ль бессонницу.
Только лучше уж памяти гнёт,
Чем дневная для сердца бескормица.
Пусть порой от бессонницы выюсь,
Только в день не стремлюсь обратно,
Видно, филином становлюсь,
Птицей, в общем-то, малоприятной.

Две силы

Раскачал ветрило тополя -
Ходят ходуном под небосводом.
Взмыли бы, да держит их земля.
Не даёт почувствовать свободы.
Так всегда: две силы - ты один
В их боренье злом и неустанном,
Ты один - от соски до седин -
В мире неустроенном и странном.

* * * * *

Закон - не закон,
Но пример этот вечен,
Издrevле прорвался
Сквозь годы и тьму:
Когда один подставляет
плечи,
Другие с советами
лезут к нему,
Вокруг суетятся
и так и сяк,
В делах разбираясь
едва ли,

Не выдержит - скажут:
«Не брался б,
слабак!»
А выдержит -
скажут:
«И мы пахали!»

* * * * *

Послушать либералов -
не беда,
Послушав,
надо вникнуть -
пригодится.
На чьей же шее эти
господа
Сегодня собрались
примоститься?

* * * * *

Лелеют свои хитромудрые думы
Радетели вольных торгов - толстосумы,
Готовы купить и землю, и завод,
Коль будет молчать оглуплённый народ.

* * * * *

Не верю митингам горластым
И шестивий зыбкой суете,
Не верю лозунгам «Да здравствует!..»
И транспарантов пустоте.
Толпа - лавина и трясина,
Толпа - не радость, а беда.
Я б отдал жизни половину -
Её не видеть никогда.

* * * * *

Впадают в детство старики,
А юные играют в старцев.
На них посмотришь - и с тоски
В мозгу круженье может статься.
В природе тоже круговерть -
Перевернулись все приметы!
Чадящая гнилая смерть
Ползёт на города с рассвета.
Бездушный, ненасытный век
Последние надежды выбил.
Куда идёшь ты, человек?
Зачем такую участь выбрал?

* * * * *

Жить торопливо,
Забывать о личном,
Не быть счастливым -
Это так обычно
Для тех, кто душу
Не продал за благо,
Кто не нарушит
Совести присягу.

Заборные витии

Про гласность как-то вычитав в печати,
Решили кое-кто: «Нам это очень кстати.
Теперь мы выплеснем всё то, что наболело!»
И без сомнений принялись за дело.
О чём провозгласить? Да мало ли о чём!
Вчера, мол, было холодно, сегодня - горячо,
Один нам насолил, другой - совсем не мил,
А третий против нас когда-то говорил.
Порой работу спрашивают круто,
А, в общем, все вокруг мошенники и плуты!
Но вот беда: хоть и вещают гласно,
А люди с болтовней их не согласны.
Как доказать им, что они правы,
Коль доказательств нет, как нет и правды?
Тогда они, не мудрствуя, увы,
Заборное провозгласили право:
Свои творенья лепят на забор,
Даря заборной критике простор.
Нет! Так за правду умные не бьются, -
Забор - трибуна не для правдолюбца!

Знамя Коммуны

По весенним бульварам
Столетье назад
Март шумел,
Неуёмный и юный.
Над Парижем
Восставший пролетариат
Поднял алое знамя
Коммуны.
Пылким жаром
Сердца коммунаров горят,
Льются песни
По улицам узким.
И под знамя Коммуны
С французами в ряд
Встали венгры,
Поляки и русские...
Враг жесток,
Но бесстрашен
Свободный народ.
Баррикада
Пожаром увенчана.
И ведёт батальон коммунаров
вперёд
Из-под Пскова
Российская женщина.
Враг силён.
Коммунаров редуют ряды.
Пули сыпятся
Зло и обильно.
Стал Париж
В это утро
От горя седым,
Хороня самых стойких
И сильных.
Только пусть
Не ликует
Зарвавшийся враг, -

Не уронено алое знамя.
Будут время и силы
Для новых атак.
Коммунары
Не станут рабами!
Коммунары
Сражались и гибли не зря:
Не угасло
Зажжённое пламя.
Каждый видит
В Великой заре Октября
Алый отблеск
Парижского знамени.

* * * * *

И в ручье, и в ребёнке ищите начало -
Не родится родник с ядовитой водой.
Это после и мутят, и травят,
С бедой обручив, удивляются:
Что же с ним стало?

О судьбе

Фортуной ли, судьбой - как хочешь, называй,
А смысл один: капризная бабёнка.
То горем хватит, даже через край,
То счастьем обольёт, как песней звонкой.
А ты не верь ей сразу - погоди,
Не зря ведь женским именем зовётся.
И горе оскудеет, как дожди,
И счастье вдруг тревогой обернётся.

Думы о сегодняшнем

Развелись ротаны. Не о рыбах
Речь пойдёт - о нечисти людской.
Мелочь, а сожрать готова глыбу.
Вот о ком я думаю с тоской.
Всё им мало: хоть битком квартира,
Дача - то ли склад, то ли музей.
Вот картина. Места нет? В сортире
Отведет хапуга место ей.
Всё хватают жадные ротаны,
Повсеместен их наскок и лих.
И приходит мне вопрос нестранный:
А откуда денежки у них?

* * * * *

Развелось обвинителей. Адвокатов не счесть.
Ну, а кто подсудимый? Или их миллионы?
Бросить в прошлое камень считают за честь.
Ну, а сами-то, сами? Правы? Умудрёны?
Загляните в себя, потрясите себя,
Расспросите свою задремавшую совесть:
А не сами ли вы, тишь и гладь полюбя,
Среди ясного дня поослепли, как совы?
Не судить, не оправдывать надо, а просто
Делать всё, чтоб назад не вернулась беда.
Надо каждому выверить совесть и поступь
И не только на завтра, а вперёд, на года.

* * * * *

Кто мы? Откуда и куда
Идём дорогами земными?
И чем своё прославим имя,
Коль грянет грозная страда?
Оставим что грядущим вслед:
Родник живой или пустыню?
Подумаешь - кровь в жилах стынет
От нами сотворённых бед!
Жизнь - не азартная игра.
Пора одуматься, пора!

Давайте говорить начистоту

Давайте говорить без дураков,
Коль надо, по-мужички грубовато.
А то у нас всё каша или вата.
Давайте добираться до основ!

Давайте про обиды и про беды
Без многоточий: мол, умён - поймёшь,
Пусть не вползёт и крохотная ложь
В мужские задушевные беседы.

И радостью делиться до конца
Без хвастовства иль тихого злорадства.
Давайте просто по законам братства
Откроем наши души и сердца.

* * * * *

Всё образуется, дни хорошие накопятся...
Но вот когда? Когда бы это знать!
Жизнь справедлива, только не торопится
Нам по заслугам должное воздать.

А мы торопимся и всё вокруг торопим,
Всё подгоняем - время и мечты.
И, торопясь, свои надежды топим
В бездонном море всякой суеты.

Память

Она то голубь, то змея,
Что жалит до шального крика.
Она бунтует. Всё же я -
Её единственный владыка.
Она не подпись на стене.
Не дни, что возвратиться тщатся.
С ней, как с поковкою в огне,
Умело надо обращаться.

Шагни

Не прячься за чужую спину,
Шагни на ветровейный склон,
Шапчонку поплотней надвинув,
Чтоб невзначай не унесло.
И ринься вниз, судьбе навстречу, -
Пусть жилка каждая дрожит.
Коль на пути не искалечит,
Поймёшь, как это славно -
жить!

* * * * *

Когда человеку плохо,
Жизнь - сплошная убыль,
Он не кричит и не охает.
А стискивает зубы.
Если невыносимо,
И в сердце огненный пепел -
Он собирает силы
И раскрывает цепи.
Не жмурься заплаканным веком -
Будь человеком!

* * * * *

Листаю памяти страницы -
Потрёпанной годами книги,
В ней глав нечёткие границы,
В ней то провалы, то надвиги.
Листаю нехотя, невольно,
Но ничего не пропускаю,
И даже если сердцу больно
Становится, терплю, читаю.
Ведь эту книгу не отбросишь,
Не сдашь со зла в макулатуру,
Её всегда у сердца носишь
И в ясный день, и в полдень хмурый.
Она дневник твой и учебник -
Нетленная библиотека,
Она и радость, и мученье.
Но без неё нет человека.

* * * * *

Память сердца не тревожит -
Значит ты, считай, калека,
Если совесть не погложет,
Как же станешь человеком?
Если боль чужая мимо
Пролетит, не задевая,
Если сам себе любимый,
Значит, жизнь твоя пустая.
Если ты забыл свой корень
И народные заветы,
Ты неизлечимо болен,
Был и будешь пустоцветом.

* * * * *

Разгребая дней ушедших кипы,
К прошлому почтенье сохраняя,
Я припомнил, как на Волге шкипер
Поучал зелёного меня.
Мол, не бойся, если надо риска,
Но не подставляй впустую грудь,
И по жизни, как баржа, не рыскай,
Лезь на стрежень, он укажет путь.
Не гонись за фартом без оглядки,
Думы слишком вольные стреножь...
Говорил, что бабы хоть и сладки,
Только бед от них - не оберёшь!
Я, мол, в пятьдесят хожу по Волге,
А в работе молодым под стать...
Жалко мне, что знали мы недолго -
Волгарём не довелось мне стать.

Я запомнил все его заветы
И, хотя порой их нарушал,
До сих пор мне светит ясным светом
Шкипера чистойшая душа.

* * * * *

Люблю я даль и близь,
родную землю,
Вечерний свет и утренний туман,
Но я не принимал
и не приемлю
Мир суеты, где зависть и обман.
Бегут, спешат,
пуская в дело локти,
Не тот, кто мудр, силен,
а кто наглей.
И у смиренных отрастают
когти,
И подлость лезет
изо всех щелей.
Златой телец их
неизменный идол,
А остальное для таких,
как дым.
Пусть их не так уж много.
И обидно,
Что мы, иные, уступаем им.

* * * * *

Нам много обещала жизнь
И выдала нам под завязку:
И отступленья рубежи,
И наступленья злую встряску,
И пот, и кровь, и блеск наград,
И коек госпитальных муки.
И медсестёр святые руки,
И плюс сомнений камнепад.
Кто выстоял,
а кто не смог
Такую жизни щедрость
вынести, -
Полно непройденных дорог,
О многих я печалюсь ныне.
Но я не обвиняю жизнь
И не клянусь судьбу такую,
Готов погибнуть, атакуя
Зла и бесчестья рубежи.

* * * * *

Над речкою на косогоре
Белел сквозь зелень старый дом,
Петух горластый на заборе
Горел оранжевым огнём,
Росистая тропа манила
Туда, где трав пружинил шёлк...
Такое нынче мне приснилось,
Из детства дальнего пришло.
Сквозь сон цветастый и лучистый
Парным пахнуло молоком,
Но тут будильник голосистый
Сыграл встревоженный подъём.
Исчезли детства берега,
А за стеной в снегах тайга...

О дне сегодняшнем

Весна

Взорвалась злая тишина,
Пришли в движенье силы дюжие,
Нет, то не оттепель - весна
Пришла в страну во всеоружии.
Не всем понравилась она,
Ведь высветила все закутки,
На белый свет подняв со дна
Чиновных «мудрецов» закрутки.
Ну, а народу в самый раз
Пришлись её напор и ясность,
Чтоб жизнь увидеть без прикрас,
Не тратить силы понапрасну.
Растаял равнодушья лёд, -
Мы не проходим схваток мимо.
Так пусть она вершит свой ход
Успешно и необратимо.

Власть советам

Мудрый лозунг «Вся власть Советам!»
Вёл нас в борьбе за счастье вперёд.
Но стали потом забывать об этом, -
Бюрократы оттеснили народ.

К чему нам чиновные держиморды?
Хватит! Покуражились всласть.
Власть Советов - воля народа -
Единственно справедливая власть!

О гласности

Даже ручей поёт свободно,
Даже тайга на звуки богата.
Плохо, когда слово отдано
На откуп записным горлохватам.

Теперь их час отошёл навсегда,
Не надо шептаться по закоулкам.
Честно скажи, где добро, где беда,
Словом правдивым и гулким.

Выскажи наболевшее, коль час пришёл.
Только спокойно, без крика, надсады.
Гласность - это же очень хорошо!
Но прежде, чем сказать, подумать надо.

Раздумья

Не гонись за счастьем - не догонишь,
Очень уж резвы у счастья кони.
Радость улови среди ненастья,
Вот оно и будет - твоё счастье.

* * * * *

Мы ниоткуда не выпадали, -
Мы воевали и побеждали.
Были в боях и строительстве дружными,
Только теперь оказались ненужными.

* * * * *

Были истыми безбожниками -
Ныне верим в божье слово.
Были винтиками-болтиками - и
Остались ими снова,
Но с обратной резьбой.
Вот и весь тут разницей!

* * * * *

Вползают сумерки в окно.
Они правы и не торопятся.
Ты ждешь - не ждешь, им всё равно
Они правы, а думы копятяся.

* * * * *

В пути бывает часто нелегко,
Но только он один приносит радость.
А если и заводит далеко,
Об этом сожалеть отнюдь не надо.
Есть путь, есть жизнь, - шагай себе, шагай!
Но о конце пути не забывай.

* * * * *

Я не прятался в заветрие -
Жил всё время на ветрах.
И поэтому, поверьте мне,
Не познал липучий страх.
Было больно, было тяжко,
Но всегда спасала пряжка:
Подтянул потуже пояс -
И пошёл-ка в новый поиск.

Честнее быть

Мы отучились не лукавить,
Жить с распротёртою душой,
Ребром свои вопросы ставить,
Не заменяя холст на шёлк.

Мы разучились правду слушать,
А вдруг возьмёт да обожжёт?!
И становились глуше души,
И на сердце копился лёд.

И вот расплата - растерялись!
И в лоб вопрос: как дальше жить?
А надобна всего лишь малость:
Смелее быть, честнее жить!

* * * * *

Я не пишу, не сочиняю -
Я просто жизнь припоминаю.
С друзьями памяти встречаюсь,

То осуждаю их, то каюсь.
Я зависти змею не грею,
Себя сужу, а не жалею.
Душа на чистые страницы
Сама собой стихом сочится.

Новогодние (невеселые) раздумья

Встречают Новый год в кругу семьи.
А если нет семьи, а год грядет Свиньи?
А дома нет свиньи. Увы, плохи дела твои!
Похрюкай за неё - не вой,
Вступая с Новым годом в бой.

* * * * *

Играем спектакль. Для кого-то комедия,
Для кого-то трагедия, кем-то видится фарс.
Но пока, как мне кажется, это лишь интермедия.
Для бездарных актёров это время - лафа.
Но грядёт кульминация, и наступит развязка.
А добром ведь кончается не всякая сказка.

* * * * *

Год Собаки был неважен,
Или более того.
Что же нам Кабан покажет?
Или вовсе ничего?

* * * * *

Общественное мнение?
Ох, здесь одни сомнения!
Что выдают за мнение?
Политиков творение,
Теле-журнальной братии,
Чиновной бюрократии.

* * * * *

Точно знаю - Новый год
Мне добра не принесёт:
Не избавит от невзгод
И Россию не спасёт.
Миром правит
Чёрный князь,
Ну, а Русью -
просто мразь.

Газетчик

Спокойный час или страда,
Пурга или жаркая погода, -
Газетчик в поиске всегда,
Везде, в любое время года.
Шагает разными широтами,
Минуту каждую в труде,
Повсюду он среди людей,
Живёт их думами, заботами.
Он славой не обременён,
И почестями не окружен,
Он скромный, к правде устремлён,
Одной ей неустанно служит.

Найдёт и в строчки перельёт,
В литое праведное слово,
То радостное, то суровое,
И вновь за правдою идёт.
А путь к ней гладок не всегда, -
Ещё немало разной дряни.
Не дни порою, а года
Через преграды поиск тянется.
Но тот, кто этот путь избрал,
В бою не струсит, не изменит,
Не остудит души накал,
Он победит, раз в дело верит.

Раздумья

Себя лишь только и своё любя,
Других не опасаясь обидеть,
Мы разучились слушать лишь себя
И видеть то, чего не хочешь видеть.
Мир эгоиста хлипко и нелеп, -
Ведь жизнь не любит тех,
кто глуп и слеп.

* * * * *

«Вперёд!» - кричим.
Не надо суесловить,
До срока поднимать
на битву рать.
Атаку прежде надо
подготовить.
И лишь потом
команду подавать.

* * * * *

Гора орущему сказала:
- Утихни! -
Или ждешь обвала?
Останешься навеки тут -
Вершины криком не берут!

* * * * *

Не каждый день, так через день
Предупреждают: «Ждите шквала!»
А что нам шквал? Не то бывало,
Привычна стёкол злая звень.
Выстаивали под бедой
Похлеще ветра-лесолома.
Не день, а годы чередой
Вилась она над нашим домом.
Не мимолётною грозой
Она прошла по душам нашим.
А посему нам шквал не страшен,
И если бой - пусть будет бой!

Старые мелодии

Старые песни, мелодии прошлого -
Жизнь моя ими прострочена, прошита.
В них и печальное, в них и хорошее,
В них то, что видено, пройдено, прожито.
Как бы ни выли певцы новомодные,

Как бы ни грызла мозги электроника -
Тихие песни из детства голодного
Им не забить, из души их не стронете.

Другу

В дорогу? Ты смущённо мнёшься.
Мол, где там, заросли пути.
Конечно, лёжа не споткнёшься,
Да мхом недолго обрасти.
Конечно, поуютней дома,
В тайге же, как всегда, увы,
То комарьё, то буреломы,
То снег повыше головы.
Не лучше ль дома в жарком споре
Решать проблемы бытия?..
Но не найдёшь морали корень
Под крышей тесного жилья.
В бассейне или тёплой ванне
Не ощутишь волны тугой.
И небо на телеэкране
Совсем не то, что над тайгой.
Да, спишь вполглаза. Ветка хрустнет,
А за костром вокруг ни зги.
Но доброй песни нет без грусти,
Без бурелома нет тайги.
Что ж, дома поспокойней спится.
Но к чёрту тишь! Труби подъём!
В дорогу, друг! Бросай синицу -
Погонимся за журавлём.

О книгах

У добрых книг людское свойство:
Противен им пустынный зал.
Ведь книги любят беспокойство,
Нужны им руки и глаза.
Витрина их души не греет
и ласковые стеллажи.
Как человек, они дряхлеют,
Когда идёт бесцельно жизнь.

Зарисовка

Обед. В конторах стрёкот замер,
Зато в округе всё кипит.
Мещанки с тусклыми глазами
Выискивают дефицит.
Столпотворенье у прилавков,
Немилосердная грызня -
Все нипочём. Уже без давки
Они прожить не могут дня.
Потом, голодные, в конторах
Сожрать готовы (или жрут)
Всех посетителей, которые
К ним со своей нуждой идут.

Пауки - бюрократы

Плетут тенёта пауки -
Плетут тенёта бюрократы.
Им в паутине жить с руки,
Творить засады и захваты.

Тенёта не дают упасть
И, разрастаясь постепенно,
Всё увеличивают власть
Над теми, кто попал в систему.
Чтобы разрушить силу зла,
Нужны, не вздохи, а метла.

* * * * *

Родился человек. По стенам взгляд блуждает,
Закрыли эти стены даль и ширь...
Грудь материнская сегодня заменяет
Ему весь белый свет, весь необъятный мир.
Пусть где-то в космосе бушуют катаклизмы,
Пусть ураганы бьют Земле в висок,
Ему пока понятен в этой жизни
Лишь материнский ласковый сосок.
Но вы тот час рождения заметьте,
На миг забыв про судорожный век.
Кто знает, что ему дано на свете -
Ведь это же родился ЧЕЛОВЕК!

* * * * *

Не получается быть равнодушным,
Пусть и стою от других в стороне.
Быть равнодушным, веку послушным, -
Нет, не по мне!
Беды чужие, чужие печали,
Сам я себе говорю: отодвинь.
Но не подвинешь, стоят на причале,
Траур вливают в рассветную синь.
Нет, не умею я быть равнодушным.
Делаю вид, а душа на износ,
Сердце рассудку совсем не послушно -
Мысли вразброс.

* * * * *

В окне исчезла горизонта гладь,
О стёкла ветер бьётся, словно птица.
Метель мне что-то хочет рассказать,
Со мною чем-то хочет поделиться.
Оставь, подруга, мне уж всё равно,
Что за стеклом - печали или радость.
Не трогай затемнённое окно,
Известий ниоткуда мне не надо.
Когда-то я метался, как и ты,
И бушевал, и завывал с досады.
Всё позади - колючки и цветы,
И никакого чёрта мне не надо.

* * * * *

Плотица, удирая от сома,
Оставила свой хвост в сомовой пасти.
Потом, придя в себя от злой напасти,
Пустила слух, что бросила его сама.
«Тяжёл! Всё время за собой таскать...
И мода уж не та!...» - подругам толковала.
А те, не усомнясь нисколько,
Давай хвосты друг другу отрывать!
Ракиты осуждающе вздыхали...
А вы плотниц бесхвостых не видали?

Плывут туманы

Туманы над землёй плывут,
Куда-то манят, будоражат,
Но и сомненья тут как тут,
Они всегда стоят на страже.
А я сомнений цепь прорву,
Привычки липкие сминая,
И по туманам поплыву
Туда, куда и сам не знаю.
Пусть после судят, говорят:
Такому, мол, и чёрт не брат!

А надо жить

Скажи для всех. А что сказать?
Всё сказано. Ну, разве только,
Что мало мочь и много знать
Всегда томительно и горько.
Знать не науки - просто жизнь,
Которая тебе - не мама,
С которой шёл и на ножи,
Но ловишь всё ж её упрямо.
Невзгод гнездятся этажи,
И жизнь не в жизнь.
А надо жить!

Мой мир

Мой мир сомненьями оброс,
В какой-то омут движет.
Как жить? Так не стоит вопрос.
Вопрос стоит: Как выжить?
Мир продолжает гнуть и гнать,
Загадывать загадки.
Как выжить, чтоб не потерять
К нему любви остатки?

Окно

Окно в бетонной глубине
За жидкой сеткой палисада.
Жизнь светится в чужом окне.
Она какая? Боль там? Радость?
И что мне до того окна,
До чьей-то незнакомой жизни?
Но я стреножен. Тишина.
Ночь мне вытягивает жилы.

К морозам и Белой лошади

Вот и снова Новый год,
Но не православный.
Лошадь Белая идёт,
Выступает плавно,
Гордо голову задрал.
Может быть, смеётся?
Угадать коняги нрав
Вряд ли кто возьмётся.

* * * * *

Базар, пришедший в храм,
Сомнений этажи...
И всё же надо нам
Не выживать, а жить.
Не ждать, мол, благодать
Сойдёт - и нет проблем!
А жить и побеждать -
Назло пророкам всем.

На переломе лета

Часы колеблют свет и мрак
Движеньями своими.
А я живу ни «тик», ни «так»,
А где-то между ними.
Никак не попадаю в лад
Ни с миром, ни собою,
И не вперёд, и ни назад,
Не в бой и не из боя.

* * * * *

Закат отяжелел листву.
Он сделал тени обречённой.
Теперь до непрогляди чёрной
Остался шаг. На синеву
Вползают из-за сопков тучи.
Положе звуки,
мысли - круче.

* * * * *

Пора соблазнов миновала,
Прошла влюбленности пора,
И я качаюсь у причала,
Как отслуживший век корабль.
Он раньше ходко волны резал,
В пути переносил шторма.
Теперь он - ржавое железо,
И в гулких трюмах только тьма.

* * * * *

Не верю я в благополучье
Уютом скованных семей.
Пусть им сегодня в жизни лучше,
Но
Одинок я, а сильней.
Пусть мне на долю больше боли
И много меньше всяких благ,
И пусть порой тоска уколёт,
Войдёт, как нож. Бывает так.
Но
И над болью я хозяин.
Доймёт - зажму её в кулак,
И станет тайною из тайн
Для всех,
что боль та не пустяк.
Пусть верят - у меня всё гладко.
Я улыбнулся - и уйду
В тайгу бродить тропой негладкой,
Свою вымалчивать беду.

* * * * *

Ещё вчера казался неустанным
И чувствовал себя тому подстать,
Но вот уж называют ветераном.
Заглянешь в зеркало -
Всё так, ни дать ни взять.
И уступают молодые место
В троллейбусе, автобусе, метро.
А мне то место, знаю, будет тесным
И неудобным - чувствую нутром.
Отказываюсь и стою упрямо,
Стараясь не сутулиться, стою.
Ведь нет же жира лишнего ни грамма,
И по утрам вполголоса пою.
Не устаю, карабкаюсь на сопки,
У речки ночью не смыкаю глаз,
Не откажусь на празднике от стопки.
Живу в охотку, а не напоказ.
Порой мечты промчатся, словно конница,
К бумаге жадно тянется рука.
Вот только часто мучает бессонница,
А говорят, не спится -
старикам.

* * * * *

-Будь мудрым, - говорят в народе, -
И всюду будешь трижды прав.
А если мудрость не приходит,
Мой адрес так и не узнав?
А если просто и не глупый,
А не семи пядей во лбу,
И если не умеешь грубо
Вступать за каждый день
в борьбу?
Что остаётся?
Жить в смиренье
И радоваться пустякам?...
И вот смятенье за смятеньем.
И кто же я?
Не знаю сам.

От души и для души

Усталость в облюбованном труде,
Шуршанье над рекой осенней замаяти,
Под солнцем склон и блики на воде, -
Всё это для души, для долгой памяти.
Пусть этот труд богатства не несёт,
Но нужен он тебе и добрым людям,
И он тебя от суеты спасёт,
От зависти и суесловья будней.

* * * * *

От меня отпрянула удача, -
Видно мало ею дорожил.
Ну и пусть! Не для неё я жил.
Жил, как жил -
как мог, а не иначе.
Я её назад не позову -
Не нужна мне златокудрой жалость.
Ведь душа моя при мне осталась,
С нею как-нибудь и проживу.

* * * * *

На изменения чреваты
И день, и год.
Не столько сил,
Так не поешь,
Как пел когда-то,
Так не полюбишь, как любил.
Не в том,
Что меньше или больше,
Здесь заключается беда,
Не в том,
Что лучше или плоше,
А в том,
что так вот -
никогда!
И это «так» всегда дороже,
И это «так» тебе родней.
Пусть этот день
И славно прожит,
Но где ему
До прежних дней!

* * * * *

Всё похоже,
Всё когда-то было.
Не со мной -
Так с кем-нибудь другим.
Было, наступало, уходило.
Возвращалось,
Как сирени дым.
Всё похоже.
Только я не прежний -
Без восторгов
Принимаю день,
Без восторгов
Да и без надежды
На крови трепещущую звень.

* * * * *

Всё ближе закатное, ближе,
Всё чаще неясная дрожь
И раны уже не залижешь, -
Горящие унесёшь.
А им, незажившим, нет счёта,
Как звёздам над сонной рекой.
Да, ладно! Спокойней, пехота!
Ещё не окончился бой.

* * * * *

Склон сопки утыкан следами, как кнопками,
А рядом полозьями выскользнет скат.
Вихляют по скату санки торопкие,
Журчит над скатом говор ребят.
Последние финиши. Последние старты,
Скоро проталится, облысеет склон.
Эх, забыть бы про грядущую старость,
Махнуть по склону под ветра звон!..
Смешно! А до боли этого хочется,
И спешишь без оглядки
в стандартный дом,
В однокомнатное одиночество,
Где только книги - за томом том.

* * * * *

Вот и за моим окном капель
Зачастила, для меня - беззвучно.
Форточку открыл, и хлынул хмель,
Всё, что в стенах есть, в спираль
закручивая,
Чтобы вдруг пружину отпустить,
Раздвинув вмиг глухие стены,
Чтобы не хотелось больше жить
Одиноко, тихо и степенно.

Цвет прошлого

Пшеничный, светлый - детства.
Зеленовато-синий - юных лет.
Потом вмешался - никуда не деться! -
В окопах склизких огненный рассвет.
А чёрный? Разве мало было скорби?
А серый цвет унылых пепелищ?
Того лишь тяжкий груз войны не горбит,
Кто был душою подл и сердцем ниц.
Цвет прошлого.
Бездумные поэты
Его выводят бледно-голубым.
Мол, он, как песня, что давно пропета.
Мол, он, как лёгкий сигаретный дым.
Цвет прошлого
Нельзя мыслишкой хитрой
Его, не торопясь, затушевать.
Небрежною и куцею палитрой
Его, как ни стремись, не передать.

* * * * *

Ненастье тем и хорошо,
Что вспоминаешь день лучистый,
Не просто вспоминаешь - истово,
Хоть тот денёк давно прошёл.
Похмелье тем и хорошо,
Что пробуждает в мыслях трезвость,
Коришь себя: мол, тот дошёл, -
За рюмкою погнался резво.
Ночь только тем и хороша,
Что, затуманив дня богатство,
Нам позволяет не спеша
В своих сомненьях разобраться.

* * * * *

К добру ли такая раскованность,
Что мыслей не удержишь полёт?
А может быть, это рискованно,
Потом отрезвление придёт?
А, чёрт с ним!
Пускай и приходит,
Да, только не очень спешит.
Пока же неистово бродит
Хмельная потребность души.

* * * * *

Дальние сопки стоят недвижимо,
Подпирая буграстые тучи,
А сопка ближняя, словно подвижная.
Из-под ног убегая, становится круче.
Играть с вершиною в догонялки
Трудное дело. Лоб наморща,
Стою. На ветру становится жарко.
Выбивают колени азбуку Морзе.
А надо лезть. Надобно, братцы!
Не так над сопкой - над собой подняться!

* * * * *

Вот и снова Новый год.
Кто сказал, что старый?
Он как раз наоборот -
Скромный, но удалый.
На ветру хрустальный
звон
в дебрях ночи тёмной...
Дело в том -
российский он,
А не занесённый.

Светлый праздник Новогодья

Светлый праздник Новогодья,
Ждут с волнением всегда.
Дед Мороз свои угодыя
Разукрасил хоть куда.
Положив штрихи погуще,
Полночь входит смело в дом.
Что несёт нам год грядущий? -
Каждый думает о том.
Каждый ждёт добра и счастья,
Каждый говорит всегда:
Пусть минуют нас ненастья,
Мимо пусть пройдёт беда.
Вот и мы желаем снова
Под грядущий Новый год:
Каждый будет пусть здоровым,
Каждому пусть повезёт.

Житейские частушки

Это вам не побрякушки -
Тру-лю-лю да тра-ля-ля,
Это с юмором частушки
Про житейские дела.

Продавщица смотрит хмуро:
- Не до вас, отстаньте!
Говорят, улыбок нет в здешнем
прейскуранте.

В ателье костюм пошили -
Закружилась голова!
К рукаву полу пришили -
Дескать, мода такова.

Мой сосед - чудесный парень,
Но не рад соседу дом:
Он настолько музыкален,
Что и спит под джаза гром.

Шла из школы ученица.
Посмотрел - подумал: снится!
Серьги, брошки налицо
Только б в нос ещё кольцо.

Говорила сыну мама:
«Ты в отца такой упрямый!»
Папа сыну говорил:
«В маму ты такой debil!»

Такое воспитание,
Могу я вам сказать,
Чревато злом. Заранее
Об этом надо знать.

Ждут

Сквозь ветер, сквозь снежное крошево.
Уткнувшись в доступный уют,
Все ждут ведь чего-то хорошего -
Прихода желанного ждут.
Оно же никак не торопится,
И, кажется, вряд ли дойдёт -
Ведь тропка навстречу не тропится,
Все ждут лишь, разинувши рот.

Напутствие

Туманы оседают на дорогу.
Снег заметает. Это не беда.
И не суди погоду очень строго.
Она ведь привередлива всегда.
Удачи, неудачи могут длиться
Мгновения, часы или года.
Страшней всего -
в пути остановиться.
Забыв, зачем ты шёл,
к кому, куда?

В пору раздумий

Я верю в чих и грай вороний -
Сидит язычество в крови.
И в сосен предвечернем звоне
Я слышу: «Налетает вихрь!»
Я верю, но не принимаю
Предупреждений и примет
Лишь потому, что твёрдо знаю:
Рождённый не избегнет бед.

* * * * *

Томится сердце, чувствуя дорогу.
Заждалось, как перед дверью пёс.
Как будто слышит близкий стук колёс
И видит незнакомые отроги.
Не торопись! Всему наступит срок.
Не сказано пока команды слово.
Неужто так не мил родной порог,
Что рёбра разломать уже готово?
Умерь пока волнения прибой.
А вдруг команда прозвучит: «Отбой»?

Дорога

Люблю железную дорогу,
Вокзалов дремь и суету,
Прощанья тихую тревогу,
На встречи жадную мечту.
Люблю смотреть в простор России,
Бегущий споро за окном.
Тумана прядь над речкой синей
И лес в закате огневом.
Ни говорливые соседи,
Ни проводник, с похмелья злой,
Не нарушают мне беседы,
Что я веду с самим собой.
Я их не слышу и не вижу,
Я словно в дум броню одет.
Мне лес у горизонта ближе,
Чем добродушнейший сосед -
Меня молчанье не изгложет.
Я вытерплю любой содом, -
Воспоминанья мне дороже
Всего, что деется кругом.
Ни день дорожный не наскучит,
Ни в тамбуре табачный дым.
Наверно, я плохой попутчик,
Но не стараюсь стать иным.

* * * * *

Люди, улыбайтесь миру
Открыто и светло.
Люди, улыбайтесь солнцу
Дождю и мгле назло.
С детства улыбайтесь люди.
С улыбкой жизнь добрей.
Так улыбнитесь,
Так улыбнитесь
Скорей, скорей, скорей!

На другом берегу

Я о многом не рассказал
И теперь уж не расскажу,
Не связал и уже не свяжу
Нити те, что когда-то я рвал.
Я от прошлого не бегу.
Но и хвастаться им не хочу.
Я обратно кино не кручу,
Я уже на другом берегу.

Память

За плечами и стоны, и смех,
И дыхание ветра тугое.
Совесть - память о всём и о всех -
Не даёт ни минуты покоя.
Не жалеет на пытку огня,
И молениям любим непослушна,
Но она ограждает меня
От позорного равнодушья.

Снег

Я себя убеждаю:
всё правильно,
всё, как надо, -
пришёл черёд.
Вот и снег
не пуржит, а идёт,
Будто доброй рукой
направленный...
Но на сердце
какой-то груз,
Не спадает
с груди натуга...
Может,
снег усыпляет Русь
перед злобной
смертельной
вьюгой...

Когда-нибудь

Не всё потеряно.
Когда-нибудь, быть может,
Я напишу хорошие стихи,
И станет людям мир души дороже
Поверхностной и липкой чепухи.
И вспомнят, что любовь не только койка,
А дружба - не делёжка: мне - тебе.
Тогда приму, что суждено мне, стойко,
И поклонюсь свершившейся судьбе.

* * * * *

Не исчезают тени предков,
Но ведь не каждый видит их.
И вот поэтому нередко
Не знаем мы корней своих.
А есть, что видеть не желают
(И от своей-то прока нет!)
Таких я вижу на просвет,
Но не воспринимаю.

Память

У памяти нет правил никаких,
Никак не угадать её поступков -
Когда и с чем она к тебе подступит
И что родит: стенанье или стих?
Но нет причин за то её клануть,
Она, в конце концов, твоя опора.
Она всегда права, во всём, бесспорно,
Предупреждает, освещая путь.

Узелки

Казалось - развязал все узелки.
Но жизнь неумолимо вяжет новые.
Дня не прожить без боли и тоски,
А не сказать, что дни стоят суровые.
А узелки придётся развязать,
Иначе станут туже и задушат.
А значит, нету часа горевать
И отпустить на покаянье душу.

Вне времени

Когда встряхнусь
И скину ношу лени,
Отгорожусь от мелочей стеной, -
Живу вне времени
Во многих поколениях.
Такое ведь не каждому дано.
За прадедом гоню по бездорожью
На краденых горячих рысаках,
Потом, усталый, обливаюсь дрожью
И засыпаю с трубкою в зубах.
За дедом пробираюсь по распадку,
Не зная, что случится впереди,
От каторги
На лбу крутые складки
И злоба затаённая в груди...
С отцом несусь
В конно-армейской лаве,
«Даёшь!» -
И посвист яростный клинка...
Я с ними быть в любое время вправе -
И кровь одна,
И не дрожит рука...
Я вновь ползу по мокрому кювету,
Гранату сжав до ломоты в руке.
Быть может, я
Уж не дождусь рассвета,
Останусь в луже с дыркой в виске...
Но, чёрт возьми!
Не только непогоды
И беды собрались у нас в роду.
Ловлю любовь нетерпеливо, с ходу,
И целый век
В обнимку с ней бреду.
И разговоры нижутся хмельные,
И зори освещают добрый путь,
И сыплотся все радости земные
Дождём на плечи, голову и грудь...
Сегодня за плечами
Груз столетий,
Усталость не отходит ни на шаг.
А завтра стану отнадекатилетним
И в новый путь отправлюсь не спеша.
Когда встряхнусь
И сброшу ношу лени,
Отгорожусь от мелочей стеной, -
Живу вне времени
Во многих поколениях -
Такое ведь не каждому дано.

Не надо возвращаться

Никогда не надо возвращаться в дом,
Где ты когда-то счастлив был,
Потому что, очень может статься,
Спросят:
А зачем ты уходил?
А не спросят, примут -
Будет мниться
Что вошёл по милости туда...
Ничего не может повториться:
Та же речка,
Да не та вода!

Потеплело.
Зима отпустила,
Передышку
морозам дала.
И колючая
роща оплыла,
в прозревающей
глади стекла.
Заглянула синица
в проталину,
Примостившись
на тонком сучке...
Немудрёная
песня оттаяла,
Зазвенела,
Поплыла к реке.
Ангара,
холодам
неподвластная,
улыбнулась
упругой струей.
День,
победу над стужей
празднуя,
получил
превосходный
настрой.

Была моя прабабка
Крепостной,
И я её,
хоть и немного, помню:
Шаги её,
кряхтенье за стеной...
Воспоминанья дробятся
на комья.
Она с печи слезала
изредка,
За общий стол
давно уж не садилась, -
Дрожала пожелтевшая
рука,
На стол похлёбка
то и дело лилась.
Дряхла была,
но цепка по уму,
Все слушались её
и соглашались.
И без её совета на дому
Дела, что поважнее,
не решались.

Был дед Иван
с гражданской нездоров,
Под Ямбургом хватил
немало лиха.
Но каждый день

вставал до петухов,
И за работу
принимался тихо.
Закончив дело,
на крылечке сидя,
В ноздрю табак
не торопясь, пихал.
И словно никого вокруг
не видя,
Вздыхал задумчиво
и яростно чихал.
И сразу брался
за другое дело, -
В крестьянской жизни
их всегда полно,
Его худое, жилистое
тело,
казалось мне,
было заведено...

* * * * *

Из прошлого не вычтешь
ничего:
Ни радости, ни боли, ни ошибок.
Пред совестью
ты беззащитен,
гол,
И оправданий щит
плачевно зыбок.
И пусть воспоминания
горьки.
Перенеси их неуют
смирненно.
Не поднимай на прошлое
руки,
Оно её сломает
непременно.

Очерки

Чем кончится зимняя сказка. Заметки фенолога

Анатолий Михайлович Давыдов известен и как автор очерков о приметах природы, о народном календаре и православных праздниках, которые печатались в местных газетах (часто под рубрикой «Заметки фенолога»). Эти публикации он подписывал псевдонимом «Анатолий Луговой». Но современники по стихам, включённым в очерк, без труда догадывались, чьему перу они принадлежат. В книге представлен цикл очерков о сибирской природе, народных приметах и праздниках.

Спектакль даёт зима

Не завела ещё
зима
кутерьму.
Морозы прячутся
ночами во тьму.
Метели днём
по распадкам лежат,
Чего-то ждут
или просто так спят.
Ещё ленива зима
и скучна,
И как узнать,
что готовит она?

2-го января - День святого Игнатия Богоносца. Раньше в деревнях молебны служили, обносили крестным ходом иконы вокруг села.

5-го января - приметный праздник - Святого Федула. Примечали: «Если Федул ветер надул - быть урожаю».

6-го января - Сочельник, канун Рождества Христова. К этому времени в избах делали уборку, мыли полки, стены, скоблили ножом и натирали можжевельником полы. Ходили в баню, меняли бельё, накрывали соломой стол.

Ели в сочельник по строгому: капусту с квасом, хлеб или постную кашу. Вечером на стол ставили кутью (разваренную пшеницу или ячмень с черёмухой), кто побогаче - рис с изюмом. Вечером по домам ходила коляда - переодетые парни в вывороченных шубах и со звериными масками на лицах. Величали хозяев, не жалея добрых слов.

7-го января - Рождество. Начало рождественских морозов. В этот день по древнему обычаю время перед утренней - ранней службой в церкви - было посвящено обсеванию изб. Его совершали пастухи. Обходя дома, они поздравляли хозяев с праздником и бросали в каждую избу горсть овса. С приговорками: «На живущих, на плодущих, на здоровье».

Рождественское разговенье принято начинать с вкусной и обильной еды. Некогда на Руси неременным рождественским угощением был поросёнок, начинённый кашей, или кабанья голова с хреном. Родственники и знакомые ходили с поздравлениями и угощением друг к другу.

Предновогодье и первые дни Нового года (по старому стилю) назывались святками. Продолжались они двенадцать дней. С 7-го по 14-е (по новому стилю) назывались святыми вечерами, а с 14-го по 19-е - страшными: в эти дни берегли свою живность и имущество от нечистой силы.

13-го января - Васильев вечер. 17-го - последние святочные гадания.

Закончилась репетиция -
волнения, кутерьма.
Взметнулся занавес
птицею:
Спектакль даёт зима.
Снежинки, толкая
друг друга,
мечтательно
порошат.
Солисты -
мороз и вьюга -
На сцену ещё
не спешат.
Пока только пьесы
завязка,
Неблизкой дороги
исток.
Чем кончится зимняя
сказка,
Не знает пока никто.

19-го января - Крещение, празднества в ознаменовании обряда омовения водой, символизирующего очищение людей от первородного греха.

В канун Крещения народ примечал: «Если снег под Крещение падает - хлеба прибудет». «Яркие звёзды под Крещение - много родится белых яблочек». «Если утром в Крещение женщины в тумане идут - будет осенью много хлеба».

Богатый урожай предвещает также снегопад хлопьями, синие облака в полдень, а звёздная ночь на Крещение сулит богатый урожай ягод и гороха.

С 19-го января начинаются крещенские морозы. Если погода при этом стоит ясная - к засушливому лету, а пасмурная и снежная - к обильному урожаю.

21-го января следили за ветром: подует с юга - посулит грозное лето.

23-го января - Григорий. Если на стога в этот день иней падает - лето будет сырое и холодное.

25-го января - знаменитый Татьянин день - любимый праздник всех студентов.

31-го - Афанасий Ломонос - береги уши и нос. Один из самых сердитых морозов.

Сорока на суку
стрекошет

В туманной дымке
января.

Что сообщить
вещунья хочет
Или опять болтает
зря?

У белобокой нрав -
не сахар:
то нагрубит,
то вдруг приврёт,
То медоточит, словно
сваха,
То жалобы ручьями
льёт.

Я с ней не очень и
контачу.

И верю через раз
иль два, -

И то не в фарт,
а в неудачу

И так-то кругом
Голова.

Анатолий Луговой

«Усть-Илимская правда», 5 января 1995 г.

Тишина

Тишина бывает разной: скучной и тягучей - в минуты ожидания и вынужденного безделья в каком-нибудь казённом помещении, напряжённой и даже злой - так бывало на фронте перед ожидаемым артналётом или бомбёжкой, за которым должна последовать вражеская атака, чуткой и волнующей в лесу или у воды в предрассветные часы. Тишина бывает и убаюкивающей, и будоражащей, непонятной и чужой, и близкой, знакомой до мелочи. И ещё она бывает целительной.

Однажды после напряжённого, но какого-то бестолкового рабочего дня, переругавшись с кем только было возможно, я пришёл в своё неуютное жильё, на меня напала жуткая тоска. Казалось, что окружают меня люди посредственные и что я сам делаю не то, что надо, расслабился и обленился, и вообще, жизнь проходит впустую... Короче говоря, это был классический пример российского самоедства.

Календарь показывал пору предвесеннюю, а на дворе было самое настоящее глухозимье. К вечеру завернул изрядный морозец, стёкла окон покрылись затейливым узором. Обычно я люблю смотреть на такие узоры, но в тот день был к ним равнодушен.

Включил телевизор, переключил с одной программы на другую и выключил. По одной программе передавалась «вокальная истерия», к сожалению, популярной артистки, по другой пережёвывал давно всем известные вещи лысый кандидат каких-то наук...

И тут зазвонил телефон. Друг, с которым я расстался несколько часов назад, сказал без всяких предисловий:

- Собирайся, пойдём на остров...

Удивился. Во-первых, тому, что он позвонил, ведь днём мы рассорились, как говорится, в пух и прах. Во-вторых, что за нужда тащиться ночью через водохранилище на заснеженный промёрзший остров? Поэто-

му переспросил:

- На остров? Что делать?

- Ночь слушать...

- А у тебя случайно не высокая температура?..

- Нормальная!

... Небо вызвездило, мороз прибавил ещё, под ногами поскрипывало. Хорошо, что не было ветра, а то бы на льду нас изрядно просквозило. Однако и так было не жарко. Разговор не то чтобы не ладился - просто его по-настоящему никто не начинал.

Деревья на острове - и голые берёзы и ели под серебристыми шубами - выглядели фантастическими, сказочными. Когда мы остановились и прислушались, мне показалось, что заледеневшие ветки чуть слышно мелодично звенят. Но ведь ни малейшего ветра!.. Может быть, это позвякивала сама тишина или яркие, необычно большие звезды?

Мы развели на маленькой полянке костерок. Затрещали сухие сучки, но их треск не вспугнул тишину, растворился в ней и вовсе не мешал ей наслаждаться. Изредка доносились и другие звуки, какие-то непонятные, таинственные.

Мы пили крепкий дегтярного цвета чай из захваченного с собой термоса и ели поджаренную на пламени костра колбасу. И второсортный грузинский чай, и плохонькая колбаса казались вкуснейшими.

К костру тянулись ветвями, словно озябшими руками, деревья. Они походили на усталых путников, дошагавших до желанного привала.

Не помню, сказали ли мы друг другу больше десяти слов, - наверное, нет, но и этого было достаточно, чтобы понять друг друга и простить все нанесённые обиды. Да и виделись сейчас эти обиды пустыми и мелочными, как и все неприятности, происшедшие в этот день.

Опрокинула звёздная медведица свой ковш - значит, наступила полночь, а мы всё ещё сидели у костра и слушали тишину. А она словно гуще стала, будто в медведицином ковше самая густота её хранилась...

Капризный месяц

«Февраль зиму задувает, а март ломает» - говорится в народе. Но для Приангарья это замечание вряд ли подходит. Для наших мест другое подойдёт: «март морозом гордится» и ещё: «март неверен: то плачет, то смеётся». К этому следует добавить «раненько март веснянку затягивает - ненадёжное тепло».

До настоящей весны далеко, но мечтается:

Дожить бы до первой проталины,

До бульканья талой воды,

До вишни в наряде приталенном,

Что так украшает сады,

До песни зорянки у росстаны,

До белых ночей немоты,

Пройтись перелесками росными -

Другой не имею мечты.

В старину этот месяц называли «сухой» из-за по обыкновению малого количества осадков. Но мне кажется, для нас ближе такие его народные названия, как «капельник», «протальник», «грачевник».

Первым весенним праздником по народному календарю можно считать Евдокию Плющиху, Евдокию Замочи Подол - 14 марта. Бытовали приметы: «какова Евдокия, таково и лето», «у Евдокии вода - у Егория (23 апреля) трава», «тёплый ветер на Евдокию - мокрое лето, холодный - холодное лето».

А пока:

Много неба, много солнца,

Много света в это утро.

Вдоль дороги вереницей

Закружилась снега пудра.

Завихрилась, побежала,

Но... не выросла

стеною.

Видно зимушка устала

Нет уж сил разыграть

пургию.

15 марта - Федот Ветра. С этим днём тоже связаны приметы. Вот одна из них: «Федот злой (надо понимать - морозный) - не быть с травой».

17 марта - Герасим Грачевник. 18 марта - Конон Огородник. В этот день рекомендовалось замачивать семена капусты и помидоров для посева в парники (закрытые). Примечали: «коли на Конона ясно, лето не будет градобойным».

20 марта - Василий Капельник. «На дворе капель, так и у нас тепель». Примечали, что капель в этот день - к урожаю конопли и льна.

22 марта - День Сорока Мучеников, вторая встреча весны. В народе он носил название «сороки» или «жуклики». Считалось, что в этот день прилетало сорок птиц, и первая из них - жаворонок. Это, можно считать, детский праздник, для них пекут из ржаного теста «жаворонки» - долгожданное угощение. Примечали: если Сороки тёплые - сорок дней тёплых будет, если холодные - жди сорок холодных утреников.

30 марта - Алексей Тёплый. Алексей Водотёк. В народе говорили: «Алексей - выверни оглобли из саней». Но это не для нас. Для нас другое больше подходит: «пока идёт матрок, носи двое порток».

И вообще, загадывать какой будет весна, ещё рано.

Бывают вёсны разные:

то ранние, то поздние.

Бывают вёсны - праздники.

Бывают грусти полные.

Бывают вёсны буйные,

Хмельные, многоструйные.

Бывают - молчаливые.

Белёсых туч смятение

На потеплевшей просини...

Больней тоска весенняя,

Чем увяданье осени.

С календарной весной вас, земляки!

Анатолий Луговой

«Усть-Илимская правда», 2 марта 1990 г.

Морозные сумерки

В народе ноябрь в старые времена называли студнем, груднем, полузимником и ещё сумерками года. Да, за ним идёт уже зима - ночь.

Неба серая овчина
Надавила на дома.
Вновь для приступа
причина, -
Разъедает душу тьма.
В ожидании
просвета
Дрогнет тополь
у окна,
Но не радуют приметы, -
Перемена не видна.

Из православных самый замечательный праздник начала ноября - День Казанской иконы Божьей Матери.

8-го ноября православная церковь отметила День великомученика Дмитрия Солунянского.

Стекло окна
Узорами покрылось.
Пока ещё фантазия
бедна,
Но комната
заметно изменилась
От зимней
близорукости окна.
Она от мира
больше отделилась
И стала сразу
строже и скромней.
Как будто бы
задумалась,
забылась
До светлых дней.

14-го ноября - День Кузьмы и Демьяна. Это в основном период малоснежной зимы. Говорили: «Демьянов путь - не путь, а только зимы перепутье». И ещё примечали: «Если на Кузьму-Демьяна лист остался на деревьях - предстоит суровая зима».

19-го ноября - Варлаам Ледостав. На многих реках к этому времени появляется лёд. По старинной примете, если в этот день будет снег, то и вся зима будет снежной.

21-го ноября - Михайлов день. Официально он называется так: Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил бесплотных. Отмечали этот день в основном в деревнях. И на это была всякая причина: с полевыми работами покончено, урожай собран, можно и немножко расслабиться, посидеть за праздничным столом.

В этот день возможна короткая оттепель, но может и такой мороз ударить, что не уступит и январскому. Примечали: «Если на Михайлов день иней, ожидай больших снегов; если день начнётся туманом, быть оттепели».

24-го ноября - Фёдор Студит - на всех сердит. Как правило, в это время начинаются большие морозы. Недаром в народе говорили: «Со Студита стужа, что ни день, то хуже».

Свершила туча
свой прыжок, -
И вот, пожалуйста,
снежок.
А с ним и ветра
канитель,
И вот, изволите,
метель.
Метель, метелица,
метла
К утру все тропки
замела.

26-го ноября - Иоанн Златоуст. Так он назван за редкий дар Богодухновенного слова. Он был не только проповедником и просветителем, но и грозным обличителем пороков.

К этому дню даже самые нерадивые завершали полевые работы, и поэтому в народе говорили: «На Златоуста всё поле пусто».

29-го ноября - Матвеев день. В старину говорили: «На Матвея земля потеет». Возможны оттепель, слякоть.

Накрыв таёжные
болота,
Траву пожухлую,
прижав,
Снег закрепился,
как пехота,
На приангарских
рубежах.
Он десантировался
точно
В назначенный природой срок.
Он оседлал с налёта
прочно
В округе каждый
бугорок.
Теперь доволен-
недоволен
Его налётом на тайгу,
Но ты его смести
не волен,
Сиди и жди
на берегу.
Анатолий Луговой

Месяц-хлебосол

Называют этот месяц ещё и сладкоежкой. Всё правильно: в августе готов стол в поле, саду, лесу, не ленись только, собирай урожай. А ещё его можно назвать и хлопотуном, - и с сенокосом пора кончать, и хлеб убирать, и с овощами забот полно, яблоки до кондиции доходят...

Поспевает всякая лесная и болотная ягода, с сере-

дины августа начинается самый обильный - третий слой грибов. Правда, в этом году на грибы особой надежды нет, год на год не приходится.

В августе активно собирают лекарственные травы: зверобой, ромашку аптечную, душицу, хвощ полевой, толокнянку, горец перечный, крапиву, копают корни одуванчика... Из ягод наиболее полезной является, пожалуй, черника. Недаром говорят, что в доме, где её едят, врачу делать нечего. Украшает тайгу рябина. Правда, собирать её пока рановато, но полюбоваться ало-оранжевыми гроздьями в самый раз.

1 августа народ раньше отмечал день Макриды, существовала поговорка-примета: «смотри осень по Макриде».

2 августа - Ильин день. Крестьяне говорили когда-то: «придёт Илья, нанесёт гнилья». Часто погода после этого дня поворачивает на ненастье. Потом пойдут Спасы. Первый - 14 августа. С этого дня росы становятся холодными, улетают в тёплые края первые из перелетных птиц - ласточки. Второй Спас - 19 августа. Говорили: «пришёл второй Спас, бери солнца про запас». Дни уже не будут такими жаркими. Третий Спас - 28 августа. Начало осени, молодого «бабьего лета».

В этом году погода по всему Союзу выкидывает неожиданные «трюки». Не исключение и наше Приангарье. Погода не благоприятствует ни сельским труженикам, ни рыбакам, ни любителям лесных даров. Но огорчаться рано, может быть, август нас и порадует чем-нибудь. А тому, кто любит природу не только за её дары, в тайге и в неуютную погоду найдётся, чем заняться, есть, что посмотреть, что послушать.

Не так давно в маленьком распадке совсем недалеко от города я увидел семейку наших таёжных орхидей - венериного башмачка - такой редкой; чистой красоты, что не мог удержаться, чтобы не погладить дымчатые, рябоватые лепестки одного из цветков. К сожалению, и ранее редкие орхидеи сейчас встречаются ещё реже, очевидно, это дело рук любителей букетов. Им надо напомнить, что венерин башмачок занесён В Красную книгу.

Хороши в августе ночи, особенно во второй половине, если, конечно, погода позволяет любоваться ночным небом. Луна кажется особенно большой, часты звездопады. Такими ночами появляется лирическое настроение.

Время позднее,
Небо звёздное
Надо мною во всей красе.
Небо доброе, а не грозное
Над уставшим за день шоссе.
Неоглядное,
Звездопадное,
Августовское небо зовёт
С песней тихую
(пусть нескладною)
Устремиться душой в полёт.
Анатолий Луговой

«Усть-Илимская правда», 24 июля 1987 г.

Всё это было не во сне, не вычитано, а испытано

Немеркнущая заря (эссе)

Детство и юность моего поколения, родившегося вскоре после Октябрьской революции и гражданской войны, прошло в окружении людей - непосредственных участников тех великих исторических событий. Рядом с нами жили и трудились те, кто помнил кровавые события на Дворцовой площади в январе 1905 года, метельные дни февраля 1917 года, штурмовал Зимний, отражал натиск Юденича на революционный Петроград, подавлял Кронштадский мятеж...

В разговоре взрослых часто можно было услышать выражения: «помню, ещё при царе...», «когда Николашку прогнали...», «когда я пришёл с гражданской...», «а помнишь на Перекопе...». То, что сейчас - история, для нас было не историей, а живой жизнью.

Этажом выше жила семья красногвардейца Максимова. Старший сын Максимовых, мой сверстник, был наречён в честь Владимира Ильича Ленина Вилом. Витька, как мы его звали, тайком от родителей изредка выносил посмотреть красивый кортик, который отец снял с убитого им белогвардейского офицера.

Этажом ниже жил старый большевик, политкампонин Алексин. Говорили, что он с самим Лениным ещё до революции был знаком. Я всю жизнь подружился с его внуком Сергеем, его внучкой Зинаидой в юности бегал на танцы, а вот с самим Алексиним так и не поговорил ни разу: подростком стеснялся, а когда вернулся с Отечественной, старика уже не было в живых.

В нашем большом (на три двора) ленинградском доме жило много замечательных людей, да и сам он вошёл в историю под названием «Дом весёлых нищих». Так назвал свой роман Григорий Белых, один из авторов знаменитой книги «Республика ШКИД». Белых жил в нашем доме, был родным братом самой близкой подруги моей матери. Они вместе работали в типографии имени Евгении Соколовой (бывшая типография журнала «Нива»). Перед войной на двух этажах здания типографии, выходящих на Измайловский проспект, ютились старшие классы школы № 24, в которой мне пришлось учиться.

Мой отец в первую империалистическую воевал с немцами, был травлен газами, а после Октябрьской революции стал красным конником в армии Буденного. Так что

Про Октябрь узнал я не только из книг,
А ещё от людей, что на Зимний ходили.
Я не слышал штурмующих топот и крик,
Но вошла революция в мои будни из были.
Их простые рассказы на сердце легли
Не торжественной фразой, а правдой скупой,
Как внедряется семя в надёжность земли,
Как сливаются речки навечно с рекою.

В своих коротких воспоминаниях-размышлениях мне хочется рассказать о том, как повлиял Великий Октябрь на жизнь, судьбы моих сверстников, на тех,

кому на долю выпали годы Великой Отечественной войны, кому пришлось завоевания Октября отстаивать с оружием в руках.

Доброе дело

Это случилось в самом конце двадцатых годов. Я пристрастился к рисованию. Срисовывал из книг и журналов, кое-что фантазировал сам. Больше всего мне удавались корабли, пушки и конница. В школу я ещё не ходил, квалифицированно оценить мои попытки было некому, а родные и знакомые, как известно, умеют только хвалить.

Однажды меня за очередным «художеством» застал крёстный. Это был большой, всегда добродушный человек. Алексей Иванович Степанов, так его звали, работал на Путиловском (ныне Кировском) заводе токарем ещё с дореволюционных времён, вместе с путиловцами штурмовал Зимний, бывал в Смольном, воевал против Юденича под Пулковым. На простого рабочего, по крайней мере тогда, когда приходил к нам в гости, совсем не походил. Он носил строгий тёмный костюм-тройку, бобриковое пальто, шляпу с твёрдыми полями. Меня же больше всего привлекали, удивляли его галстук и тросточка. Позднее я узнал, что это был особый шик рабочих очень высокой квалификации, мастеров своего дела.

Так вот, посмотрел крёстный на рисунок и говорит моему отцу:

- Миша, а ведь твой парень может для нас доброе дело сделать!

- Какое ещё дело?

- Стенгазету к празднику оформить. Видишь, какие у него корабли лихие получаются!

И уже ко мне:

- «Аврору» нарисуешь?

Я растерялся, но потом сказал:

- Срисовать с картинки смогу. Только у меня, дядя Лёша, такой картинки нет и карандашей цветных.

- Ну, это уже мои заботы, - сказал крёстный. - Картинку достану, карандаши куплю самые лучшие... А может быть краски лучше?

- Красками я плохо умею...

- Значит договорились. Будут карандаши!

Слово своё Алексей Иванович, конечно, сдержал, и через несколько дней я стал обладателем большой коробки толстых, гранёных разноцветных карандашей, большого листа ватмана, линейки и резинки, которую сейчас почему-то называют ластиком. Перед тем, как заняться рисунком, не выдержал, спросил:

- А потом, когда я нарисую, карандаши мне совсем останутся?

- Как тебе не стыдно? - возмутилась присутствующая при нашем разговоре мать. - И в кого такой жадина!..

А крёстный успокоил:

- Насовсем, насовсем! Только нарисуй.

Свою задачу я выполнил: нарисовал «Аврору», написал заголовок стенгазеты (какой - теперь уже не помню). Правда, кое-что пришлось переделывать. Дотошный дядя Петя (брат матери) нашёл,

что у меня получились слишком большие бортовые орудия крейсера. Ему приходилось верить по двум причинам: во-первых, он был хоть юным, но участником октябрьских событий, видел «Аврору» на месте исторического выстрела, во-вторых, являлся хоть торговым, но моряком.

А потом начался застольный разговор. Правда, несмотря на то, что я в этот день чувствовал себя чуть ли не именинником, за стол меня не посадили. В шестнадцатиметровой комнате и стол был соответствующим - многих не усадишь, а главное - в нашей семье существовало строгое правило: при гостях детям за столом вместе со взрослыми делать нечего. Мать хотела спровадить меня во двор поиграть с ребятами, но я, очевидно, состроил такую жалкую физиономию, что она оставила меня в комнате с наказом, чтобы вёл себя тише воды, ниже травы. И уместился я на старинном сундуке в углу около дверей.

Отец во время октябрьских событий находился на фронте, поэтому ему хотелось поподробнее узнать о штурме Зимнего от крёстного. Но тот не умел живописать, отвечал на вопросы отца скупой и, как мне показалось, совсем не интересно. Разговор был приблизительно таким.

- Здорово юнкера дворец защищали?

- Не только юнкера, там ещё бабы из ударного батальона были. Стреляли крепко. У нас в отряде ещё до дворца на площади троих убили, двоих из нашего цеха. Ранили многих... У дворца мы их быстро смели, труднее в самом дворце пришлось. Юнкера из-за колонн, дверей стреляли...

Мне очень хотелось, чтобы отец спросил, сколько дядя Лёша убил юнкеров, но он об этом не спрашивал, а сам я под суровым взглядом матери боялся открыть рот.

Дядя Петя сказал, что его с площади матросы турнули, дескать, тебе, пацан, здесь делать нечего, ещё пришибут ненароком.

Потом разговор зашёл о Смольном, где крёстному пришлось в дни революции бывать несколько раз.

Дядя Петя просит:

- Расскажи-ка, Иваныч, как ты Ленина видел.

- А что мне тут рассказывать? Сказали мне, что это Ленин, когда он мимо прошёл, в дверь уже поворачивал. Только и видел, что спину да с боку немножко. Я тогда приятелю, который мне на Ильича показал, чуть в ухо не заехал. Не мог немножко раньше меня в бок толкнуть...

Разговоры, воспоминания тянутся до позднего вечера.

Дымок папиросный струится, витеет,
Рисует узор от стены до стены,
Полезно послушать, когда вспоминают
Бойцы на досуге минувшие дни.
Бойцы вспоминают, им видятся юные
Года и друзья, что ушли навсегда,
Дороги далёкие и многотрудные,
Над ними зовущая к счастью звезда.

Лето в Ратчино

Летом в раннем детстве меня увозили в Ратчино - большое село в Кингисеппском районе Ленинградской области. Село это, говорят, древнее Питера. А на-

звано так из-за того, на этом месте россияне собирали (чинили) рать для отпора всяким захватчикам земли русской. Рать чинили - вот и Ратчино.

Здесь был корень нашей семьи со стороны матери. Крестьянствовал в селе родной брат моей бабушки Иван Петрович Потапов с тремя сыновьями и пятью дочерьми.

Во время, о котором я веду речь, ещё была жива моя бабушка Ирина, в юности крепостная капитана царской яхты барона Траурьера. Капитанство Траурьеров было наследственным, переходило из поколения в поколение и закончило своё существование на нашей земле в Октябрьскую революцию. Именье барона находилось в двух верстах от села и носило поэтическое название - «Утешение». В советские годы в нём располагалась больница, потом Дом отдыха.

Была моя прабабка крепостной,
И я её, хоть и немного, помню:
Шаги её, кряхтенье за стеной...
Воспоминанья дробятся на комья,
Она с печи слезала изредка,
За общий стол давно уж не садилась,-
Дрожала пожелтевшая рука,
На стол похлёбка то и дело лилась.
Дряхла была, но цепка по уму.
Все слушались её и соглашались,
И без её совета на дому
Дела, что поважнее, не решались.

Прабабка хорошо помнила прошлое, изредка рассказывала нам, малышне, о старинном житье-бытье. Мне запал в память её рассказ о том, как они благоустроивали баронское имение: насыпали на большом приусадебном пруду островки с романтическими беседками.

- Мы, бабы и девки, землю возили, мужики плотничали... скамеечки делали, мостики между островками и берегом... Я в девках здоровая была, справлялась со своей упряжкой...

На задах нашего деревенского дома за гумном было две воронки от снарядов. В них мы любили прятаться, когда играли. По поводу этих воронок дед Иван говорил:

- Беляки трехдюймовыми долбали, чуть в избу не попали. Только не пустили мы их в село!.. Горячие бои были!

- А ты, дедушка, в красных был? - спрашивали мы.

Дед удивлённо вздымал его лохматые брови:
- А как же! У нас всё село сплошь за народную власть было!..

Правда, послушать деда Ивана удавалось очень редко, ибо вставал он до рассвета, ложился спать позже нас, малышей, с темна и до темна занимался своими делами, прерываясь только для того, чтобы нюхнуть ядовито-зелёной табачной пыли.

Был дед Иван с гражданской не здоров,
Под Ямбургом хватил немало лиха.
Но каждый день вставал до петухов,

И за работу принимался тихо.
Закончив дело, на крыльчке сидя,
В ноздрю табак не торопясь пихал,
И словно никого вокруг не видя,
Вздыхал задумчиво и яростно чихал.
И сразу брался за другое дело, -
В крестьянской жизни их всегда полно,
Его худое, жилистое тело,
Казалось мне, было заведено...

Немного лучше у меня оказался контакт с одним из сыновей деда Ивана, моим двоюродным дядей Парменом, трактористом местного колхоза с жизнерадостным названием «Весна». Он находил время, чтобы смастерить мне лук и стрелы, он же посадил первый на смиренного мерина и отправил в ночное, удил изредка со мной карасей. Короче говоря, взял шефство над «городским внуком», как называли меня в селе. А самое главное, он знал и любил историю Ратчино и его ближних и дальних окрестностей. Рассказывая, держался со мной, как со взрослым, чем я, конечно, гордился.

Он-то и рассказал мне о нашем дальнем родственнике, которому поставлен памятник в селе Чирковицы. Этот родственник был разведчиком у красных, его при выполнении задания поймали белогвардейцы и повесили, так как не добились от него ни одного слова. Правда, говорят, что перед тем, как ему накинули петлю на шею, он запел «Интернационал».

К моему глубокому сожалению и стыду, я в Чирковицах до сих пор не побывал, фамилию этого родственника забыл, да и имя помню не твердо: не то Степан, не то Семен... Вот так и получается: то у нас времени на доброе дело не хватает, то мы просто ленивы и нелюбопытны...

Дед Иван погиб в годы Великой Отечественной войны. Отстаивал свой дом, подождённый фашистской бомбой, да вместе с ним и сгорел. Дядя Пармен воевал в морской пехоте, в разведке, защищал Ориенбаумский плацдарм, которым, как и Ленинградом, так и не удалось завладеть гитлеровцам, умер несколько лет назад от старых ран - догнала война. И опять я корю себя: писал ведь мне Пармен Иванович, что тяжело болеет, хотел свидаться, а я, затырканый мелкими, будничными заботами, не сумел ко времени выбраться из Сибири. Когда выкроил время, было уже поздно.

Из прошлого не вычтешь ничего:
Ни радости, ни боли, ни ошибок,
Пред совестью ты беззащитен, гол,
И оправданий щит плачевно зыбок.
И пусть воспоминания горьки,
Перенеси их неуют смиренно,
Не поднимай на прошлое руки,
Оно её сломает непременно.

Беспокойная душа

В девять лет я остался круглым сиротой: умерла от туберкулёза мать, трагически погиб отец. Началась полудомашняя, полубеспорядочная жизнь, потому что каждое лето я исчезал из дома, путешествовал в компании мне подобных то на юг, то на восток... К зиме, когда в очередной раз попадал в детприёмник, назы-

вал свою точную фамилию, адрес, и меня доставляли в «родные пенаты».

Дома меня принимали с осуждением и с жалостью. Исключением был дядя Петя, о котором я упоминал выше. Он не жалел меня, не упрекал, с умишкой говорил:

- Попутешествовал, значит, посмотрел новые края? Это в тебе отцовская цыганская кровь скажется... Так-то ты весь в мать - беленький, но если пару недель не умыть, сойдешь за цыганёнка... Ладно, рассказывай, как жил...

В ту пору дядя Петя был для меня самым близким человеком.

Познать мне в жизни довелось
И крыши, и «собачьи ящики».
Я был везде незванный гость,
Меня не баловали ласкою.
Но мне наградой был простор
И воля-вольная до сытости,
Моими были склоны гор
И полумрак болотной сырости,
И все базары, все «толчки»,
Вокзалы и речные пристани...
Тогда не ведал я тоски,
Хотя в жизнь вглядывался пристально.
Всё это было не во сне,
Не вычитано, а испытано,
И до сих пор живёт во мне
Клеймом, а не цветочком вытканным.
Всё это на душу легло,
Ничем не выжечь и не вытравить.
Наверно, это помогло
Мне в бедах не сломаться, выстоять.

После неудачной попытки участвовать в штурме Зимнего дядя Петя уехал из голодного Петрограда в сытую, как тогда всем казалось, Сибирь. А там разгоралась гражданская война. Смышлёного, расторопного питерского парня взяли к себе сибирские партизаны, с которыми он и воевал против Колчака.

Из Сибири дядя Петя привёз домой необычную для питерцев обувь - унты и меховую волчью шапку. Унты были ещё до моего рождения променяны на продукты, а шапку, как драгоценную реликвию, спрятал дед Дмитрий Матвеевич (по матери). Я её видел.

А дядя Петя снова не усидел в родном городе. На этот раз он отправился в Баку на нефтяные промыслы. Там ему приходилось неоднократно видеть и слышать Сергея Мироновича Кирова. Вспоминая об этих встречах позднее, он говорил одно и то же:

- Железный мужик! Настоящий большевик! А говорит как!.. Просто, и словно не выступает, а по душам лично с тобой говорит и все твои думы знает. Такому не поверить никак нельзя!.. Железный мужик!..

Потом он стал плавать матросом, и не в каботажке, а в загранике. Я помню громадные оранжевые апельсины, что он привозил из плавания, шведские спички с нарядными этикетками, разные монеты и упруго шелестящие бумажные день-

ги. Они хранились у деда в столе. В добром настроении дед показывал мне свою коллекцию, рассказывая, из какой страны пришла какая монета. Мне особенно нравилась одна - с дырочкой посередине (кажется, турецкая). Эту монету мне дед подарил, а я передал её заядлому нумизмату Григорию Белых, за что получил от дяди Гриши, как я его называл, написанную им повесть (кажется, «Анна-пролетарка»). В 1937 или 1938 году я пришёл к Белых с новой, случайно мне доставшейся монетой, но не застал его. Старшая сестра Григория тётя Ася, вытирая слёзы, сказала:

- Нет его больше, арестовали...

- За что?

Она пожала плечами. Из заключения Григорий Белых не вернулся.

Но не вернемся к дяде Пете. Из заграники его выгнали за недисциплинированность: в каком-то английском порту, заступаясь за матроса-негра, подрался с полицейскими. Рассказывал об этом мой дядюшка так:

- Только сошёл на берег, вышел из порта, смотрю - два здоровых «томи» негра бьют. А я совсем недавно его в порту видел. Хороший парень, улыбочивый, увидит нашего, сразу: «Рашен, Ленин, ол райт» и всё такое, а тут какие-то полицейские ему в морду кулаком! Ну, я не выдержал, за что, думаю, мы боролись...

- А дальше?

- А что дальше? Отбил бы я его, да тут их набежало! Наших же ребят рядом никого. Намяли нам бока и в кутузку.

Дядя Петя был невысок ростом, но коренаст, кряжист, силой не обижен. Боксу учился у англичан же. Так что постоять за себя и за товарища по несчастью мог бы, но... Короче говоря, в Ленинграде списали его на берег. Только недолго находился он на нём: поступил на ледокол «Красин».

В это время потерпела катастрофу экспедиция итальянского генерала Нобили, и «Красин» отправился в Северный Ледовитый океан её спасать. Фотография дяди Пети на борту ледокола, к счастью, сохранилась, находится в семейном альбоме моей тетушки Таисии Дмитриевны в Ленинграде.

Позднее мы встречались всё реже и реже, правда, в трудные минуты дядя Петя всегда оказывался рядом.

Не знаю по какой причине, но дядя Петя от воинской службы был полностью освобождён. Когда началась Великая Отечественная война и он пошёл в военкомат, чтобы записаться добровольцем, ему, белобилетнику, отказали наотрез. Меня же взяли в добровольцы, как говорится, с первого захода, в начале июля 1941 года. Дядюшка мне страшно завидовал.

Помню, вырвался я как-то с передовой в город на несколько часов, заглянул и к нему при полном параде: фуфайка под широким ремнем, галифе и кирзачи, пилотка, автомат на плече. Обнял он меня, потом оглядел и сказал:

- Вот ты, племяш, и стал настоящим человеком, солдатом! Смотри, честь нашей семьи береги. Один ты у нас воюешь за всю семью...

Это была наша последняя встреча.

Война разметала нашу семью, как осенний ветер расшвыривает опавшие листья. Написал я с фронта в Ленинград пару писем, ответа не получил. Больше не

писал, да и не до этого было. Узнал о судьбах близких в октябре 1945 года, когда приехал в отпуск из армии. Дедушка с бабушкой умерли в блокаду. В этом же 1942 году, в течение одной недели, умерла от голода вся семья дяди Пети - жена и трое детей. Сам он снова рвался на фронт, но добился только того, что его отправили в Дальневосточное пароходство, где он стал боцманом на пароходе «Кола», который торпедировала в феврале 1943 года неизвестная подводная лодка. О том, как погиб боцман Матвеев, можно прочитать в записках радиста И. Куриленко «Плещут холодные волны», опубликованных в восьмом номере журнала «Знамя» за 1947 год.

«...В такую погоду управлять рулём трудно, а опытных рулевых в шлюпке не было. Старпом Алексеев был болен. Боцман Матвеев, не успевший окрепнуть после блокады в Ленинграде, тоже лежал на дне шлюпки в тяжёлом состоянии...»

«...Боцман Матвеев, здоровье которого совсем пошатнулось, лёжа руководил работой...» «...Боцман Матвеев выпил свою порцию с полным безразличием. Видно было, что пресная вода уже не облегчит его страданий...»

«...25 февраля утром похоронили юнгу Ганзюка. А к утру 26-го умер боцман Матвеев. Как-то само собой установилось правило: держать умерших в шлюпке, по крайней мере сутки, чтобы по ошибке не похоронить живого товарища, который, может быть, только потерял сознание. И боцман до вечера оставался лежать с нами. Он словно прилёг на часок вздремнуть, и казалось, вот-вот встанет, чтобы руководить работами на шлюпке».

Оставшихся в живых подобрали через несколько дней в море японцы.

Так закончился земной путь Петра Дмитриевича Матвеева, человека с беспокойной душой.

Предгрозые

Небо над нашей Родиной в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами отнюдь не было безоблачным. То здесь, то там вспыхивали кулацкие восстания, на юге не унимались басмачи, потом конфликт на КВЖД, о котором пели: «Нас побить, побить хотели, нас побить пытались, но мы тоже не сидели, того дожидались».

Потом столкновение с самураями на Дальнем Востоке и, наконец, финская кампания.

Не были я и мои сверстники равнодушными и к событиям в Испании, где, как вскоре после начала тех событий стало известно нам, сражались плечом к плечу с другими интернационалистами наши добровольцы. Лозунг «Но пассаран!» (Они не пройдут!) был известен каждому школьнику. Популярными стали «испанки» - пилотки испанских республиканцев.

Названия испанских городов
Мы повторяли
с радостью и болью.
Там каждый день был
жарок и суров,
там пахло порохом

и пролитою кровью.
Туда рвалась
мальчишечья душа
Отдать, что есть:
и помыслы, и силы...
Но юность приближалась
не спеша,
Для нас ещё пора
не наступила.

Из моих соучеников по техникуму в Испании побывал отец Виктора Семёина, кадровый военный, танкист. Я довольно часто бывал у них в доме (жили с Виктором по соседству, два года учились в одном классе), но вступать в разговоры с отцом товарища приходилось очень редко. Запомнилось только одно его высказывание, не помню уже по какому поводу:

- Война - скверное дело, кровавое... Но за правое дело воевать нужно обязательно! И готовыми постоять за правое дело мы должны быть всегда! Этому нас большевистская партия учит...

Быть готовыми! Это моё поколение понимало хорошо. Мы учились, работали, не избегали танцев, бывали на концертах любимых артистов, например, Утёсова, Юрьевой, Козина, Шульженко, Кнушевицкого, Цфасмана, но находили время и для военной подготовки: учились ходить на лыжах, стрелять, обучались радиodelу. И делали это не по какому-то принуждению, не в ходе очередной кампании, а по велению разума и сердца. Мы твёрдо знали, что это необходимо.

И, конечно, как все ленинградские подростки, я мечтал стать моряком, носил обязательные тельняшку и брюки-клеш... Позднее я написал:

С детства снились ему моря,
Рисовал на уроках украдкой
Косолапые якоря
В ученической тонкой тетрадке.
Но случилось так: не пришлось
Стать морским просолённым волком,
Помечталось и не сбылось, -
Даже море не видел толком...

И вот год сороковой. Финская война. Светомаскировка. Первая боевая воздушная тревога. Надо сказать, что мы, молодые ленинградцы, не были больны шапкозакидательством, не верили в победу «малой кровью, единым ударом». Но не боялись. Мы (я имею в виду моих близких товарищей) жаждали принять в войне с финнами участие, считали, что имеем на это право: паспорта на руках, разряды по лыжам и стрельбе... Год призыва не подошёл? Так на любой войне бывают добровольцы! Посоветовались друг с другом и направились в военкомат.

Сейчас об этом походе без улыбки не вспомнишь, а тогда мы твёрдо считали, что поступаем самым надлежащим образом.

В военкомате нас четверых принял смуглый капитан с седыми висками. Чёрная кожаная перчатка на его левой руке, очевидно, скрывала протез. Предложил сесть, взял наши заявления. Внимательно прочитав каждое, спросил с улыбкой:

- Значит, на фронт торопитесь? Опоздать боитесь?

Мы промолчали. Тогда капитан снова спросил:
- А с родными, со старшими посоветовались?
Это уже, как нам показалось, было возмутительным. За ребяташек принимает! Но промолчали.

- Патриотизм ваш понимаю, - снова заговорил капитан, - приветствую. Только война - это не лыжные прогулки, не стрельба в тире... Финны - вояки умелые и злые. Так что пока с ними другие воевать будут - поопытнее, постарше вас. Вот сибиряки прибывают - охотники, белку, говорят, в глаз бьют! Вот они-то с финскими «кукушками» и посоревнуются! А заявления ваши я оставляю. Понадобитесь, позовём в первую очередь...

Такой вот состоялся у нас разговор в военкомате. Ждали мы, ждали, только не позвали нас, не понадобились.

Война та и правда оказалась тяжкой: и доты, и колючая проволока в семь колов, и снайперы, и жестокие морозы. Обо всём этом мы узнали чуть позже от тех, кто, испытав всё это на себе, вернулся.

Возвращались домой наши братья
С той недолгой, но тяжкой войны,
Принимал Ленинград их в объятья,
Были улицы светом полны.
Раскрывались улиц страницы,
Гул и цокот на улицах рос...
Помню строгие тёмные лица -
Их палили огонь и мороз.
Всё усталое: люди и пушки,
Танки с битой сталью броней...
Но в ответ на улыбку девчушки
Улыбался танкист молодой...

Итак, мы встречали победителей. Были радостные улыбки, приветственные взмахи рук, но были и слёзы, слёзы тех, у кого в семье после этой недолгой, но кровопролитной войны оказалась брешь. Не вернулся из-под Выборга старший брат одного из близких моих друзей Коли Белова, всегда весёлый и разговорчивый слесарь-сборщик с Балтийского завода Евгений.

- Вот и остались мы с Коленькой вдвоём, - сказала печально его мать, когда я как-то по делам зашёл к другу, - невезучие у меня мужики...

Да, выходило так: в конце двадцатых годов у неё где-то в Туркменистане погиб в схватке с басмачами муж, а теперь вот старший сын. От мужа у неё на память осталась боевая шашка, которую привезли с далёкого юга его однополчане, от сына - медаль «За отвагу».

Мы передавали из рук в руки эту медаль - холодный кусок металла, свидетельство того, что Евгений Белов был хорошим солдатом, стойким и мужественным бойцом. Холодный металл жёг руки...

Закончилась финская война, справедливость восторжествовала: значительно отодвинулась государственная граница от стен колыбели Великого Октября - Ленинграда, однако время не стало более спокойным, нарастающая тревога чувствовалась в воздухе. Фашистская Германия на-

бирала силы, а ведь все мы, от мала до велика, знали, что фашисты - наши непримиримые враги, что рано или поздно фашистские полчища повернут к нашим границам. Мирнолюбивым заявлениям гитлеровских дипломатов не верил ни один здравомыслящий советский человек.

Верны присяге

Я вышел из войны давно,
А вот она никак не хочет,
Она ещё во снах грохочет
И наяву ползёт в окно
Туманом, как разрывов гарью,
Зарёй кроваво-огневой...
И я не верю, что живой,
И по груди ладонью шарю.
Но сердце бьётся, вьются жилы...
А коли жив, живи, служивый...

Мы ожидали войну, и всё же грянула она неожиданно, как гром среди ясного неба. Идти добровольно на фронт (я имею в виду себя и своих друзей) нас никто не агитировал, решили сами. Мне тогда вспомнились увиденные и прочитанные в книгах плакаты времён гражданской войны: «Все на защиту красного Петрограда!», «А ты записался добровольцем?» К тому же в добровольцы записывались не только мы, молодые, но и старые рабочие, инженеры и профессора, люди самых разных профессий, самого различного возраста. Как могли мы остаться в стороне?

Сейчас изредка мне приходится видеть по телевизору, как молодые воины принимают присягу. Красиво! Торжественно! Поневоле охватывает волнение. А я принимал присягу в окопе.

Мы были уже немножко обстрелянными, но среди нас жертв пока не было. И вдруг нелепая, до обиды случайная, смерть товарища по взводу, тоже добровольца, студента Лесной академии, весёлого, умелого, находчивого парня. Смерть не на передовой, а за ней, во время помощи старшине по хозяйственным делам. Паршивый, поганый случайный осколок - и прямо в сердце...

Похоронили мы товарища, дали залп над могилой, идём к передовой, а тут политрук догоняет:

- Стойте, ребята! Давайте сюда вот, в окоп, присягу принимать будем.

Спрыгнули в окоп, а вернее, в траншею, подготовленную на случай возможного отхода, смотрим на него. А он раскрывает полевую сумку, достаёт бумажку и говорит:

- Я читать буду, а вы повторяйте...

Такая вот «торжественность» была, только запомнились этот серенький день, сырая траншея на всю жизнь. И показалось мне тогда, что давал я присягу не только за себя, но и за погибшего товарища, за всех, кто был убит, не сказав клятвы верности Родине...

В час, когда пожаром обдавали
Злые ветры весь простор страны,
Мы присягу Родине давали,
И остались ей всегда верны,
Как бы нас не гнула воля злая,
Как ни лютовали силы тьмы,

Бедствуя, скорбя и умирая,
В Родине не усомнились мы,
Знали мы - не выдаст нас Отчизна,
Если бесконечно верить ей.
Прорываясь сквозь невзгоды жизни,
Становились зорче и сильней.

Зорче глазами и душой, ибо испарились свои мелкие заботы и беды, появилась одна большая беда, одна большая забота на всех, появилось понятие, что только мы все вместе - советские люди - сможем не только противостоять этой беде, но и превозмочь её. Зорче потому, что стали понимать врага: его силу и его слабость, убедилась, что его можно успешно бить.

Война как бы высветила подлинность нашего советского интернационализма, братство наших народов. У нас в отдельном разведывательном батальоне, кроме русских, были украинцы и белорусы, татары и чувашаи, грузины и армяне, одесские евреи, узбеки...

Особенно запомнился мне узбек Хандамов. Это был настоящий богатырь: при строительстве блиндажа носил сразу по две железнодорожных шпалы. Соответственно здоровью был у него и аппетит, пайка всегда не хватало. Это не мешало ему всегда быть улыбочивым и добродушным. Хандамов почти совсем не говорил по-русски, но понимал всё, как говорится, с полуслова. В поисках на него можно было надеяться, как на себя самого.

Однажды он нёс на себе чуть ли не пять километров тяжело раненого командира группы. На нейтральной полосе его засекли фашисты, открыли минометный огонь. Хандамов прикрыл своим телом командира и сам был тяжело ранен. К счастью, обоим удалось вытащить из-под огня живыми. Дальнейшая судьба этих моих товарищей-однопольчан мне не известна.

Почему-то всё больше вспоминаются первые месяцы войны. Потому ли, что самые первые впечатления от любого события особенно врезаются в память, или потому, что за спиной находился родной город - малая родина?

В ту первую осень войны враг отчаянно бомбил Ленинград, стараясь посеять панику, сломить мужество его защитников. Потом начались обстрелы из тяжёлых и сверхтяжёлых орудий. Как говорится хрен редьки не слаще! Но паники не было, не было малодушия. В редкие побывки в городе мне приходилось беседовать со знакомыми и незнакомыми ленинградцами. Они мерзли, голодали, но не дрогнули. К нам, фронтовикам, всегда первым вопросом был:

- Когда фрицев погоните от города?

В том, что город фашисты не возьмут, ни у кого сомнения не было.

Над Ленинградом зарево в ночи,
Прожекторов колючее сплетенье,
Там колются на брызги кирпичи -
Умельцев мирных чудные творенья.
Там холод заполняет каждый дом,
Горят листы любимых с детства книжек,

Пылают лихорадочным огнём
Голодные глаза у ребятишек...
Скребётся ложка о пустое дно...
Кто дал им молчаливую отвагу!?
И мы в окопах знаем лишь одно:
Не пропустить врага вперёд ни шагу!

Война была тяжким испытанием для всех, но пусть никто, никогда и нигде не испытает того, что пережили ленинградцы.

Война многолика, но доброго лица у неё нет. Удачные бои, победы, конечно, радовали, но ведь они не обходились без жертв, и радость всегда оказывалась омрачённой. Даже в Берлине после его капитуляции стреляли нам в спину разные недобитки. И гибли солдаты и офицеры, пришедшие в столицу проклятого рейха от стен Москвы, Ленинграда, Сталинграда, вынесшие тяготы отступления, окопного сидения, наступления, когда врага приходилось выковыривать штыком... А наверняка, многие из них уже послали весточку на Родину: дескать, Берлин взят, я жив-здоров, ждите домой...

Итак, мы победили, отстояли завоевания Великого Октября. И победа наша была великой, ибо принесла свободу не только нашему народу, но и многим народам Европы. Мы с гордостью расписывались на Рейхстаге, с гордостью смотрели в глаза поляков и чехов, югославов и французов, и многих других, кого освободили из концентрационных лагерей.

Мы радовались, но и знали, что в мирной жизни нам придётся трудно, особенно тем, кто остался, как говорится, у разбитого корыта: потерял семью, дом, недоучился... Всё надо было начинать с нуля, если говорить на языке строителей. И мы начинали...

Не сменив солдатские одежды,
На свои родные этажи
Мы пришли совсем уже не прежние,
Не юнцы зелёные - мужи,
В сапогах, что по Берлину топали,
Без стеснения (не из-за стола!),
В гимнастёрках, кое-где заштопанных,
Принялись за мирные дела.
Нас не ждали кисели да пряники,
Нам не лился патоки поток, -
Пошагали по дороге пряменькой
Хлеба зарабатывать кусок.
Поднимать да строить, что порушено,
Начатое двигать до конца...
Не были мы к жизни равнодушными
И такими будем до конца.

*«Усть-Илимская правда», 19 августа, 2, 5, 12 и
18 сентября 1987 г.*

Воспоминания устылиимцев

**Нина Васильевна Лобова,
заслуженный работник
культуры РФ,
директор МУК «Центральная
библиотечная система»**

Анатолий Михайлович Давыдов в своё время был частым гостем центральной городской библиотеки. Он говорил, смеясь: «Даже дух библиотеки, шелест страниц, тишина в читальном зале дороги мне».

В 1953 г. он окончил библиотечный институт. Так как знал иностранные языки, был принят на работу сотрудником Центральной публичной библиотеки Ленинграда. Так что, по сути, Анатолий Михайлович наш коллега.

Однажды делегация усть-илимских литераторов была в гостях у Союза писателей г. Иркутска. У меня сохранилась фотография, на которой Анатолий Михайлович вместе с коллегами стоит в кругу иркутских писателей рядом с Валентином Распутиным. Я помню, как он был горд, что ему довелось общаться с Валентином Григорьевичем.

Всю дорогу от Иркутска до Усть-Илимска он с теплом вспоминал эти встречи, рассказывал нам о своей непростой судьбе, много шутил, читал стихи.

18 декабря 2006 г. в центральной городской библиотеке им. Н.С. Клёсова-Ангарского прошёл литературный вечер «То ли мёд, то ли горькая чаша», посвящённый памяти А.М. Давыдова. Отлично, что старшекласники Усть-Илимского экспериментального лицея и школ города знакомы со стихами Анатолия Михайловича. Свои исследовательские работы по творчеству поэта ребята передали в библиотеку, где создаётся галерея литературного наследия Усть-Илимска.

Друзья и коллеги чтут память поэта, помнят его стихи, при встречах рассказывают много интересного из его жизни. Наши читатели давно ждали выхода в свет сборника А.М. Давыдова. Его стихи учат любить родину, быть добрыми и счастливыми, несмотря на любые трудности.

Мне на память приходят строки из его стихотворения:

Последний снег. И вижу я:
Снежинки, падая, тоскуют.
Хоть боль у каждого своя,
Но надо чувствовать чужую.

Не каждому это дано - чувствовать чужую боль.

**Екатерина Егоровна Соболева,
член литературного объединения
«Поиск» г. Усть-Илимска**

Анатолий Михайлович работал журналистом в редакции газеты «Усть-Илимская правда». Его статьи, очерки, заметки были посвящены участникам Великой Отечественной войны, строителям Усть-Илимска, сибирской природе.

Анатолий Михайлович - фронтовик. Всю войну был на передовой, служил в разведке. С боями он дошёл до Берлина. На стене Рейхстага оставил свою подпись. И не удивительно, что тема войны - ведущая тема его лирики. Но не только о войне писал поэт. Много стихотворений посвящено природе, проблемам современной жизни. Первый сборник стихотворений «Солнце в берёзках» вышел в свет в 1962 г. В 1968 г., когда он жил и работал в Сызрани, его стихи были опубликованы в книге «Писатели средней Волги». В сборнике стихотворений сибирских поэтов «Уходил на войну сибиряк», выпущенном Восточно-Сибирским книжным издательством в 1985 г., также есть стихи А.М. Давыдова.

С 1979 г. он руководил литературным объединением усть-илимских поэтов «Поиск». Был консультантом, наставником молодых.

Данный сборник вышел в свет, благодаря стараниям любителей поэзии Анатолия Михайловича Давыдова, его друзей, журналистов города, а также сотрудников и педагогов Усть-Илимского экспериментального лицея.

**Елена Николаевна Труфанова
главный редактор газеты
«Вечерний Усть-Илим»**

Анатолий Михайлович Давыдов умер 15 июля 2004.

Когда ему исполнилось 75, поздравляя его, коллеги желали дожить до 100. Не дожил! Умер на 82-м году жизни, оставив после себя добрую память, огромное множество газетных публикаций и стихов.

Писать же о нём было сложно. Рассказывать о себе на диктофон категорически не желал. И когда к 80-летию готовили о нём зарисовку, вспоминали его рассказы по крупицам. Общаться с ним было чрезвычайно интересно. Он много знал, много видел, много помнил, но не любил говорить о себе напоказ.

Каюсь, не часто мы баловали Деда (так любовно и с почтением к возрасту называли

А. Давыдова местные журналисты) своими визитами. Обязательно посещали в День рождения - 9 июня и 8 мая. Он именно этот день считал Днем Победы. И именно 8 мая праздновал, выпивая стопку водки.

Его длинную жизнь невозможно уложить в газетную публикацию. Последняя была написана к 80-летию юбилею. Он тогда болел, немного хандрил, грустил, но по-прежнему писал дневники и новые стихотворения. А через два года его не стало.

У нас в редакции остались его блокнот со стихами, написанными мелким почерком ещё в 1988 году и тетрадка - дневник за 2001 год. Анатолий Михайлович вёл его каждый день, отражая в нём своё настроение, самочувствие. Крестиком отмечал визитёров.

Здесь и свои собственные строки и выписки из высказываний любимых великих - Б. Пастернака, М. Пришвина, Л. Толстого.

Эти тетрадки и есть память о Давыдове. Каждый оставляет о себе то, что умеет делать. Анатолий Михайлович умел писать стихи и прозу. Его произведения интересно читать и сегодня.

**Елена Труфанова,
Вечерний Усть-Илим,
5 июня 2003 г.**

А. Давыдов по газетам
Не одни штаны протёр:
Это авто-, кино-, мото-, вело-,
ФОТОРЕПОРТЁР.

Такие строки посвятили Анатолию Михайловичу Давыдову его коллеги-журналисты.

Он родился 9 июня 1923 г. в Петербурге. Справедливо считает себя коренным питерцем. Потому что в Ленинград город был переименован лишь через год после его рождения.

Анатолии Михайлович Давыдов - поэт, журналист, участник Великой Отечественной войны, юбиляр. Ему 80! Большая, красивая дата.

Целая эпоха за плечами Анатолия Михайловича, нашего Деда - так любя и ласково называют его журналисты города. И в этом - «Дед» - преклонение перед его талантом, опытом, возрастом, жизненной мудростью.

В свои восемьдесят Анатолий Михайлович сохранил твёрдую память, здравый рассудок, присущую ему иронию и глубокое чувство юмора. В свои восемьдесят Анатолий Михайлович остался, к сожалению, бесконечно одиноким, но к счастью не сдавшимся человеком.

Несмотря на все пророчества
О счастливой старости,
Мне досталось одиночество
Даже в самой малости.

Последние годы он практически не выходит из своей маленькой прокуренной квартирке, где живёт в окружении множества любимых книг, картин, подаренных больше самодельными художниками, цветов - кактусов. Печатная машинка - главный инструмент журналиста Давыдова - накрыта покрывалом, но Анатолий Михайлович пишет! Он пишет в обычной тетрадке в клеточку. Каждый день. Подробно отмечает все важные события, взволновавшие его, зачастую пишет стихами.

Я тебя из памяти вытер,
Мой родной и любимый Питер.
Мне теперь уж в тебе не бывать,
Мне в Сибири дано умирать.

Эти строки он написал 28 мая нынешнего (2003) года в разгар праздничных торжеств в родном городе на Неве. И думается, что Дед всё-таки немного покривил душой, говоря, что «из

памяти вытер». Анатолий Михайлович прекрасно помнит свой обычный питерский дом, один из тех, что описан в романе Белых и Пантелеева «Дом весёлых нищих». Рядом с Троицким собором, купола которого во время блокадных обстрелов спасли дом от разрушения, заслонив его собой.

Мне Питер с детства в сердце врос,
Я там родился, там сражался.
Я помню Поцелуев мост.
Хотя на нём не целовался.

«Мать умерла рано. Так рано, что лица её в памяти не осталось. Помнятся только мамины сапожки на шнуровочке».

Однако именно мать успела научить смышленного мальчика грамоте, привила любовь к наукам. И они всю жизнь давались ему очень легко. Учился всегда на отлично. Своё первое стихотворение Анатолий Михайлович написал в четыре года и помнит его до сих пор.

В жизни высоки пороги,
И истоптаны пути.
И на жизненной дороге
Можно счастья не найти.

После смерти матери, двух младших братьев и гибели отца мальчик стал беспризорничать. Бродил много, но не воровал. На жизнь подрабатывал тем, что на почте подписывал конверты подслеповатым бабулям. Перед самой войной поступил в Ленинградский энергетический техникум. Закончить не успел. На второй день войны восемнадцатилетний юноша добровольцем ушёл на фронт. Попал в разведку. Здесь оченьгодились знания английского языка. Уже на фронте в совершенстве выучил немецкий. Боевое крещение получил под Ленинградом. Был контужен. Через Ладогу эвакуирован в госпиталь для восстановления сил. Прошёл Одессу, Сталинград, Варшаву, брал Берлин. Свою роспись оставил на стенах Рейхстага.

Анатолий Михайлович о войне говорить не любит. Но воспоминания о ней сами приходят во сне и наяву против его воли. Война до сих пор не отпускает деда. Он и сейчас пишет о ней и в стихах, и в прозе. Своё любимое стихотворение о войне Анатолий Михайлович написал в 1943 г. под Сталинградом.

Мы очень долго отступали,
Был жарок бой, мы залегли.
И в ту минуту точно знали -
За нами дальше нет земли.
Я помню дождь
косой и хлесткий.
По дну окопа тёк ручей.
Стояла тонкая берёзка,
Качаясь на земле ничьей.
А поутру горела ало.
У всей округи на виду.
И предложил солдат бывалый
Ей Золотую дать Звезду.

9 мая 1945 г. Анатолий Михайлович Давыдов встретил в Германии. Но с объявлением победы военная

служба для него не кончилась. Лишь через два года разведчик попал домой. За это время Анатолий Михайлович успел первый раз жениться. Избранницей была красавица Эрика. Она же родила ему сына. И года не прожили молодые - судьба развела на всю жизнь. Но женским вниманием наш Дед обойдён не был. Десять раз женился Анатолий Михайлович. И ни одной жене, ни разу не изменил.

Кстати сказать, и в Усть-Илимске-то бродяга - Давыдов осел тоже благодаря женщине. Здесь он встретил Катю, Екатерину Егоровну. Познакомились они в поэтическом клубе «Поиск». Сразили Анатолия Михайловича Катины неуёмная энергия, весёлый нрав и длинная толстая коса. В Катином лице нашёл Анатолий Михайлович друга, жену и любовницу. Так и остался жить в Сибири, хотя душа всё-таки рвется на родину, в Питер. И даже не в сам Питер, а в село Ратчино. Сюда ещё ребёнком привозили его к бабушкам на лето. Здесь он научился по-настоящему любить природу, узнал тайны лесные, звериные повадки. Бабушки научили его различать съедобные грибы от несъедобных. Всё это очень пригодилось журналисту Давыдову в его работе, когда он писал тонкие душевные зарисовки о природе.

Где вы, весёлые перелески,
Что встречали игривым блеском.
Далеко до вас, далеко.
Мне дойти до них нелёгко.

За 80 лет бурной, насыщенной жизни у Анатолия Михайловича было много интересных встреч, он был свидетелем многих событий. Даты уж стёрлись в памяти. А людей помнит. Он гордится личным знакомством с Михаилом Дудиным. Они работали в одном издательстве, в одной кассе получали гонорары. А ещё однажды на каком-то вечере молодой и, как сам говорит, «нахальный» Давыдов умудрился поцеловать ручку самой Анне Ахматовой, перед стихами которой всегда преклонялся. Она, конечно, не рассердилась на выходку молодого человека, лишь улыбнулась в ответ.

Между прочим, кроме Ахматовой в числе любимых поэтов Анатолий Михайлович называет Есенина и Блока. А прозу любит Паустовского. В русской литературе дед разбирается профессионально. Уже после войны он экстерном, закончил Ленинградский библиографический институт, работал в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Жизнь среди книг подтолкнула к решению самому попробовать писать. Первый же газетный очерк беспартийного Давыдова об очковтирателе и мошеннике на посту председателя колхоза был замечен руководителями Ленинградского обкома партии. Анатолия Михайловича рекомендовали на газетную работу, с тех пор всю жизнь по командировкам, по газетам - районным, городским. Проехал всю страну: он Ленинграда до Дальнего Востока. Побывал в Карелии, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Бурятии, Монголии. Писал зарисовки, фельетоны, очерки.

Потихоньку стал подсовывать редакторам свои стихи. Печатали.

В свои 80 Анатолий Михайлович жалуется на нездоровье. Сетует на возраст, пишет в дневнике:

Июнь - мне юбилей пробьёт,
Восьмой десяток завершая.
А на душе гнездится лёд,
И пустота вокруг без края.

Назвать его оптимистом, пожалуй, нельзя. Да и сам он себя таковым не считает. Но он всю жизнь был равнодушен к несправедливости, ненавидел ложь и лицемерие, никогда сам не играл в политические игры и другим не советовал. Сегодня, накануне юбилея, Анатолий Михайлович живёт обычной для себя жизнью. Читает Наталью Кончаловскую, перечитывает Паустовского и Пришвина, рад бы посмотреть добротное кино, да нет ничего по телевизору интересного. Любит, когда приходят гости, да они не балуют Деда визитами, ссылаясь на свою вечную занятость.

80 лет - серьёзный юбилей. И Анатолию Михайловичу приятно, что отмечает он его в один год с юбилеем родного города.

Юбилей.
Не лью ей.
Вспоминаю по заслугам,
Как единственного друга.

Питеру, который Дед считает великим городом, он желает процветания.

Немало триста и немного,
Но счастье радует сердца.
И впереди ещё дорога,
Которой не видать конца.

А мы желаем Деду не болеть, не стареть, на судьбу не роптать и продолжать писать ёмкие, умные, добрые стихи.

День и ночь, и снова лето.
Долгожданная пора.
От заката до рассвета.
Будут длиться вечера.

«Художественный мир поэзии А.М. Давыдова». Исследовательская работа

**Елена Зинченко, учащаяся МОУ «Усть-Илимский экспериментальный лицей» (выпуск 2002 г.).
Руководитель: учитель русского языка и литературы Татьяна Владимировна Коршунова**

Снова с памяти экрана глядит суровая война

Война для поэта - это «тяжёлая работа», которой «обучаются на ходу»; «госпиталя койка»; «пекло, в каком едва ли сдюжит чёрт»; «слякотные окопы»; «разрывы чёрные грибы»; «бомбёжки, гул и скрежет стали»; «атаки, мины, медсанбат», друзья. Эти словесные ряды свидетельствуют о восприятии войны как страшного явления жизни.

Сны о войне - это тема объединяет довольно много стихотворении. Страшное потрясение, пережитое более полувека тому назад, до сих пор живёт в подсознании. Это как болезнь, от которой нельзя избавиться. Человек, переживший войну, остаётся навсегда «её вечным работом».

Сны о войне - «кровавые, дымные». В них «разрушенные города», «пожары», «разрывы», «бинты», «осколков визг, и выплески огня, и чей-то крик, надсадный и тягучий». Смещаются временные рамки, давно прошедшее снова становится реальностью.

Столько смертей, крови в стихах о войне! В этом кошмаре трудно сохранить в себе человеческое. «Душа седая» у всех, кто побывал на войне. Но всё-таки военные стихи А.М. Давыдова не оставляют тягостного впечатления страха и боли. Зрение поэта настолько обострено, что всё, являющееся источником радости, доброго чувства, для него ценно и важно.

В одном из стихотворений говорится о берёзке, которая стояла «исхлёстанная злым металлом как солдат». И эта «тонкая» берёзка, со снежной снарядом верхушкой, казалось, подавала пример мужества и бесстрашия бойцам. Ей, такой хрупкой, но стойкой, «предложил солдат бивалый Золотую дать звезду».

Одно из стихотворений называется «На гауптвахте». В этом стихотворении наиболее ярко раскрывается мироощущение поэта. Ни слова нет в нём о провинности, за которую отправили героя стихотворения на гауптвахту, да и напоминает о ней только казённая стена. Важно другое - рассказать о том душевном потрясении, которое он испытал, слушая, как читал стихи влюблённый в Есенина артиллерийский старшина.

В разрушенном войной, страшном мире поэт по малейшим крупитцам бережно собирает всё, что может сохранить душу человека от разрушения. В стихах, посвящённых войне, это особенно заметно. И поэтому война для Анатолия Михайловича Давыдова - очень неоднозначное явление: с одной стороны - это самое страшное, что было в его жизни, а с другой - с ней связано много светлых, ярких по духовному накалу мгновений. Стихи о войне наполнены чувством гордости за свою Родину, товарищей, народ.

Приангарье родное моё

Особенно часто Анатолий Михайлович Давыдов в своих стихотворениях описывает природу Сибири. Художественное пространство реальное, открытое, топонирика разнообразна, но конкретна: станция Турма, Усть-Илимск, Ангара, Байкал. Это делает пейзажи очень близкими и узнаваемыми. Хотя родился поэт в Ленинграде и провёл большую часть своей жизни в средней полосе России, но душой навсегда прирос к сибирской земле.

В стихотворениях поэт запечатлевает динамику происходящего в природе: рождение дня, приближение грозы, изменение погоды, наступление нового времени года, падение листа. Часто автор употребляет формы глаголов прошедшего времени. Это помогает подчеркнуть сиюминутность изменений в природе, показать её напряжённую жизнь, в которой каждое мгновение что-то происходит.

Интересна композиция большинства стихотворений: в начале фиксируется какое-либо событие, затем даётся динамическая картина природы, а в завершении автор обязательно соотносит природу с человеком, его мыслями, чувствами, состоянием внутреннего мира.

Таким образом, в основе композиции стихотворений не динамика чувств, а событийная канва.

Лирическому герою пейзажных стихотворений А.М. Давыдова свойственно обостренное восприятие природы. Ему хочется уловить мгновенность перемен, не упустить любую мелочь.

Тематика пейзажных стихотворений разнообразна: о временах года, о явлениях природы, о человеке и природе.

Особенно часто поэт пишет об осени. Любимые осенние образы: «огонь рябины», «лист упавший», «туман», «ветер рыж и лохмат», «дождь», «небосвод осенний». Нетрудно заметить, что большинство образов - зрительные, они не новы для читателя и традиционны для поэзии, но при этом необычно восприятие поэтом осени. Об этом говорят, например, сравнения: «первый лист, как круглый сирота», «туман - добрый великан», «как туман взползает в душу потихоньку грусть», «тучек водовозные обозы»; эпитеты, созданные на основе оксюморона: «многословное молчанье», «беззвучные слова», «молодое бабье лето»; метафоры: «ещё не раздают берёзы ветрам дары со своего плеча», «и ненастье не к обиде». Лирический герой находится наедине с осенью, будто отрешаясь от людей и у природы черпая силы для жизни. Он ощущает неразрывную связь человека с природой, потому так приятно «многословное молчанье» природы, и хочется брать пример с елей, кото-

рые «окраску не меняют с ходу, в беде не покидают дом. Стоят и злую непогоду встречают так: к плечу плечом»; восхищается красотой природы: «Нет! Этого не описать! Не хватит мне ни слов, ни красок»; а для роли собеседника ему вполне достаточно бурундука. В стихотворениях об осени нет чувства уныния, душевной усталости, а напротив, говорится о благодарности, наслаждении красотой, умиротворении и гармонии в душе человека и в природе.

Немало стихотворений посвящено весне. Образ весны предметен, часто традиционен, так как приметы весны одинаковы для всех: «капель», «сосульки», «лужи», «весенний ветер», «зелень трав». Но в то же время привлекают внимание неожиданные, свежие образы - «качели марта», «цветы-осколки», «солнца блюдце» и др. Интересны сравнения: «скользит весна, как вода с весла», «молчит весна, как в затишье сосна». Метафоры часто разворачиваются в метафорические картины - «травы отошли ото сна», «весна ведь поломойка», «весна - портниха-беловейка», «лезет в душу звон капельный», «то с раздумьем, то вприпрыжку капли падают и бьются», «бьёт весна по нашим душам» и др. В стихотворениях о весне внимание читателя не ограничивается масштабом времени и пространства - оно фиксируется на событии. В них подчёркивается бытийность жизни самой природы, ещё раз проводится характерная для поэта мысль о самодостаточности мира природы, о его влиянии на человека. Лирический герой, вопреки собственной воле, оказывается захваченным этими бурными проявлениями жизни, поэтому стихи пронизаны оптимизмом, радостью, жизнелюбием.

Многие стихотворения пейзажной лирики посвящены деревьям, которые выступают как мыслящие существа, и явлениям природы: грозе, дождю, туманам. Осина, кедр, рябина, ель - это не только элементы сибирского пейзажа, поэт изображает их друзьями, собеседниками, они служат человеку примером для подражания. Основной приём изображения - олицетворение: «кедры могут спорить с ветром»; «деревья подставляют солнцу рёбра»; «осина стоит одна». Так, рябина для поэта - «баба-солдатка», у которой «женская доля: ждть-поджидать, у моря, у поля переживать»; «девчонка, красивая и простая»: кедр - олицетворение воли к жизни; пусть снесена могучая вершина грозой «но корни-то ещё не отслужили»; сосны - ветром открыты беззащитны - глянь», но «зато они характером достойны, не выдадут, в ненастье устоят; природа их воспитывает воинами, как добрый командир своих солдат». Лирический герой этих стихотворений одинок среди людей, поддержку и взаимопонимание он находит только в мире природы:

Всех уютов милее
Мне чащобы лесной чертолом.
В стенах города просто зверею -
Всё людское мне кажется злом.

Стихи, посвящённые явлениям природы, про-

должают мысль о том, что природа - это нечто живое, а туман, гроза, дождь - это проявления её жизни. Поэтому так много олицетворений в этих стихотворениях: «гроза откочевала», «радужные солнечные пятна затеяли весёлую игру», «гром пробасил» и др. Основное настроение, пронизывающее их, - радость, восторг перед неукротимой жаждой и силой жизни, заключённой в природе.

В своём творчестве Давыдов противопоставляет мир природы и человека. Человеческое вторжение в мир природы поэт изображает как трагедию. Звучит мотив смерти, безысходности. Столкновение человека и природы часто изображается как война: кругом «пожаров да смерчей следы»; «сосен вековых обугленные рёбра, палов, ветровалов чёткие ходы»; «малина словно кровью налита». Если в большинстве пейзажных стихотворений в основе композиции лежат события, происходящие в мире природы, то для этих произведений характерно простое перечисление фактов, отражающих пагубные следы человека. Отсутствие динамики помогает выразить мысль о том, что деятельность человека нарушает гармонию жизни природы. Композиция построена на основе градации: в начале даётся мирный пейзаж, затем вводятся детали, свидетельствующие о разрушающем влиянии человека, а в финале - высокая трагическая нота. Все стихотворения пронизаны мыслью о недопустимости подобного, но в то же время пониманием невозможности что-либо изменить.

Не пожалей душевных слов для женщины, тобой любимой

Образ женщины, любимой традиционен для русской поэзии. В интимной лирике наиболее ярко и полно раскрывается душа поэта. В отношении к женщине проявляется и культура человека, и его нравственная сущность. Давыдовские стихи о любви не идеализируют женщину, не возводят её на недостижимый пьедестал, напротив, ситуации, изображаемые в них, реалистичны, обыденны. По интонации они очень задушевные, может быть потому, что изображают любовь не как страсть, затмевающую всё остальное в жизни, а как важную составляющую бытия человеческого. Думается, по этой же причине стихотворений, посвящённых только любви, у поэта не очень много. Любовь словно растворяется в многообразии проявлений жизни. Наиболее характерными стихотворениями на эту тему являются: «Дом уютен без порога...», «С утра метель на улицах буянит...», «Руки женские», «Полюби, если сможешь...», «Гордая» и др. Поэт не создаёт конкретного, определённого образа женщины. Портрет отсутствует, он только очерчен штрихами. Это зрительные детали, подмеченные автором будто мимоходом: «руки», «варежки», «портфель»...

В стихотворении «Снегурочка» поэт выражает свою нежность благодаря использованию слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами - «шапочка», «ветерок», «снегурочка». Типична для автора композиция. В начале стихотворения - пейзажная зарисовка: в городе метель. Но метель безжалостна к прохожим, а не к любимой - её она превращает в сказочный образ. Типично мировосприятие: поэт замечает не гла-

за, не мех, из которого сшита шапочка, не стройность фигуры и красоту лица, а снежинки на ресницах, шапке, варежках, портфеле... Метель превращает женщину в Снегурочку, а она обыденность превращает в сказку для лирического героя, образ которого в этом стихотворении отождествляется с автором.

В стихотворении «Руки женские» внимание читателя поэт концентрирует на работе, совсем не женской, которая достаётся женским рукам:

Сколько дел вы за жизнь переделали,
Руки женские зарубелые?!
И хлеба, и сады растили,
Города в тайге возводили...

Здесь создаётся обобщённый образ русской женщины, на долю которой выпало много испытаний, запечатлена её судьба. Всё держится на ней, вот только сама она обделена любовью, лаской. Отсюда чувство горечи, которым переполнено стихотворение, несмотря на надежду, звучащую в заключительных строках: «Хорошо, если им навстречу протянулись другие руки». Лирический герой желает добра и любви женщине, но в то же время понимает несбыточность своих надежд. Всё это подчёркивает трагичность судьбы русской женщины.

В стихотворении «Полюби, если сможешь...» говорится о любви как вдохновляющей силе, о том, что любить способен не каждый. Это чувство должно полностью захватить человека, заставить его отдать всё. Понимание автором любви как полной самоотдачи во имя другого человека даёт основание рассматривать это как стиль жизни, утверждаемый поэтом. Таким образом, стихи о любви являются отражением авторского мировосприятия.

Давайте говорить начистоту

К философской лирике относятся такие стихотворения А.М. Давыдова, как «Снег», «Когда-нибудь», «Не исчезают тени предков...», «Память», «Узелки» и др. В них автор размышляет о смысле жизни, о предназначении человека, о смерти, о памяти...

Большинство давыдовских стихотворений посвящено памяти. Автор представляет её некой мыслящей субстанцией, показывает силу её влияния на человека, руководство им.

Человеческая память по Давыдову - единственная возможность связать прошлое и настоящее. Но эта связь и должна определять жизнь человека. В философских стихах Давыдова нет пространственных и временных рамок. Это позволяет автору сосредоточиться на главной роли памяти в жизни человека.

Так, в стихотворении «Память» автор использует приём олицетворения, «оживляя» память. Человек всегда находится в плену у памяти, и власть её над ним такова, что «она всегда права, бесспорно», несмотря на то, что «никак не угадать её поступков», не предсказать, «что родит:

стенанье или стих». Здесь выражено убеждение, нравственная позиция автора, заключающееся в словах: «Она (память) твоя опора».

В стихотворении «Узелки» снова звучит тема памяти. Автор создаёт образ-символ, подразумевая под узелками ошибки прошлого. С ними обязательно надо считаться, помнить о них, чтобы не допускать впредь. В противном случае произойдёт непоправимое: «А узелки придётся развязать, иначе станут туже и задушат. А значит, нету часа горевать и отпускать на покаянью душу». В другом стихотворении - «Корни» - автор отмечает: «Не будь корней, рассыпалась б как дым вся жизнь, которой мы во славу трубим».

Итак, память, для поэта прошлое имеет огромное значение, подтверждением этого служат и стихи о войне. Эта тема до сих пор одна из важнейших в творчестве А.М. Давыдова.

Гражданская лирика Давыдова по эмоциональному накалу напоминает публицистику. Поэт смело ставит острейшие проблемы современности, ярко выражает собственную позицию, размышляет о том, чем является для человека Родина.

Россия для него - это «речушки», «поля», «леса», «радостные голоса пичуг», «суровый разлив тайги», «радуга-дуга» Это русский народ, о принадлежности к которому автор с гордостью заявляет: «Я российский, ей предан сердцем и душой». Но в то же время в изображении поэта Россия многострадальна, терпелива: «Россия всё сносила - на то она Россия». Образ современной России - неустроенной, распроданной, виноватой - безрадостен:

Всё горчит,
Как едкий чернобыльник.
Даже неба ласковая синь
Осыпает на тебя полынь.

Автор поднимается до обличения, негодует, но вопреки всему верит в свою Россию и никогда ей не изменит:

России, сколько сил достанет,
Служить я буду, чем могу.

То ли мёд, то ли горькая чаша. Вечер памяти

Вечер памяти, посвящённый Анатолию Михайловичу Давыдову

Оформление

В центре на стене портрет А. Давыдова. Под портретом - даты жизни (1923-2004). На чёрном круглом столике ваза с живыми цветами. Мультимедийная установка для проецирования на экран фотографий поэта в различные годы его жизни и деятельности. Живые цветы для выступающих, которые после воспоминаний ставят их в вазу под портретом.

Звучит фонограмма. П. И. Чайковский. «Сентиментальный вальс»

Ведущий. Добрый вечер, дорогие друзья! Добрый вечер, уважаемые гости!

Все мы прекрасно знаем одну великую истину, что всё в мире течёт, всё изменяется. Проходят дни, годы, века. Великие памятники превращаются в прах, но у человека есть защита от духовного вымирания - это память о людях, которые жили и творили рядом с нами в то или иное время.

«Память - одно из самых благодатных даров неба, - говорил Пётр Ильич Чайковский. - Воспоминания, как луч света, имеют свойство озарять произошедшее, как раз настолько, что всё худое не замечается, что всё хорошее кажется ещё лучше».

Есть какая-то неразрешимая загадка в притягательности давно ушедших людей. На сегодняшнем вечере памяти поэта А. М. Давыдова, который мы назвали: «То ли мёд, то ли горькая чаша?», прозвучат его стихи, воспоминания людей, которые лично знали Анатолия Михайловича, стихотворения усть-илимских поэтов, посвящённые товарищу.

Погаси электрический свет,
Тёплым воском пусть плавятся свечи.
Поплывём вспять течению лет
В чьи-то страсти, разлуки и встречи.
Мы откроем старинный сундук,
Пыль времен отряхнем мы с событий,
Чтоб забытый, таинственный звук
Из реки дней ушедших к нам вытек.

*На большом экране фотография поэта
Тихо звучит музыка - «Сентиментальный
вальс» П. И. Чайковского*

Ведущий. Он ушёл от нас на 82 году жизни, оставив богатое поэтическое наследие. Его стихи были опубликованы в различных журналах, га-

зетах, книгах, изданных в Самаре, Куйбышеве и в других городах. А последние стихи остались в дневниках.

Анатолий Михайлович Давыдов писал:

Были дни и светлыми, и чёрными,
Всяко было, иногда везло.
Всё, что западало в душу зёрнами,
Проросло с годами и взошло.
Набирает силу, выше тянется
Требуется: «А ну-ка, дай простор!»
Может быть, кому и не поглянется
Этих всходов трепетный узор.
Только их не выполешь, не скосишь,
Сила им волшебная дана.
Час придёт, и выбросят колосья,
И дадут тугие семена.
Верится, что хоть кому-то радость
Принесут, рождённые судьбой.
Об ином загадывать не надо,
Если будет, то само собой!

Вот и не загадывал он, а случился сам собой этот вечер, посвящённый светлой памяти поэта.

*М. Глинка. «Воспоминания о летней ночи»
Исполняет Т. Валиева и ансамбль скрипачей*

*Затем вновь звучит «Сентиментальный вальс»
П. И. Чайковского*

На экране появляется другой снимок

Ведущий:

Родился человек, по стенам взгляд блуждает,
Закрыли эти стены даль и ширь...
Грудь материнская сегодня заменяет
Ему весь белый свет, весь необъятный мир.
Пусть где-то в космосе бушуют катаклизмы,
Пусть ураганы бьют земле в висок,
Ему пока понятен в этой жизни,
Лишь материнский ласковый сосок.
Но вы тот час рождения заметьте,
На миг забыв про судорожный век.
Кто знает, что ему дано на свете?
Ведь это же родился человек.

Тихо звучит симфония К. Глюка

Ведущий. Анатолий Михайлович Давыдов родился 9 июня 1923 года в Петрограде, который через год был переименован в Ленинград, в доме «весёлых» нищих. Отец его был цыганом, мать - полячкой. Мать рано умерла, оставив его ещё ребёнком, умерли и брат с сестрой. Вскоре после смерти матери и детей трагически ушёл из жизни отец, и поэт остался сиротой. Его жизнь была очень сложной: он беспризорничал, жил на чердаках, в тамбурах и на крышах вагонов. Много раз убегал из детских приёмников, но, несмотря на трудную жизнь, никогда никого не обманывал, не «жульничал» и не воровал. Чтобы иметь хоть какие-то средства к существованию, он подрабатывал на почте: разносил газеты, телеграммы, посылки, помогал подписывать адреса, писать телеграммы. Иногда даже танцевал на улице.

Благодаря матери, он рано научился читать и в че-

тыре года написал своё первое стихотворение. Уже будучи взрослым, он стал учеником школы имени Дзержинского и Достоевского, его взяли сразу в третий класс, так как он умел читать и писать. Окончив семилетку, Давыдов поступает в Ленинградский техникум, который готовил инженеров для районов крайнего Севера, но в будущем по специальности не работал ни дня.

*Звучит «Соната для двух виолончелей»
Исполняет Т. Валиева и ансамбль скрипачей*

*Звучит вальс «Амурские волны»
На фоне музыки проходят снимки военных лет*

Ведущий. 22 июня 1941 г. Фашистская Германия вторглась на территорию СССР. На второй день войны Давыдов добровольцем пошёл в народное ополчение. Ему едва исполнилось 18 лет. Оттуда его мобилизовали в армию. Он попал на Северо-Западный фронт в 21 мотострелковую дивизию. Служил в отдельном разведывательном батальоне, защищая родной Ленинград. Здесь он был первый раз контужен. После госпиталя в 1942 г. был отправлен под Сталинград. Ещё одна контузия. Снова госпиталь, а затем были Одесса и Берлин. На стене Рейхстага он оставил свою фамилию.

На экране фото: А. М. Давыдов, 3 мая 1945 г.

Ведущий. У нас в гостях учащиеся Усть-Илимского экспериментального лицея. В 2002 г. Алёна Зинченко, ныне выпускница лицея, подготовила научно-исследовательскую работу по творчеству А. Давыдова. Поэт охотно делился с ней воспоминаниями, хотя считалось, что он был не особенно разговорчив. Больше всего ей удалось изучить лирику, посвящённую Великой Отечественной войне. И сегодня лицеисты под руководством учителя русского языка и литературы Татьяны Владимировны Коршуновой приготовили для нас литературно-музыкальную композицию «Не замести годам тот след» по страницам военной лирики А.М. Давыдова. Учитель музыки Усть-Илимского лицея Юрий Николаевич Бобошко написал музыку на стихи Давыдова «Я вспомнил земляничную поляну», которая сегодня впервые будет исполнена. А. М. Давыдов - один из немногих поэтов-фронтовиков, живших в нашем городе. Я приглашаю ребят на нашу сцену.

*Звучат стихи и песня на стихи А.М. Давыдова в исполнении лицеистов и учителей лицея
Выступление саксофониста Николая Антонова*

Ведущий продолжает на фоне музыки Э. Грига. «Фантазия»

Ведущий. Однажды, идя по Садовой улице в Ленинграде, он случайно наткнулся на объявление, висевшее на дверях библиотеки им. Салтыкова-Щедрина: «Требуется человек со знанием

иностранных языков». Так как Давыдов очень хорошо знал немецкий язык, его взяли на работу заведующим фондом немецкой литературы. Для дальнейшей работы в библиотеке необходимо было иметь высшее образование. Он поступает в Библиотечный институт имени Н.К. Крупской и успешно заканчивает его экстерном, за один год, с лёгкостью сдав экзамен по всем предметам. В этот период он познакомился с Д.С. Лихачевым и очень гордился этим знакомством. Они довольно часто встречались с поэтом Михаилом Дудиным, так как получали гонорар, как говорил А. Давыдов, «в одном месте». Впоследствии стихи А. Давыдова и М. Дудина войдут в большой известный сборник стихов о войне, изданный в городе Куйбышеве.

А.М. Давыдов продолжал заниматься творчеством: писал заметки в газеты, стихи. После публикации его статьи в «Комсомольской правде» под названием «Мошеник на посту председателя колхоза» был приглашён работать журналистом. По заданию редакции ему удалось побывать не только во многих городах СССР, но и за рубежом. Его произведения публиковались в различных периодических изданиях, а в городах Самаре и Куйбышеве было издано несколько сборников стихотворений. Особенно интересны были его детские издания.

*На экране ещё одна фотография поэта
Продолжает тихо звучать Второй концерт С. Рахманинова*

Ведущий. В 1979 г. поэт вместе с семьёй переехал в г. Усть-Илимск и долгое время работал в газете «Усть-Илимская правда», был сотрудником газеты «Лесохимик Усть-Илима» и «Вечерний Усть-Илим».

Об этом замечательном времени поэта вспоминают его коллеги.

Выступают коллеги А.М. Давыдова - журналисты городских газет: Геннадий Владимирович Ташкинов - корреспондент и в 1970-е годы - редактор газеты «Усть-Илимская правда»;

Елена Николаевна Труфанова, главный редактор газеты «Вечерний Усть-Илим».

*Каждый рассказчик ставит живой цветок в вазу.
Звучат воспоминания о создании литературного объединения «Поиск», в котором поэт много лет был председателем. Вспоминают Ольга Ильинична Нетецкая, Михаил Михайлович Рябиков - усть-илимские поэты.*

Воспоминания сопровождаются демонстрацией фотографий из архива поэта

Ведущий. Давыдов вращался в кругу маститых писателей и поэтов. На этих исторических снимках мы видим Давыдова вместе с Валентином Григорьевичем Распутиным и другими известными иркутскими поэтами.

Об этих встречах, которые часто в то время проходили в библиотеках нашего города, расскажет начальник отдела культуры Администрации г. Усть-Илимска Татьяна Геннадьевна Сафиуллина и директор Центральной библиотеки г. Усть-Илимска Нина Васильевна Лобова.

Ведущий. Поэт был частым гостем в стенах библиотеки, подолгу засиживался в читальном зале. Сегодня работники библиотеки читают для Вас его стихи.

Выступление сотрудников библиотеки имени Клёстова-Ангарского

Ведущий. Наш долг перед памятью поэта - собрать воедино все подробности и обстоятельства его жизни, чтобы полнее представить картину его творчества, его любви к жизни, к людям, чтобы как можно дольше сохранить память о нём, а ещё лучше - передать эту память молодому поколению.

«Не я пишу - душа просит» - вспоминают его слова друзья, коллеги и близкие люди.

Ведущий предлагает поделиться воспоминаниями сидящих в зале зрителей, хорошо знавших поэта. Воспоминания перемежаются с чтением стихов А.М. Давыдова.

Каждый выступающий в вазу под портрет ставит живой цветок. Так постепенно собирается большой букет живых цветов.

На экране движутся снимки поэта

Стоп-кадр: большой портрет А. Давыдова М. Глинка. Исполняет ансамбль скрипачей.

Ведущий. Личная жизнь у поэта не сложилась. Любимый сын уехал далеко, вместе с бывшей супругой. Долгое время поэт жил один, навещали его друзья, хорошие знакомые и соратники по перу, да ещё работники социальной службы. Он был серьезно болен. С трудом передвигался по квартире, но духом по-прежнему был бодр. Но уже гораздо реже, чем прежде, появлялись в печати его стихи. В дневниках прослеживались такие записи:

«Я люблю одиночество и его ненавижу»; «Эх ты, сердце, осталось со своею бедой и радостью».

Тихо звучит мелодия Э. Грига

Ведущая: Екатерина Егоровна Соболева познакомилась с поэтом в первые годы их пребывания на Усть-Илиме. Она посещала городское литературное объединение «Поиск». Женщина необычайно привлекательная, хорошая поэтесса. В своём творчестве она часто получала поддержку от А. М. Давыдова. Он редактировал строки её стихов, она помогала ему в работе.

Общие интересы объединили их. И в последние годы его жизни она была его единственной опорой и надеждой. Екатерина Егоровна ухаживала за тяжело больным поэтом, который годами не выходил на улицу. Была ему нянькой и мамой, как говорят теперь, и, конечно же, его самой яркой любовью. «Катенька», «Моя царица» - так называл ее поэт.

Звучит саксофон. «История любви». Исполняет Николай Антонов

Ведущий: Уважаемая Екатерина Егоровна, Вам слово.

Выступление Екатерины Егоровны Соболевой

Ведущий. В нашем зале находятся близкие люди и друзья поэта - усть-илимские поэты Михаил Рябиков, Александр Федюкович, Надежда Анучина, Милана Зарубина.

Давайте послушаем воспоминания друзей, коллег и близких.

Выступления усть-илимских поэтов

Ведущий. Сегодня на памятном вечере мы использовали фрагменты из воспоминаний друзей и близких поэта, так как его книг, к сожалению, в нашей библиотеке нет. В нашем распоряжении имеется лишь сборник стихотворений о войне «Не замести годам тот след», составленный выпускницей лицея Еленой Зинченко в 2002 г., а также стихи из различных усть-илимских газет и журналов.

Стоп-кадр. Портрет А. Давыдова

Звучит «Романс» Г. Свиридова из музыкальных иллюстраций к повести А.С. Пушкина «Метель»

Ведущий. Он ушёл из жизни 15 июля 2004 г. Дорогие друзья! Давайте мы сохраним память о нём каждый в своём сердце. Объявляется минута молчания.

И снова звучит «Романс» Г. Свиридова из музыкальных иллюстраций к повести А.С. Пушкина «Метель»

Ведущий. Для Вас звучит песня усть-илимского поэта и барда Александровна Жданова - «Об уходящих поэтах», посвящённая памяти поэта Анатолия Михайловича Давыдова.

Автор сценария: Галина Фёдоровна Цупрак, заведующая сектором массовой работы Центральной городской библиотеки.

В организации вечера принимали участие:

Нина Васильевна Лобова, директор МУК «Централизованная библиотечная система»;

сотрудники Центральной городской библиотеки имени Н.С. Клёстова-Ангарского - Галина Федоровна Цупрак, заведующая сектором массовой работы; Евгения Петровна Росликова, заведующая отделом обслуживания; Людмила Владимировна Полищук, художник; Дмитрий Валерьевич Пшеничников, программист.

Оглавление

Снова с памяти экрана

глядит суровая война	4
Старый солдат	4
Наверное	4
Мне приснилось: сбросив ношу лет	4
После фильма	4
У реки	4
Берёзка	4
По старой Байкальской дороге	4
Прорвёмся	5
Кто не пожил в землянке	5
Ленинградка	5
Приходят в сны, прорвавшись сквозь года ..	5
О страхе	5
Сны	5
Война	5
Кто не пережил жизни солдата	5
Доброволец	6
Сирень	6
Солдатские песни	6
Была война	6
Счастливые люди, которым не снятся	6
Письма	6
Главное	6
И нет мне покоя	7
Война приходит в ночь без стука	7
Моя душа	7
Случался час	7
Немножко о войне	7
Не говорите мне: увы!	8
Мне никогда так не хотелось жить	8
Отцы наши не гнались за хвалой	8
Всё отдала она войне	8
Припомнилось	8
Встреча	8
Небо звёздной очередью прошито	11
Вы знаете, чем пахнет город	11
Бессонница	11
Исповедь	11
Однополчанам	12
Перекур	12
О присяге	12
Давят сны	12
На гауптвахте	12
Собор	13
Запомнилось	13
Так было предназначено судьбой	13
Это было начало	13
И радость, и печали - всё проходит	13

Небосвод чугунный оседал, пылая	13
Души работа беспрестанна	14
Годы	14
Я вспомнил земляничную поляну	14
Удался май чудесным, но тревожным	14
Весенний гром	14
Жизнь с каждым днём теплей и глаже	14
Рождает былое упрямая память	14
Что ж, с молодыми	15
Люблю тебя всегда, Победный май!	15
Зачем стыдиться седины	15
Всё тягостнее жизни холод	15

Приангарье родное моё

16	Тонули дали в сумраке	16
16	Лунная ночь	16
16	Пока ещё	16
16	Первый лист	16
16	Сентябрь	16
16	Всё ясно до тоски	16
16	Байкал	16
16	Байкал с погодой доброю открылся	16
16	По сини угрюмыми реками	16
16	При дороге	16
17	И ненастье не к обиде	17
17	Обида	17
17	Дожди	17
17	Бабье лето	17
17	Чуть колышет волна у причала	17
17	Остался август доброплодный	17
17	Пахнет дождь гниением и скукой	17
17	В зареве отроги	17
18	Лебединый плач	18
18	Ельники бегут	18
18	Декабрь	18
18	Морозная фантазия	18
19	Не трус!	19
19	Зимняя ночь	19
19	Снег постарел	19
19	Зима пока крепка-	19
19	В опушке молоденький ельник	19
19	Вечер	19
19	Зимнее настроение	19
20	Ясный день	20
20	Сегодня капель добротна	20
20	Весеннее настроение	20
20	Скользит весна, как вода с весла	20
20	Ох, уж эта весна!	20
20	Дождь идёт, а у тебя в глазах	20
20	Идёт апрель, а льдины рифами	20
20	Ветер тихо меж кустов ворочается	20
21	Есть цветок во мшарах - одноцветка	21
21	Ручьи спадают, обсыхают кочки	21
21	Над Невою ли, над Ангарою	21
21	Гроза	21
21	В низине, на грани урмана	21
21	Светило, доброе, как бабушка	21
21	Закат отяжелил листву	21
21	День. Июль - макушка года	21

Роса	21
Дождевики	21
После грозы	22
Над Илимом дождик сеет	22
Всё вырубки да пепелище	22
Стал крепче травяной настой	22
Дернина разорвалась, обнажила	22
Наморщилась, как перед чихом	22
Воюем с природой, и страх нам неведом ...	22
Рассвет, как костёр, языкаст	22
Закат	23
Кора	23
Вечер	23
Бурундук	23
Город новые песни поёт	23
Была весной и летом	23

**Не пожалей душевных слов
для женщины, тобой любимой** 24

Молодость	24
О наших самых дорогих	24
Снегурочка	24
Немного о любви	24
Он ждал любви, желал	24
Полюби, если можешь	24
У скна	24
Полоса отчуждения	25
Приходит в гости женщина ко мне	25
Не пожалей душевных слов	25
Дом уютен без порога	25
Март заскочил в окно ко мне с разбега	25
Гордая	25
В аквариуме	25
Не бойся	25
Зной стекал по лесистым откосам	25
Мы собирали вместе голубику	26
Ты не удерживай меня	26
До чего же июнь пригож	26
Густая ночь черна, как кофе	26
Любимым	26
Затосковал и вспомнил о тебе	26
Ты приди, как та тогда	26
Глаза вдовы	26
Настя	26
Любовь - река	27

Вдоль России 28

Россия	28
Вдоль России	28
Станция Иринка	28
Над водой	28
Родные места	28
Частица Отчизны моей	28
Русь	29
Ярославль	29
Цыганке	29
Вновь зловещие тени	29
Ну, здравствуй, заповедная сторонка!	29

Поселиться бы в мансарде	29
О России	30
Боль	30
Когда минует межень	30
Не всё получается гладко	30
Не страшен на стёклах	30
Рябина	30
Заря за тучей отцвела	30
Жива	30
А Русь остаётся Русью	30
Россияне	30
Петры и Лавры	31
И вдыхать синеву	31
Мост	31
Примета	31
У лесного отрога	31
Что такое ностальгия?	31
Сон	31
В дороге	31
Дорога	32
Вёрсты	32
Возьму и вдруг года немножко сдвину	32
А горы останутся	32
Смотрю	32
Не торопись туда, где был	32
Из прошлого	33

**По-прежнему родными я считаю
все те места, где довелось мне быть ...** 33

Помню, в Закавказье, у Ликани	33
Светлана	33
Кулунда	33
Земля молдавская	34
Ночь на Украине	34

Давайте говорить начистоту 34

Я никогда пути не знал заранее	34
Корни	34
Замять	34
О свободе	34
Вся жизнь моя - история потерь	35
День сломился, как хрупкий прут	35
Две силы	35
Закон - не закон	35
Послушать либералов	35
Лелеют свои хитромудрые думы	35
Не верю митингам горластым	35
Впадают в детство старики	35
Жить торопливо	35
Заборные витии	36
Знамя Коммуны	36
И в ручье, и в ребёнке ищите начало	36
О судьбе	36
Думы о сегодняшнем	36
Развелось обвинителей. Адвокатов не счесть	36
Кто мы? Откуда и куда	37
Давайте говорить начистоту	37

Всё образуется, дни добрые накопятся	37
Память	37
Шагни	37
Когда человеку плохо	37
Листаю памяти страницы	37
Память сердца, не тревожит	37
Разгребая дней ушедших кипы	37
Люблю я даль и близь	38
Нам много обещала жизнь	38
Над речкою на косогоре	38
О дне сегодняшнем	38
Весна	38
Власть советам	38
О гласности	38
Раздумья	38
Мы ниоткуда не выпадали	39
Были истыми безбожниками	39
Вползают сумерки в окно	39
В пути бывает часто нелегко	39
Я не прятался в заветрие	39
Честнее быть	39
Я не пишу, не сочиняю	39
Новогодние (невеселые) раздумья	39
Играем спектакль. Для кого-то комедия	39
Год Собаки был неважен	39
Общественное мнение?	39
Точно знаю - Новый год	39
Газетчик	39
Раздумья	40
«Вперёд!» - кричим	40
Гора орущему сказала	40
Не каждый день, так через день	40
Старые мелодии	40
Другу	40
О книгах	40
Зарисовка	40
Пауки - бюрократы	40
Родился человек. По стенам взгляд блуждает	41
Не получается быть равнодушным	41
В окне исчезла горизонта гладь	41
Плотица, удирая от сома	41
Плывут туманы	41
А надо жить	41
Мой мир	41
Окно	41
К морозам и Белой лошади	41
Базар, пришедший в храм	42
На переломе лета	42
Закат отяжелил листву	42
Пора соблазнов миновала	42
Не верю я в благополучье	42
Ещё вчера казался неустанным	42
-Будь мудрым, - говорят в народе	42
От души и для души	42
От меня отпрянула удача	42
На изменения чреватые	43
Всё похоже	43
Всё ближе закатное, ближе	43
Склон сопки утыкан следами, как кнопками	43
Вот и за моим окном капель	43
Цвет прошлого	43
Ненастье тем и хорошо	43
К добру ли такая раскованность	43
Дальние сопки стоят недвижимы	43
Вот и снова Новый год	44
Светлый праздник Новогодья	44
Житейские частушки	44
Ждут	44
Напутствие	44
В пору раздумий	44
Томится сердце, чувствуя дорогу	44
Дорога	45
Люди, улыбайтесь миру	45
На другом берегу	45
Память	45
Снег	45
Когда-нибудь	45
Не исчезают тени предков	45
Память	45
Узелки	45
Вне времени	46
Не надо возвращаться	46
Потеплело	46
Была моя прабабка	46
Был дед Иван	46
Из прошлого не вычтешь	47
Очерки	47
Чем кончится зимняя сказка.	
Заметки фенолога	47
Всё это было не во сне, не вычитано, а испытано	51
Воспоминания устьилимцев	58
Нина Васильевна Лобова	58
Екатерина Егоровна Соболева	58
Елена Николаевна Труфанова	58
«Художественный мир поэзии А.М. Давыдова».	
Исследовательская работа	61
Снова с памяти экрана глядит суровая война	61
Приангарье родное моё	61
Не пожалей душевных слов для женщины, тобой любимой	62
Давайте говорить начистоту	63
То ли мёд, то ли горькая чаша.	
Вечер памяти	64

Давыдов Анатолий Михайлович

Избранное

МОУ «Усть-Илимский экспериментальный лицей»
Иркутская область, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей, 28
тел.(395-35) 5-70-33
e-mail: uiliceum@irmail.ru, www. lyceum.biz

Техническая редакция, вёрстка и дизайн
издательского отдела агентства «МаркетСтудия»
Иркутская область, г. Усть-Илимск-13, а/я 558
тел. (39535) 6-19-65, 2-66-58
<http://www.market-studio.com>

Отпечатано в типографии «Пятый цвет»
Иркутская область, г. Усть-Илимск
тел.(39535) 6-33-34